
Джозеф
Кэмпбелл
Пути к
блаженству
мифология
и трансформация
личности

Пути к БЛАЖЕНСТВУ

мифология и трансформация личности

Joseph
Campbell

Pathways to Bliss

Mythology and Personal Transformation

Edited and with Foreword by David Kudler

New World Library, 2004

Джозеф
Кэмпбелл

Пути к БЛАЖЕНСТВУ

мифология и трансформация личности

Издание и предисловие
Дэвида Кадлера

Перевод с английского
Алексея Осипова

ОТКРЫТЫЙ МИР
Москва, 2006

УДК 159.9
ББК 88.37
К98

Перевод с английского
Алексея Осипова

Художник
Андрей Бондаренко

Кэмпбелл, Джозеф
Пути к блаженству: мифология и трансформация
личности / Джозеф Кэмпбелл ;
пер. с англ. А. Осипова. —
М. : Открытый Мир, 2006. — 320 с.

В книге Джозефа Кэмпбелла (1904—1987) «Пути к блаженству: мифология и трансформация личности», составленной по материалам его лекций и публичных выступлений в 1960—1980-х гг., исследуется психологическая функция мифа. Согласно Кэмпбеллу, миф является универсальной матрицей личностного роста. Используя ее в полной мере, человек может жить в согласии со своей сокровенной природой. Связывая воедино древние символы и современное искусство, первобытные ритуалы и путешествие героя, Кэмпбелл помогает читателю обрести миф своей души — путь, который ведет к блаженству.

ISBN 5-9743-0043-2

Содержание

Познавший других — мудр,
Познавший себя — просветлен,
Победивший других — силен,
Победивший себя — могуч.
Лао-цзы, «Дао дэ цзин», 33.

Предисловие составителя

В 1972 году, работая над книгой «Мифы, в которых нам жить» — результатом более чем двух десятилетий лекционной работы, — Джозеф Кэмпбелл заявил, что его посетило откровение:

> *Относительно себя самого могу сказать, что за это время я очень вырос и дальше ушел по пути личностного развития, а мои идеи претерпели значительные изменения. Однако, сведя воедино все свои записи за истекший период, я с удивлением обнаружил, что все эти годы писал об одном и том же. Это помогло мне лучше понять, что мною движет. Я не имел четкого представления о том, что это такое, пока не осознал сквозную тему, красной нитью проходившую через всю книгу. Двадцать четыре года — довольно значительный промежуток времени, за который успело произойти множество разных событий. А я все там же и стучусь в ту же дверь*[1].

Когда я составлял эту книгу по материалам дюжины с лишним лекций, интервью и семинаров, которые Кэмпбелл про-

1 См. раздел «Об авторе». — *Примеч. издателя.*

вел между 1962 и 1983 годами, у меня были очень похожие ощущения.

Я выбрал именно эти лекции, поскольку в них ясно прослеживается любимая идея Джозефа Кэмпбелла о мифологии как средстве стимуляции психологического роста индивидуума и постижения его особенностей и закономерностей. Он называл это четвертой психологической функцией мифа. В данной книге мне хотелось бы представить читателям что-то вроде исторического обзора мыслей Кэмпбелла по этому вопросу.

Кроме того, я обнаружил, что идеи, которые Кэмпбелл высказывал в конце рассматриваемого периода, завершая программу лекций в Куперовском союзе [2] и параллельно дописывая гигантский труд «Маски бога», в значительной степени перекликались с концепциями, которые он разрабатывал ближе к концу жизни в более неформальном и интенсивном ключе — например, на мастер-классах в Эсаленском институте [3], где он каждый год праздновал свой день рождения. Направление его мысли постоянно менялось (например, он мог рассуждать о преимуществах и недостатках использования ЛСД как средства пробуждения мифических образов коллективного бессознательного), но основная концепция оставалась неизменной. Он полагал, что миф представляет собой универсальную матрицу личностного роста и трансформации и что, понимая, каким образом мифы и символы влияют на наше сознание, мы сможем жить в согласии

2 Куперовский союз развития наук и искусств (The Cooper Union for the Advancement in Science and Art) — одно из старейших и наиболее уважаемых высших учебных заведений США (основан в 1859 г.), готовящее специалистов в области изящных искусств, архитектуры и инженерного дела. — *Примеч. перев.*

3 Эсаленский институт (Esalen Institute) — альтернативный образовательный и учебный центр, расположенный на Тихоокеанском побережье США и занимающийся исследованием возможностей человека. — *Примеч. перев.*

с собственной сокровенной природой и следовать по пути к счастью.

Тщательная проработка идей сделала работу над этим томом собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла очень легкой и одновременно гораздо более сложной, чем над предыдущими томами. «Саке и сатори: азиатские дневники — Япония» был составлен на основе одного-единственного внутренне последовательного источника, что позволило мне полностью сосредоточиться на изложении мыслей автора. Книга «Мифы света: восточные метафоры вечности» создавалась на основе большого количества лекций и неопубликованных материалов, в которых нашли отражение тридцать лет размышлений о религиях Индии и Восточной Азии, но стоило мне расположить информацию в соответствии с развитием темы трансцендентной божественности, все тут же встало на свои места — по одной лекции на каждую часть. В первой части данного тома, «Человек и миф», рассматривается историческое развитие мифа как инструмента эволюции — но не общественной, а личностной. Материалом для нее послужили многочисленные лекции. Моей основной задачей было избежать дублирования, чтобы читателю не пришлось блуждать, например, среди четырех подготовительных вариантов описания четырех функций мифологии.

Предметом второй части, «Живой миф», является фундаментальная психология мифа. Источником для нее послужил целый ряд публичных выступлений на протяжении почти что десяти лет — все на тему «Жить согласно личному мифу» (хотя самому Кэмпбеллу это название никогда особенно не нравилось). Иногда это были часовые лекции, иногда — семидневные практические семинары. В любом случае подход к теме оставался неизменным, хотя тезисы располагались в разном порядке и с разными акцентами в зависимости от аудитории, текущих событий и направления мысли автора. Из-за этого сведение разрозненных фрагментов в единое целое и

придание изложению простой, доступной, но всеобъемлющей формы оказалось сложнейшей, но необычайно увлекательной задачей.

Третья часть, озаглавленная «Путешествие героя», рассматривает базовый набор предпосылок, предложенный Кэмпбеллом в основополагающей работе «Тысячеликий герой», как инструментарий для анализа жизненного пути. Это стало еще одной проблемой. Большая часть материала была представлена в записях семинарских занятий за 1983 год. Семинар мог длиться месяц, но рассматриваемая тема затрагивалась лишь в небольшой его части. Занятия шли в форме свободной дискуссии, охватывавшей совершенно различные темы, которую было очень сложно структурировать. Отыскать в ней нить повествования, не навязывая тему и не исключая фрагменты, не относящиеся непосредственно к делу, было еще сложнее, если не сказать больше. Наверное, это была самая трудная задача за все время работы над книгой. Читать — и издавать — Кэмпбелла невероятно увлекательно, потому что его мысль, подобно принадлежавшей Индре сети из драгоценных камней, сплетает одну блистательную идею с другой, неизменно находя между ними линии внутренней связи. Как я уже говорил во введении к «Мифам света», поражающие воображение скачки мысли в этой книге стоит отнести на счет Кэмпбелла, а пробелы в логике — исключительно на мой.

Следует отметить, что не один я способствовал появлению этой книги на свет. Мне хотелось бы выразить признательность за неустанные труды президенту Фонда Джозефа Кэмпбелла Роберту Уолтеру, который не только бережно хранил научное наследие Кэмпбелла в течение семнадцати лет после его смерти, не только возглавлял небольшую, но весьма успешную некоммерческую компанию, занимавшуюся продолжением дела этого выдающегося ученого, но и, будучи его старым другом и редактором, самоотверженно помо-

гал мне разбираться в горах рукописей и аудиопленок в поисках материала для этой книги.

Я хочу также поблагодарить за сотрудничество Джейсона Гарднера из «Нью Уорлд Лайбрери», который вместе с нами готовил к изданию эту замечательную и непрерывно пополняющуюся серию, а также Майка Эшби, пролившего семь потов в битвах с санскритом, японским и «Поминками по Финнегану»[4].

Необходимо отдать должное Сьерре Милман и Шоне Шеймс — блистательным молодым специалистам, о которых научный мир непременно услышит в ближайшие годы и которые предоставили расшифровки аудиозаписей для некоторых частей этой книги. Мисс Милман также осуществляла редактуру первой части книги — «Миф и человек».

И наконец, я хочу поблагодарить мою жену, Мору Воэн, с которой мы идем по жизни рука об руку и которая делает этот путь желанным для меня.

Дэвид Кадлер,
16 июля 2004 г.

4 «Поминки по Финнегану» — последняя книга ирландского писателя Джеймса Джойса (1882—1941). Язык, которым она написана, невероятно сложен и был изобретен автором специально для нее. — *Примеч. перев.*

Введение[5]

Не так давно я беседовал с группой студентов в Эсаленском институте в Калифорнии. Большую часть ее составляли женщины. Их чрезвычайно интересовало, встречаются ли в классической мифологии примеры ролевых моделей для женщин, желающих занимать руководящие посты или служить в армии в нашем современном мире. Таких моделей не было. Тогда был поднят вопрос, могут ли мифологические персонажи вообще выступать в качестве ролевых моделей.

Я бы сказал, что независимо от того, могут они или не могут, мифы всегда *обеспечивали* общество набором ролевых моделей, адекватных для времени их бытования. Образы мифов показывают, каким образом космическая энергия проявляет себя во времени, и потому, когда меняются времена, вместе с ними меняются и способы этой манифестации.

5 Большая часть «Введения» взята из лекции, которую Кэмпбелл прочитал в 1981 г. (единица хранения L965 в архиве Фонда Джозефа Кэмпбелла). Обсуждение понятия «следование за блаженством» взято из беседы со студентами в рамках лекции от 23 апреля 1983 г., названной «Переживание тайны» (единица хранения L830). — *Примеч. издателя.*

Я рассказал студентам, что боги представляют собой силы, хранящие человека и покровительствующие ему в той или иной сфере деятельности. Обращаясь к божеству, мы испытываем влияние стабилизирующей энергии, которая помогает войти в роль как она есть и подключиться к модели, представляемой данным божеством. Существуют божества, покровительствующие сельскому хозяйству, войне и так далее. В нашей классической традиции нет божеств, которые бы помогали женщинам на пути бизнеса, управления или войны. Афина покровительствует воинам, но сама воином не является. Артемида может быть охотницей, но на самом деле олицетворяет трансформирующую силу богини или природы, не имеющую отношения к активным действиям в социальной сфере. Чему занимающаяся бизнесом женщина могла бы научиться у Артемиды?

Любой образ мифа подтвержден опытом десятилетий, веков или даже тысячелетий, в течение которых люди следовали по обозначенному им пути, формируя, таким образом, устойчивые ролевые модели. Очень трудно выстроить свою жизнь, не имея вообще никаких образцов для подражания. Не знаю, как обстоят дела сейчас, когда перед современными людьми открывается такое множество новых дорог. Но мой жизненный опыт подсказывает, что всегда имеется модель, указывающая человеку направление, в котором он будет двигаться, и способ взаимодействия с трудностями и возможностями, которые встретятся ему на пути.

Миф — не то же самое, что история; в мифах не повествуется о выдающихся людях, проживших замеча-

тельную жизнь, чей пример может вдохновить читателей. По отношению к настоящему миф обладает трансцендентным характером. Герой народных сказаний в значительной степени отличается от исторической личности, о которой пишут в сборнике биографий, даже если когда-то давным-давно он и был реальным человеком — как Джон Генри[6] или Джордж Вашингтон[7]. Фольклорный герой — это персонаж, претерпевающий по сюжету мифа некую трансформацию. Устная мифологическая традиция никогда не устаревает. В сказках американских индейцев присутствуют велосипеды и вашингтонский Капитолий. Все, что происходит в жизни, тотчас же становится частью мифологии. В нашем обществе, где превалируют печатное слово и не изменяемый во времени текст, функция поэта состоит в том, чтобы видеть факты, оценивать их и обожествлять, чтобы непрерывно пополнять библиотеку образов, связывающих повседневность с вечностью.

Разумеется, пытаясь установить контакт с трансцендентным, вы совершенно не обязаны оперировать образами. Вы можете пойти путем дзен и отвергнуть все мифологии скопом. Но я говорю именно о пути мифа. А функция мифа как раз в том и состоит, чтобы предоставить знаковую среду, которая поможет вам определить свои координаты. Это что-то вроде мандалы или священного круга, и не важно, тибетский ли вы монах

6 Джон Генри — герой американского фольклора, персонаж песен и легенд, чернокожий молотобоец, по преданию работавший на прокладке железнодорожного тоннеля в горах Западной Вирджинии. Погиб при попытке победить буровую машину. — *Примеч. перев.*

7 Джордж Вашингтон (1732—1799) — первый президент США. — *Примеч. перев.*

или клиент юнгианского психоаналитика. Символы располагаются по кругу, в центре которого находитесь вы. Мифический лабиринт представляет собой, по сути дела, перепутанную мандалу, в которой невозможно определить, где вы находитесь. Именно так выглядит мир для тех, кто не знает мифов. Для них он — лабиринт. Они вынуждены с боями прокладывать через него путь, как если бы были первопроходцами и ничья нога до них сюда не ступала.

Мне представился случай познакомиться с работой блестящего немецкого психиатра Карлфрида Графа Дюркгейма (которого не следует путать с французским социологом Эмилем Дюркгеймом). Этому специалисту удалось обобщить проблематику физического и психического здоровья, сведя ее к феномену мифа и продолжив тем самым дело Карла Густава Юнга и Эриха Ноймана[8]. В глубине души каждого из нас обитает мудрость жизни, говорит Дюркгейм. Все мы суть проявления мистической энергии — великой жизненной силы, придавшей форму видимому миру и вылепившей нас в утробе матери. Ее мудрость живет в нас и представляет

8 Карлфрид Граф Дюркгейм (1896—1988) — немецкий аристократ, выполнявший дипломатическую миссию в Японии. Знакомство с дзен-буддизмом и даосизмом в Восточной Азии открыло для него новые горизонты мысли. По возвращении в Европу он стал мыслителем, чьи теории были во многом согласны с воззрениями Джозефа Кэмпбелла. Дюркгейм исследовал мифологическую компаративистику и ее параллели в области духовных практик и юнгианской глубинной психологии. С помощью своей супруги, Марии Гиппиус, он основал центр духовной психологии.

Карл Густав Юнг (1875—1961) — один из величайших новаторов в психологии XX века. Больше сведений о его работе и жизненном пути вы найдете в главах «Миф и человеческое “я”» и «Личный миф».

Эрих Нойман (1905—1960) — психолог и ученик Юнга. Оба специалиста изучали связь между мифологией и психологией. — *Примеч. издателя.*

собой живую силу этой энергии, проявляющуюся в пространстве и времени. Природа этой энергии трансцендентна: она приходит из областей, лежащих за пределами человеческого разумения. Однако в каждом из нас — внутри нашего тела — она ограничивает и связывает себя для того, чтобы выполнить определенные задачи. Но если наше мыслящее сознание, наши видящие глаза оказываются поглощены миром частных понятий и мелких, временных целей, то мы теряем свободу действий и эта трансцендентная энергия уже не может протекать сквозь нас свободно. А это ведет к болезням. Когда энергия блокируется, нас автоматически выбрасывает из центра мандалы; этому положению вторят представления китайской и индийской медицины. Итак, психологическая проблема, она же способ избежать блокировок, состоит в необходимости сделать себя — и вот она, точная формулировка — *проницаемым для трансцендентного*. Ни много ни мало.

Роль мифа в нашей жизни состоит в том, чтобы напоминать о существовании трансцендентного мира за пределами феноменального. Мифический персонаж подобен циркулю, с помощью которого вы рисовали в школе окружности и дуги. Одна ножка этого «циркуля» укоренена в вечности, а другая устремлена во время. Божество может выглядеть как человек или животное, но значение образа этим не ограничивается.

Если перевести подвижную ножку циркуля — которая есть метафора — в сферу конкретного, в область фактов, то мы получим не миф, а аллегорию. Там, где миф говорит о чем-то, что нельзя описать словами, аллегория просто рассказывает историю, в которой содержится практический урок. Перед нами то, что Джойс

называл *неподлинным искусством*[9]. Если миф проецируется на факт или на понятие, то мы получаем аллегорический образ. Мифический же образ всегда стоит одной ногой в трансцендентном. Одна из главных проблем с распространением религиозных идей как раз в том и заключается, что бог окончательно приобретает статус факта и тем самым перестает быть проницаемым для трансцендентного. Именно это имел в виду Лао-цзы в первом афоризме «Дао дэ цзин»: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао»[10]. Сделайте своего бога проницаемым для трансцендентного — и не важно, каким именем он зовется.

Теперь, когда в качестве модели у вас есть божество, ваша жизнь неизбежно станет проницаемой для трансцендентного — настолько, насколько вы осознаете влияние и вдохновение, которые он вам ниспосылает. Это означает жизнь не ради мирских успехов и достижений, но во имя высшего, что позволит энергии свободно течь через вас.

Разумеется, чтобы достичь трансперсонального уровня, вам сначала придется пройти через персональный; в дальнейшем вам понадобятся качества обоих. Известный немецкий этнограф XIX века Адольф Бастиан[11] писал, что в каждом мифе присутствуют два эле-

9 Обсуждение теорий Джеймса Джойса относительно подлинного и неподлинного искусства см. в книге Joseph Campbell, *The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion* (Novato, Calif.: New World Library, 2002), pp. 90—91 ff. — *Примеч. издателя.*

«Неподлинным искусством» Джойс называл такое искусство, которое возбуждает влечение или отвращение. — *Примеч. ред.*

10 В оригинале цит. по: Lao-tzu, *Tao-te-ching*, trans. Gai-Fu fung and Jane English (New York: Vintage Books, 1997), p. 1. — *Примеч. издателя.*

11 Адольф Бастиан (1825—1905) — немецкий этнограф, путешественник и врач, автор 6-томного труда «Народы Восточной Азии», основатель Берлинского общества антропологии (1869) и Берлинского общества ис-

мента: локальный и первичный. Чтобы подняться на трансцендентный, или первоначальный, уровень, необходимо сперва изучить свои собственные традиции — уровень локальный. Таким образом, отношения с богом придется устанавливать на обоих уровнях — как личностном, так и сверхличностном.

В первобытных обществах связь между локальным и первичным уровнями обеспечивал шаман. Для того чтобы выполнять эти функции, шаману приходилось пройти жестокий психологический слом и восстановиться после него в новом качестве. На пороге взросления мальчики и девочки нередко получали видения или слышали песнь. И то и другое означало зов. Подросток чувствовал священный трепет, переходящий в невротическое недомогание. Признаки подобного психоза заставляли семью (которая была причастна к живой традиции и поэтому знала, что нужно делать в подобных обстоятельствах) звать шамана, который мог передать юноше или девушке знания, необходимые для преодоления назревших трудностей. Эти знания включали комплекс определенных психологических приемов, или ритуалов, которые помогали индивидууму вернуться к жизни в обществе, не потеряв связи со своей сокровенной песней.

Конечно же, погружаясь в глубины собственного бессознательного, такой индивидуум входил в контакт с бессознательным коллективным — с бессознательным

следований Центральной Африки (1870), первый директор Королевского этнографического музея в Берлине (ныне Музей народоведения). Теория Бастиана заключалась в том, что сходство обычаев, наблюдаемое в разных частях мира, порождено сходством форм мышления, которые он называл элементарными, или первичными, идеями. На ранних стадиях развития общества первичные идеи формируются под воздействием географической среды, а позднее видоизменяются под влиянием исторических факторов. — *Примеч. ред.*

всего племени. Ввиду тесной взаимосвязи людей в рамках сообщества набор психологических проблем оказывался довольно ограниченным. Шаман для них был учителем и хранителем мифологической традиции, но вместе с тем его боялись и сторонились. Его положение было полно опасностей.

В некоторых традициях взрослый человек может *пожелать* стать шаманом. В таком случае ему приходится пройти определенные испытания, дабы получить ту силу, которую прирожденный шаман получал автоматически. В северо-восточной части Сибири и во многих регионах Северной и Южной Америки призвание шамана подразумевает ритуальный трансвестизм. Это означает, что шаману приходится вести жизнь человека противоположного пола: мужчины живут как женщины, а женщины — как мужчины. Тем самым шаман выходит за пределы сил и способностей, характерных для его природного пола. Такие шаманы-трансвеститы играют огромную роль в мифологии индейцев американского юго-запада (хопи, пуэбло, навахо и апачей), а также у сиу и многих других племен. Владимир Богораз [12] и Владимир Йохельсон [13] впервые описали подоб-

12 Владимир Германович Богораз, псевд. Тан-Богораз (1865—1936) — русский этнограф и лингвист, писатель, революционер, один из организаторов Крестьянского союза. Исследователь традиций сибирских народов (чукчей, коряков, ламутов и др.), член-корреспондент Академии наук, профессор Института народов Севера. — *Примеч. ред.*

13 Владимир Ильич Йохельсон (1855—1937) — русский этнограф, лингвист и путешественник, революционер-народоволец, после Октябрьской революции эмигрировал в США. Участник Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (на северо-западное побережье Тихого океана и далее в глубь Азии), антрополог Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, автор монументальной монографии о жизненном и духовном укладе юкагиров начала XX в. и других исследовательских работ. — *Примеч. ред.*

ные гендерные сдвиги у чукчей Камчатского полуострова в Сибири[14]. Эти два исследователя зафиксировали целый спектр разнообразных реакций на это явление. Некоторые молодые люди, услышав зов и осознав, что им суждено стать тем, что они называли «мягким мужчиной», преисполнялись такого стыда и ужаса, что совершали самоубийство. Все дело в том, что, если шаман не ответит на зов, его ждет неминуемый психический распад. Зов представляет собой глубочайшую психологическую проблему.

Недавно я прочитал о женщине, выросшей в шахтерском городке в Западной Вирджинии. Еще маленькой девочкой она пошла гулять в лес и там услышала прекрасную музыку. Тогда она не поняла ни что это такое, ни что с этим делать. Прошли годы, и вот в возрасте шестидесяти лет она пришла к психиатру, жалуясь на ощущение, что пропустила в жизни что-то очень важное. Подключившись к глубинной памяти под гипнозом, она вспомнила эту лесную музыку[15]. Конечно, вы уже догадались: это была ее шаманская песнь.

Ответив на этот зов, на эту песнь, шаман достигает собственного средоточия. Он пребывает в мире с самим собой, когда поет песни и проводит ритуалы. На самой южной оконечности Южной Америки, на островах Огненной Земли, обитают почти первобытные племена она и яган. В начале XX века отец Альберто де Агости-

14 Waldemar Bogoras, «The Chuckche, Material Culture», *Memoirs of the American Museum of Natural History*, vol. II, part. I (New York: G.E. Stetchert and Co., n.d.). — *Примеч. издателя.*

15 Gareth Hill et al., *The Shaman from Elko: Festshrift for Joseph L. Henderson, M. D.* (San Francisco: The Jung Society of San Francisco, 1978). — *Примеч. издателя.*

ни [16], ученый и священник, долгое время жил среди них. Именно ему мы обязаны всем, что знаем об их мифологии. Нередко ему случалось пробуждаться посреди ночи от звуков музыки — то местный шаман пел и бил в барабан в полном одиночестве, иногда всю ночь напролет, общаясь с высшей силой [17].

Сама идея общения с силой через свой внутренний миф весьма показательна в плане того, как вообще работают мифы. Именно живая мифология, которая органично соответствует жизни людей в данное время в данном месте и в которой мифы воспроизводятся снова и снова в форме ритуала, помогает человеку обрести внутренний центр. Ритуал есть отыгранный миф; участвуя в ритуале, вы становитесь непосредственными участниками мифа.

У индейцев навахо в наши дни очень часто встречаются неврозы, поскольку эти люди, традиционно ведшие жизнь воителей, теперь вынуждены прозябать в резервациях. Для исцеления они используют ритуалы, включающие «рисование песком» [18], в которых пациент снова и снова проходит события мифа. Это помогает ему стать проницаемым для трансцендентного.

16 Альберто Мария де Агостини (1893—1960) — итальянский священник-миссионер, путешественник, альпинист, географ. Исследовал архипелаг Огненная Земля и Патагонию. В его честь названы несколько горных пиков и Национальный парк в восточной части Огненной Земли. — *Примеч. ред.*

17 Alberto M. de Agostini, *I miei viaggi nella Terra del Fuego* (Turin: Cartografia Flli. De Agostini, 1923). — *Примеч. издателя.*

18 Рисование песком — центральный элемент лечебной церемонии навахо: племенной лекарь создает на земле символическое изображение из цветного песка — духовный и физический ландшафт, в котором существуют пациент и его болезнь (включая причины заболевания и пути к исцелению). Церемония сопровождается заклинаниями, молитвами и ритуальным бодрствованием всего племени. — *Примеч. ред.*

Именно так и работают мифы.

Исследуя эту тему, я пришел к выводу, что самым лучшим источником концепций для меня всегда была Индия. На пороге пятидесятилетия, уже полжизни изучая и преподавая мифологию, я наконец удосужился задаться вопросом: как мне удается сводить все это воедино? Да, ответил я сам себе, есть в мире одно место, где миф правил столетиями — и не только правил, но и был переведен на язык идей, так что о нем можно прочитать в книгах, а практика комментирования и обсуждения насчитывает тысячелетия, так что для постижения мифа нет нужды ограничиваться мимолетным эстетическим впечатлением.

Итак, я отправился в Индию, и все сразу же обрело для меня смысл[19]. Я обнаружил, что самые мои удачные идеи непосредственно связаны с тем, что я там узнал.

Понять природу энергии, которой наполнены мифы, мне помогло учение веданты. Тайттирия-упанишада говорит о пяти оболочках *Атмана*, который есть духовная основа любой индивидуальной души.

Первая оболочка называется *аннамайя-коша*, или оболочка пищи. Это наше физическое тело, которое сформировано из пищи и станет пищей, когда мы умрем. Черви, хищные птицы, гиены или пламя пожрут его. Такова оболочка физического тела: оболочка пищи.

19 Больше информации о путешествиях Кэмпбелла по Индии и Восточной Азии можно получить из книг: Joseph Campbell, *Baksheesh and Brahman: Asian Journals — India*, Robin and Stephen Larsen and Antony Van Couvering, eds. (Novato, Calif.: New World Library, 2002), and *Sake and Satory: Asian Journals — Japan*, David Kudler, ed (Novato, Calif.: New World Library, 2002). — *Примеч. издателя.*

Вторая оболочка именуется *пранаяма-коша*, или оболочка дыхания. Дыхание окисляет пищу и обращает ее в *жизнь*. Вот что такое наше тело: пища, стоящая на огне.

Следующая оболочка называется *маномайя-коша*, или ментальная оболочка. Это сознание тела, которое соотносит чувства с осознающим себя «я».

Далее следует широкая пропасть.

А следующая оболочка уже зовется *виджнанамайя-коша* — оболочка мудрости. Это покров трансцендентной мудрости, которая формирует ваше тело в лоне матери, которая переваривает поступающую в организм пищу и знает, как что работает. Эта мудрость знает, как исцелить рану, когда вы порезались. Сначала из пореза идет кровь, потом она свертывается, потом образуется шрам, и все это — работа покрова мудрости.

Представьте, что вы гуляете по лесу и видите, что кто-то соорудил там ограду из колючей проволоки. Ограда проходит вплотную к дереву, врезаясь в его ствол. И дерево принимает в себя проволоку, обволакивая ее своей древесиной. У дерева тоже есть оболочка мудрости. Это уровень естественной природной мудрости, на котором мы ничем не отличаемся от холмов, деревьев, рыб или животных. Энергия мифа призвана помочь нам объединить ментальную оболочку с оболочкой мудрости, которая связывает нас с трансцендентным.

Под оболочкой мудрости располагается оболочка блаженства — *анандамайя-коша*, которая представляет собой суть и сердцевину трансцендентного. Жизнь есть проявление блаженства. Но маномайя-коша, ментальная оболочка, слишком привязана к радостям и мукам покрова пищи. «Стоит ли жизнь того, чтобы жить?» — думает она. Или, как вопрошает Джойс в «Поминках

по Финнегану»: «Того ли стоила жизнь, чтоб ее оставить?»[20]

Только подумайте: вот растет трава. Оболочка блаженства рождает оболочку мудрости — и трава растет. Но каждые две недели приходит газонокосильщик с косилкой и срезает траву. Предположим, трава думает: «Вот ведь черт! За что мне такие муки? Нет, увольте, я так больше не могу».

Это уже работа ментальной оболочки. Полагаю, вам прекрасно знаком этот голос: жизнь полна боли. Как мог добрый бог сотворить мир, в котором существуют все эти ужасы? Это типичное мышление в категориях бинарных оппозиций — добра и зла, тьмы и света. Оболочке мудрости подобные противопоставления неведомы. А оболочка блаженства включает их все. Оболочка мудрости является ее непосредственным продолжением, и бинарные оппозиции появляются уже дальше по ходу дела.

Во время визита в Египет я посетил несчастную маленькую гробницу Тутанхамона. В сравнении с усыпальницей фараона Сети I, расположенной поблизости, она походила на деревянный туалет на садовом участке — две маленькие комнатки размером со студию[21]. Усыпальница Сети вполне сравнима с небольшим гимнастическим залом. Вот почему, вероятно, никто не озаботился разграбить могилу Тутанхамона, и мы получили возможность лицезреть все ее великолепное убранство.

20 В оригинале цит. по: James Joyce, *Finnegans Wake* (New York: Penguin Books, 1982), 230. — *Примеч. издателя.*

21 Студия — недорогое жилье, состоящее из одной комнаты и кухни, не имеющее внутренних перегородок. — *Примеч. перев.*

Давайте рассмотрим саркофаг Тутанхамона с точки зрения индийской теории об оболочках. Не уверен, что египетские скульпторы намеревались изобразить именно это, но так уж я увидел. Сначала — три прямоугольных ящика, помещенные один в другой: оболочка пищи, оболочка дыхания и ментальная оболочка. Это внешний уровень. Далее — огромный каменный гроб, который отделяет две внутренние оболочки от внешних. Что же находится внутри? Деревянный саркофаг, инкрустированный золотом и ляпис-лазурью. На крышке его изображен юный фараон, который держит в скрещенных на груди руках знаки царского достоинства. Это я бы сравнил с оболочкой мудрости, или с уровнем живой органической формы. Внутри нее находится оболочка блаженства: тяжелый золотой саркофаг в форме тела Тутанхамона, весящий несколько тонн. Только подумайте о том, как добывали золото в те давние времена и сколько страданий, а может быть, даже человеческих жизней стоило создать такое сокровище. И это — оболочка блаженства.

А внутри нее находится, разумеется, Атман — то есть в случае с Тутанхамоном само тело. К сожалению, египтяне совершили колоссальную ошибку, приравняв вечную жизнь к вечной сохранности тела умершего. Какие экспонаты в Египетском музее самые популярные? Вы платите дополнительный доллар, чтобы попасть в Зал мумий. И вот перед вами зал с тремя рядами деревянных гробов, и в каждом спит фараон. А на гробах, словно на стеклянных ящиках с коллекцией бабочек, надписаны имена: Аменхотеп I, II, III и так далее. Очень похоже на большую комнату в родильном доме, где так же рядами лежат новорожденные младенцы. Египтяне основывали

свою веру, а вместе с ней и строительство пирамид и других величественных усыпальниц на ошибочном представлении о том, что вечная жизнь есть жизнь аннамайякоши, оболочки пищи, тогда как ничего общего между ними нет. Вечность не имеет никакого отношения ко времени. Время — это то, что отсекает нас от вечности. Сейчас — и есть вечность. Это трансцендентное измерение «сейчас», в котором живут мифы.

Все это помогает понять, о чем в действительности говорят мифы. Когда люди говорят: «Ну, знаете ли, такого просто не могло произойти, и вот такого тоже, так что давайте выкинем все мифы за ненадобностью», — они на самом деле пытаются избавиться от внутреннего словаря, при помощи которого ведут между собой диалог маномайя-коша и виджнанамайя-коша — ментальная мудрость и органическая живая мудрость тела.

Божества мифов играют роль моделей, показывают нам образцы жизненных сценариев, если только нам удастся осознать их связь с трансцендентным. Христианская идея *Imitatio Christi* (подражания Христу) — что она означает? Что вам нужно немедленно пойти и приложить все усилия, чтобы вас распяли? Ничего подобного. Это означает жить, стоя одной ногой в трансцендентном, как бог.

Павел говорил: «И уже не я живу, но живет во мне Христос»[22]. Вечность живет во мне. Именно в этом и заключается смысл сознания Будды, которое есть одновременно вся вселенная и вы сами.

Мифы говорят, что, если вы общаетесь с миром тем или иным способом, то находитесь под защитой Афины,

22 Послание к Галатам, 2:20. — *Примеч. издателя.*

или Артемиды, или еще какого-нибудь божества. Такова была модель в древние времена. Сейчас у нас такой нет. Жизнь меняется настолько быстро, что даже те паттерны мышления, которые считались нормальными и естественными во времена моего детства, таковыми больше не являются: их заменили другие и все движется очень-очень быстро. Сейчас у нас нет стазиса[23], который необходим для формирования мифической традиции.

Катящийся камень мхом не обрастает. Миф — это мох. Так что теперь нам приходится обходиться без него, *ad lib*[24]. Я воспринимаю настоящее как свободное падение в будущее без руля и ветрил. Все, что вам нужно знать, — это как падать; научиться этому можно и в процессе. Так обстоит дело с мифами в настоящий момент. Нас ничто не направляет, у нас нет достойного доверия проводника.

Но даже сейчас вы вполне в состоянии найти проводника — и даже не одного, а двух. Первым может быть некая личность, которая в юности казалась вам благородной, прекрасной и достойной подражания. Этот человек может стать хорошей моделью. Второй — не человек, но путь: вы можете жить ради счастья. Счастье само станет жизнью. Есть одно санскритское изречение: три аспекта мысли, ведущие к берегам океана трансцендентности, суть *сат, чит* и *ананда* (бытие, сознание и блаженство)[25]. Трансцендентным можно на-

23 Стазис (греч.) — состояние покоя, неизменности, иногда — застоя. — *Примеч. перев.*

24 *Ad lib* —сокращение от *ad libitum* (лат.) — «как угодно, по желанию»; здесь — «своими силами». — *Примеч. перев.*

25 Эта концепция служит основой адвайта-веданты — индийского учения о недвойственности, созданного святым Шанкарой около 800 г. н.э. — *Примеч. издателя.*

зывать «все» или «ничто» — не имеет значения, потому что оно лежит за пределами слов. Мы можем говорить лишь о том, что находится по сю сторону трансцендентного. И проблема состоит именно в том, чтобы раскрыть слова и образы и заставить их выразить невыразимое. И слова, и образы затемняют трансцендентное, не позволяя нам переживать его во всей полноте. Но эти три понятия — *сат-чит-ананда*, бытие-сознание-блаженство — помогут вам подойти к невыразимому максимально близко.

Сейчас, когда я стал гораздо старше, я часто думаю об этих понятиях. И я не знаю, что такое *бытие*, и не знаю, что такое *сознание*. Но я знаю, что такое *счастье*: это чувство присутствия, глубокое ощущение, что вы делаете именно то, что должны делать, чтобы быть самим собой. Если вы этим и занимаетесь, то считайте, что уже стоите вы на краю трансцендентности. У вас может не быть никаких денег — это не важно. Когда я вернулся в Штаты после обучения в Германии и Франции, оставалось всего три недели до знаменитого краха на Уолл-стрит 1929 года, и в течение пяти лет я не мог найти себе работу. К счастью для меня, никакого соцобеспечения у меня не было, так что все, что мне оставалось делать, — это сидеть в Вудстоке, читать и размышлять о том, что это такое — мое счастье. И все это время я пребывал в блаженном волнении.

Вот что я всегда говорил своим студентам: следуйте за своим счастьем. В вашей жизни непременно будут мгновения подлинного счастья. А когда оно пройдет, что тогда? Просто будьте счастливы, пока можете; это куда надежнее, чем знать, где вам взять денег в следующем году.

Я годами наблюдал за тем, как молодежь выбирает себе карьеру. Есть только два возможных пути: один из них — следовать за своим счастьем, другой — читать прогнозы и вычислять, в какой сфере будет водиться больше всего денег в год вашего выпуска. А меняется ситуация очень быстро. В этом году на пике популярности у нас компьютерщики; в следующем — зубные врачи. И не важно, что вы для себя решите: к тому времени, как вам придет пора покидать стены университета, все уже десять раз поменяется. Но если вам удастся обнаружить свой внутренний источник счастья, оно останется с вами. Денег у вас может и не быть, но зато счастье вас не покинет.

Счастье само приведет вас к тайне трансцендентного, ибо оно есть кладезь трансцендентной мудрости, скрытый внутри вас. Когда счастье покидает вас, кладезь закрывается — так попытайтесь же найти его снова. Пусть он будет вашим Гермесом-проводником, вашим псом, способным провести по невидимому следу. Именно так человек и узнает свой миф.

В ранних традициях содержатся ключи к этому процессу. Но их нужно воспринимать именно как ключи. Один мудрец сказал: «Чужую шляпу носить не станешь». Когда люди сходят с ума по Востоку и принимаются напяливать на себя тюрбаны и сари, они увязают в простонародной стороне той мудрости, которую взыскуют. А ведь искать нужно саму мудрость, а не ее обертку. Преодолев все ловушки, познав мифы чужой культуры, можно найти в их сердцевине мудрость, которую затем нужно будет перевести на свой собственный язык. Самое трудное состоит в том, чтобы сделать эти мифы своими.

В рамках своих курсов по мифологии в Колледже Сары Лоуренс[26] я рассказал студентам почти обо всех религиях, какие только можно вспомнить навскидку. Одни мифологизировались труднее, другие — легче, но все так или иначе выросли на мифах. В свое время я обнаружил, что почти любую мифологическую традицию можно сделать частью своей жизни, если правильно ее привить. Очень здорово, когда есть возможность жить по мифу, который вам привили еще в детстве, потому что он обитает внутри вас, нравится вам это или нет. Тогда вам остается только научиться мыслить этим мифом, а не просто читать его по слогам. Нужно научиться слышать его песнь.

У меня есть один друг — весьма любопытный малый, — который начинал пресвитерианином, потом ударился в индуизм и двадцать лет или около того пробыл прислужником при одном индуистском монахе в Нью-Йорке. После всего этого он отправился в Индию и сам сделался монахом. И вот в один прекрасный день он мне звонит и сообщает: «Джо, я тут вознамерился перейти в католичество»[27].

Нынешняя церковь заинтересована в экуменической тотальности. Или думает, что заинтересована. Разуме-

26 Колледж Сары Лоуренс — гуманитарный колледж в Нью-Йорке. — *Примеч. перев.*

27 Этим другом был Джон Моффит-младший, с которым Кэмпбелл познакомился в Центре Рамакришны-Вивекананды в Нью-Йорке. Они оба помогали свами Никхилананде переводить материалы для миссионерской деятельности. Кэмпбелл отредактировал сделанный Никхилanандой перевод упанишад, а Моффит помогал переводить «Евангелие Шри Рамакришны» и «Самопознание» Шанкары. Моффит стал одним из немногих американцев, принесших обет послушания в ордене Рамакришны. Это произошло в 1959 г., после чего он принял имя свами Атмагхананды. — *Примеч. издателя.*

ется, когда сидишь с ними за одним столом, создается впечатление, что им вовсе это не нужно. Они вообще не любят давать другим заглядывать к себе в карты. Зато любят ниспровергать другие системы. Тот самый мой друг, переделавшийся из индуистского монаха в католика, писал для американского иезуитского журнала: «О нет, недопустимо так относиться к другим религиям. Если вы желаете ознакомиться с ходом мыслей индуиста или буддиста, узнайте это от них самих, вместо того чтобы свысока прочитать пару книг по теме».

Так получилось, что его послали в Бангкок как раз в то время, когда там проходила большая конференция разных монашеских орденов католической традиции. Именно тогда Томас Мертон[28] погиб в каком-то бангкокском отеле от неисправного электроприбора.

Друг мой рассказал мне интересную вещь: оказывается, монахи-католики и монахи-буддисты прекрасно понимали друг друга. Они искали одного и того же и знали, что опыт их невозможно будет описать в словах. Слово есть лишь способ подвести слушателя к самому краю бездны; оно — дорожный столб с указателем, а не само то место, куда нужно попасть. Однако белое духовенство читает слово и намертво привязывается к нему. Здесь-то и скрыто зерно раздора.

Мой старый учитель Генрих Циммер[29] говорил, что самое лучшее в мире невозможно передать словами — оно трансцендентно и невыразимо. То, что чуть менее

28 Томас Мертон (1915—1968) — американский монах-траппист, автор духовных книг, поэт, эссеист. — *Примеч. перев.*

29 Генрих Циммер (1890—1943) — немецкий индолог и исследователь искусства стран Южной Азии. В 1938 году эмигрировал в Англию, в 1939—1940 гг. преподавал в Оксфорде; в 1942 г. переехал в США, где в течение последнего года своей жизни читал лекции в Колумбийском универси-

хорошо, в большинстве случаев понимается неправильно — это мифы, которые суть метафорические попытки указать дорогу к тому, лучшему. То же, что еще менее хорошо, относится к науке, истории, биографиям и тому подобным дисциплинам. И это единственное, что действительно можно понять. Когда вы желаете говорить о том, первом, которое не может быть изречено, то в качестве пути к нему приходится использовать третье. Но люди уже привыкли читать третье как третье и только воспринимая его самоценно. Образ перестал быть проницаемым для трансцендентного.

Вот история, которая кажется мне лучшим примером того, как можно идти путем *своей жизни*, отыскать его и иметь смелость с него не сходить. Источник ее — роман артурианского цикла «La Queste del Saint Graal» [30], написанный в XIII веке неизвестным монахом.

Король Артур давал большой пир, и вот все его рыцари собрались за Круглым столом. И было у них заведено так, что никто не приступал к еде, пока не случится нечто необычное. А надо вам сказать, что необычное в те времена было явлением обычным, так что гостям не приходилось подолгу сидеть голодными.

Итак, все предвкушали какое-нибудь приключение, и оно не заставило себя долго ждать. Собравшимся рыцарям явился сам святой Грааль — но не во всей славе своей, а накрытый роскошным блистающим покровом. Затем он исчез, оставив собравшихся в молчании, священном трепете и восторге.

тете. Автор трудов «Король и мертвец: Сказки о победе души над злом», «Философские системы Индии», «Мифы и символы в индийском искусстве и индийской цивилизации» и др. — *Примеч. ред.*

30 «Поиски святого Грааля» (ст.-фр.). — *Примеч. ред.*

Наконец встал Гавейн, племянник короля, и возгласил:

— Да примут все присутствующие здесь рыцари обет, что отправятся на поиски святого Грааля, дабы узреть и обрести его без покровов.

Тут начинается текст, который меня особенно заинтересовал. В нем говорится: «...И подумали они, что будет это бесчестьем отправиться в путь всем вместе. И тогда каждый вступил под своды Опасного Леса там, где сам того пожелал, где было темнее всего и не было видно ни пути, ни тропинки».

Вы входите в лес там, где темнее всего, где нет ни пути, ни тропинки. Там, где тропинка есть, прошел кто-то другой, и это его путь, а не ваш. Каждое человеческое существо неповторимо.

Суть в том, чтобы найти свой собственный путь к блаженству.

Часть первая. Человек и миф

Глава первая. Ритуалы необходимы[31]

Функции мифологии

Традиционно первейшей функцией мифологии является примирение сознания с предпосылками его существования, сиречь с самой природой жизни.

Жизнь живет за счет другой жизни. И первый же ее закон — сегодня я съем тебя, а завтра ты меня — сознание усваивает с трудом. Жизнь, живущая за счет другой жизни — или, если угодно, смерти, — этот закон работал миллиарды лет до того, как мы открыли глаза и начали осознавать, что происходит там, снаружи, задолго до того, как на сцене вселенной появился *Homo sapiens*. Эволюция живых существ основана на том, что бытие

31 Материалы для этой главы взяты в основном из лекции, прочитанной 9 мая 1968 года в Амхерстском колледже [гуманитарный колледж в штате Массачусетс, основан в 1821 г. — *Примеч. перев.*] и озаглавленной «О необходимости мифов» (L196), запись которой можно найти в «Аудиоколлекции Джозефа Кэмпбелла» (том IV, «Человек и миф»). Часть главы взята из лекции, прочитанной 17 апреля 1969 года в Вермонтском университете и также озаглавленной «О необходимости мифов» (L250). — *Примеч. издателя.*

одних напрямую зависит от смерти других. У этих существ имеются естественные импульсы, которых наш разум старается не осознавать; мысль о том, что этот кошмар под названием «съешь-сам-или-будешь-съеден» и есть вы, может оказаться очень пугающей.

Эффект, производимый подобным кошмаром, на чувствительный разум, просто ужасен: жизнь кажется ему чудовищной. Жизнь вызывает смертельный страх; и, если бы это было не так, вас бы здесь не было. Так вот, первая функция мифа как раз в том и состоит, чтобы примирить разум с этим фактом.

Первые, самые первобытные порядки мифологии носят аффирмативный характер: они работают с жизнью на ее условиях. Полагаю, ни один антрополог не сможет привести мне пример первобытной мифологической системы, которая бы отрицала мир. Только подумайте, с чем приходилось сталкиваться древнему человеку: боль, страдания, сама проблема выживания! В подобных условиях такой подход не может не удивлять. Я много изучал мифы первобытных культур всего мира, но не могу припомнить ни единого негативного определения бытия или же окружающей вселенной. Усталость от жизни появляется позднее, когда люди начинают жить в роскоши и довольстве.

Единственный способ принять жизнь — это принять ее до самых корней, до ее гниющего, распадающегося, ужасающего основания. Именно такое приятие и демонстрируют нам первобытные ритуалы. Некоторые из них столь брутальны, что вы едва сможете читать о них, не говоря уже о том, чтобы лицезреть. И тем не менее они несут отроческому уму живой и понятный образ: жизнь ужасна, и, если ты намерен жить, тебе придется

делать это *вот так*, то есть, иными словами, так, как живет твое племя.

Такова первая функция мифологии: не просто примирение сознания с условиями его существования, но примирение, сопровождающееся благодарностью, любовью, признательностью за всю его сладостность. Несмотря на горечь и боль, в самой своей сердцевине жизнь воспринимается как прекрасное и сладостное переживание. И такое ее восприятие явственно ощущается даже в самых ужасных первобытных обрядах и мифах.

Затем, примерно в VIII веке до н.э., произошло то, что я называю Великим Переворотом. Люди чувствительные и восприимчивые осознали, что они больше не в силах выносить ежедневный ужас жизни. Их мировосприятие нашло отклик в известном изречении Шопенгауэра: «Жизнь — это то, чего быть не должно»[32]. Жизнь есть фундаментальная, космическая, метафизическая ошибка. И многие нашли ее столь ужасной, что отказались от нее.

Что же за мифология стала результатом этого процесса? Именно в это время на свет явились мифологии ухода, отвержения, отречения и отказа от жизни. Здесь мы находим модели мифологического бегства от реальности. Настоящего бегства из мира в буквальном смысле слова. Как можно существовать, отрицая в себе либо желание жить дальше, либо чувство обиды на то, что жизнь не дала вам того, что, по вашему мнению, долж-

32 В оригинале цит. по: Arthur Schopenhauer, «On the Sufferings of the World», *Studies in Pessimism: A Series of Essays*, trans. T. Bailey Saunders, M. A (London: Swan, Sonnenschein and Co., 1892). См. также: http://etext.library.adelaide.edu.au/s/schopenhauer/arthur/pessimism/chapter1.html. — *Примеч. издателя.*

на была дать, а вместо этого оказалась сплошным кошмаром? Как можно погасить в себе либо стремление жить, либо чувство разочарования в жизни? Разумеется, развивая мифологические системы, отрицающие мир, отрицающие космос, ибо именно этому назначению они и служат. Джайнизм или ранний монастырский буддизм — вот древнейшие примеры такого метафизического подхода.

Джайнизм — возможно, самая древняя функционирующая религия в мире. Сейчас в мире еще есть небольшое количество джайнов, преимущественно в Бомбее и его окрестностях. Первейшим законом для них является *ахимса* — ненасилие, непричинение вреда ничему живому. Забавно, что в Индии джайны представляют собой необычайно богатую социальную прослойку, потому что, если вы желаете сделать карьеру, которая не приносила бы вреда живым существам (по крайней мере, физического), банковское дело подойдет как нельзя лучше. Так что джайны оказались очень маленькой, но весьма элитарной группой.

Как и большинство других негативистских сект, они делятся на две подгруппы. Одна из них — светская, ее члены продолжают жить в миру. Другая же состоит из монахов и монахинь, и первая обеспечивает ее всем необходимым. Правда, ничего особенного им на самом деле и не нужно, потому что они удаляются в лес и основным своим занятием делают *уход* как таковой.

Как это происходит? Вы начинаете с того, что перестаете употреблять в пищу все, что хотя бы кажется живым. Разумеется, никакого мяса — это первейшее табу. Но нельзя есть и того, что кажется или является живым растением. Нельзя сорвать ни апельсина, ни

яблока. Нужно подождать, пока они сами упадут с дерева. Только представьте себе, насколько изысканным может быть стол джайнского аскета. Под конец они уже едят только опавшие листья и тому подобные деликатесы; йогические дыхательные упражнения и другие практики учат их переваривать каждую органическую частицу, попадающую в организм.

Вторая цель состоит в том, чтобы благодаря такому образу жизни потерять всякое желание жить. Основная идея — умереть не раньше, чем ты лишишься желания жить: нужно, чтобы эти два момента совпали. На последних стадиях этого пути вы даете обет каждый день совершать не больше определенного количества шагов; количество шагов нужно сокращать, поскольку каждый раз, когда вы делаете шаг, особенно в лесу, вы убиваете грибы, муравьев и даже саму почву, по которой ступаете.

Суть джайнистского учения состоит в том (и это воистину фантастическое представление о вселенной!), что все на свете обладает живой душой, иначе говоря, монадой жизни, которая стремится к восхождению. Все, на что вы наступаете, — живое, и через большое количество инкарнаций оно переродится в виде человека, который, в свою очередь, сам будет наступать на таких же живых существ. Мне думается, это один из величайших образов вселенной: вздымающаяся волна *джив*, живых монад. Мне это напоминает бутылку с газированной водой, с которой снимают крышку, — и все пузырьки устремляются вверх. Откуда они приходят? Куда идут? Оттуда, где нет никаких определений, и туда, где их опять же нет. Но здесь, в этой жизни, все они стремятся вверх.

Итак, здесь перед нами два подхода к этой величайшей тайне. Один из них — полное приятие, когда вы ничему не говорите «нет». Вы можете контролировать свою жизнь, социальное поведение и систему ценностей, но в глубине сердца говорите всему этому «да». А второй, конечно же, — сказать всему этому «нет». Вы отказываетесь принимать участие во всех этих ужасах больше, чем вас к тому вынуждают. Цель игры в этом случае — выйти вон.

Но здесь возникает еще и третья система — зороастризм, который, согласно источникам, сложился между VII и XI веками до н.э. Теперь у нас есть божество — Ахурамазда, Господь света и истины, — сотворившее совершенный мир. И есть Ангра-Майнью — властелин лжи, который отрицает и уничтожает этот мир. Заратустра (он же Зороастр) заявил, что сейчас идет процесс восстановления совершенства мира, в котором все мы можем принять участие. Своей собственной жизнью и деяниями провозглашая победу добра над злом, мы постепенно сможем вернуть утраченный идеальный мир.

Вы, несомненно, узнаете эти верования, которые донесли до нас библейская и евангельская традиции в форме учения о грехопадении и воскресении.

Итак, эта третья разновидность мировосприятия формирует мелиоративную, или улучшающую, мифологию. Она подразумевает веру в то, что посредством тех или иных действий мир можно изменить к лучшему. Через молитву, или добрые дела, или что-то еще человек в силах изменить основные принципы и базовые условия своей жизни. Вы принимаете мир при условии, что он соответствует вашим представлениям о том, каким ему следует быть. Это похоже на брак с це-

лью исправить того, на ком вы женитесь, — а это уже не есть брак.

Таковы, насколько мне известно, три основные мифологические точки зрения, распространенные в высокоразвитых культурах: одна все приемлет, другая все отрицает, а третья говорит: «Я приму мир, если он станет таким, каким, мне думается, он быть должен». Популярный секуляризованный вариант этой последней позиции мы узнаем повсюду вокруг себя в прогрессивном движении под лозунгом «Сделай мир лучше!».

Мифологический порядок есть система образов, дающая разуму ощущение смысла жизни, — которая, мои дорогие друзья, на самом деле смысла не имеет: она просто есть. Разум все время ищет смысла; он не может играть, пока не узнает (или не придумает) правила игры.

Мифологии представляют нам широкий выбор игр: как заставить себя поверить, что вы делаете то-то и то-то. Посредством этой игры вы добиваетесь ощущения наполненности бытия, осмысленности жизни. Такова первая функция мифологии — пробудить в человеке чувство благодарности и благоговейного трепета перед той вселяющей ужас тайной, которая есть бытие.

Вторая функция мифологии заключается в том, чтобы дать индивидууму образ космоса, образ окружающей его вселенной, который и станет источником и средством поддержания в индивидууме того самого священного трепета. Эту функцию мифологии мы можем назвать космологической.

Здесь вопрос истинности роли не играет. Ницше говорил, что худшее, что вы можете сделать с верующим, — это сказать ему правду. Так ли это? Какая разница! С мифологической точки зрения важно только то,

что мне это нравится *вот так*; вот он, источник моей жизни. Поставьте под сомнение космологическую подлинность архаического образа мира какого-нибудь духовного лица, его восприятие истории. «Кто ты такой, преисполненный гордыни разума, чтобы оспаривать это чудо, что всегда было и пребывает источником всей моей жизни?» — вот что он вам ответит.

Люди живут, играя в игры, и вы разрушите их игру, если войдете с важным видом, как какой-нибудь сэр Трезвомыслящий, эсквайр, и спросите: «Ну и какой во всем этом будет смысл?» Космологический образ дает вам поле для игры, которая поможет собрать воедино жизнь, бытие и разум, смирив вечную жажду смысла. Именно это должны предложить мифология и религия.

Разумеется, сама система должна иметь смысл. Одним из наиболее меня озадачивших событий был полет «Аполлона-10» на Луну. Перед тем как приземлиться на ее поверхность, три космонавта облетели ее кругом. Дело было как раз на Рождество. С орбиты они сообщали, какой сухой и пустынной выглядела под ними Луна. А потом, чтобы отметить знаменательное событие, они стали читать в эфир из Книги Бытия. И эти древние слова не имели ничего общего с космосом, в котором они летели, ибо описывали они плоский кусок трехслойного вселенского пирога, который в семь дней испек Бог, живший где-то в месте, совершенно ином, нежели то, где они в данный момент находились. Они говорили о том, как отделил Бог воды, что вверху, от тех, что внизу, — а под ними расстилалась сухая поверхность Луны. И вот эта-то несовместность религиозной традиции и действительной физической картины мира и задела меня так сильно в тот вечер. Что за

бедствие, право же, для нашего мира, что у нас до сих пор нет ничего, что так же пробуждало бы людские сердца, как эти старые стихи, но в отличие от них сочеталось бы с действительной, доступной людскому наблюдению и постижению картиной вселенной!

Одна из величайших проблем библейской традиции состоит в том, что представленная в ней модель вселенной была введена в обиход еще шумерами пять тысяч лет назад; а ведь с тех пор появилось еще две системы описания мира. Сначала мы познакомились с птолемеевой вселенной, а последние четыре-пять сотен лет живем в коперниковой, в которой есть Солнечная система и вращающиеся колеса галактик. А мы — вот они, все еще топчемся на месте с этой милой сказочкой из первой главы Книги Бытия. Которая никоим образом не связана со всем остальным — и даже со второй главой той же книги.

Итак, вторая функция мифологии — представить человеку такой образ космоса, который поддерживал бы в нем чувство мистического трепета и был бы в состоянии объяснить все, с чем он может столкнуться в окружающем его мире.

Третья функция мифологического порядка состоит в том, чтобы обосновать и поддерживать определенную модель социальной системы: разделяемый большинством ее членов набор представлений о том, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, — представлений, от которых непосредственно зависит существование данной человеческой общности.

В традиционных сообществах эти представления о порядке и законе вплетены в самую ткань картины космоса — их сущностная природа столь же незыбле-

ма и столь же неоспорима. В той же самой библейской традиции, например, есть единый бог, сотворивший мир; считается, что это же божество дало Моисею на горе Синай свод законов, получивший название Десяти Заповедей, и так далее. Социальные законы этого святого сообщества, таким образом, не менее истинны, чем законы природы. Вы не можете заявить: «Ах ты боже мой, что-то мне совсем не нравится, что весной и летом солнце встает так рано. Пожалуй, пусть оно будет подниматься попозже». Точно так же немыслимо было бы сказать: «Нет уж, мне как-то не по душе, что нельзя вкушать молоко вместе с мясом». Оба закона снизошли на землю из одного высшего источника. Это аподиктика; иными словами, отрицать их невозможно. Социальный порядок традиционного, основанного на мифологии сообщества столь же истинен и не подвержен никакой критике, как и законы самой природы. Изменить их нельзя, равно как и пойти против них, если только в ваши планы не входит полное саморазрушение.

Таковы древние традиционные мифологические представления о морали. Мораль дается свыше, и никакое человеческое собрание не властно вынести вердикт: «Это уже устарело, это абсурдно, а вот это уже просто вредно для нас. Давайте все изменим. Давайте рассуждать с рациональной точки зрения». Церковь не в силах ничего с этим поделать, ибо это догмат традиционного общества. Это закон, и все тут. С тем же самым сталкивается Папа, когда затрагивает вопросы контрацепции. Заявляя, что ему доподлинно известно мнение Бога по этому вопросу, он сам ставит себя в совершенно абсурдное положение.

Мне есть что сказать Папе по этому поводу, однако, к сожалению, случая потолковать с ним на эту тему до сих пор не представилось. Когда Данте в «Божественной комедии» попадает на небеса и лицезрит божественную розу, Беатриче показывает ему такую картину. В середине блистающей в славе белой розы — давайте назовем ее Чашей Розы — находится Святая Троица. Ее заполняют мириады людей, мириады когда-либо сотворенных душ, долженствующих занять место ангелов, что пали в начале времен. Беатриче обращает внимание Данте, что Чаша уже почти полна. Заметим, дело было в 1300 году. А теперь подумайте, что произошло с тех пор. Папа явно не дал себе труда прочитать книгу повнимательнее. Не пора ли уже все это прекратить, а? Послание было передано, причем в форме ясной и нелицеприятной. Время прекратить пополнять собой эту Чашу. Там и стоячих-то мест уже не осталось. Однако как бы там ни было, а такова библейская традиция.

Нечто подобное можно найти в Индии, где существует понятие не бога-творца, но *брахмана* — безличной силы, которая дает вселенной жизнь, а затем уничтожает ее. Частью этого вселенского порядка являются законы, управляющие жизнью растений и животных, равно как и те, что определяют кастовую структуру индийского социума. Ни то, ни другое изменить нельзя, ибо и то и другое суть проявления космического порядка.

В наши дни в Индии весьма сильно противостояние между кастовой традицией и проистекающими из нее запретами, с одной стороны, и светскими законами индийского государства — с другой. Несколько лет назад священнослужитель высшего ранга одного из

индийских храмов сказал: «Если вы желаете быть британцами, разрушьте систему каст. Если индусами — подчиняйтесь писанию». А в писании говорится, что у каждой касты есть свое место в обществе и свои функции. В традиционном обществе социальный порядок есть часть порядка естественного, и к тому же существует такое явление, как моральный закон. Люди все еще используют это понятие, но то, что было добродетелью вчера, сегодня может стать пороком. Так может быть, и так было; я сам видел подтверждения тому на своем веку.

И наконец, четвертая функция мифологии — функция психологическая. Миф должен провести индивидуума последовательно через все стадии жизни — от рождения через зрелость, старость и смерть. Мифология обязана сделать это в соответствии с социальным порядком его группы, картиной космоса, принятой в его группе, и самой чудовищной тайной жизни.

В нашем мире вторую и третью функции мифологии узурпировали светские институции. Космология оказалась в руках науки. А первый закон науки гласит, что истину покамест так и не нашли. Законы науки суть работающие гипотезы. Ученый знает, что в любой момент могут быть обнаружены факты, которые опровергнут ныне существующие теории; в наши дни так случается постоянно. Это необычайно забавно. В религиозной традиции чем древнее доктрина, тем более истинной она считается.

С другой стороны, в научной традиции труд, написанный десять лет назад, является уже полностью устаревшим. В науке происходит непрерывное движение вперед, там нет непреложных законов, освященных сто-

летиями, на которых можно было бы почить. Ничего подобного. Наука текуча. И сейчас мы знаем, что и камни тоже текучи, только для этого им требуется очень-очень много времени. Нет ничего неизменного. Все вокруг меняется.

В социальной сфере мы также не считаем свои законы ниспосланными свыше. Хотя время от времени что-то подобное и можно услышать, особенно когда вновь всплывает проблема абортов: Господь опять говорил с сенатором таким-то или с преподобным таким-то. Впрочем, и это уже не имеет смысла. Божьи законы больше не указ законам человеческим. Конгресс решает, какие цели можно считать достойными для данного социального порядка и какие институции будут обеспечивать их достижение. Так что я бы сказал, что в таком обществе, как наше, космологическая и социологическая функции мифологии больше проблемы не составляют.

Но первая и четвертая ее функции, тем не менее, продолжают играть значительную роль в нашей жизни, и именно о них мы с вами и поговорим. В настоящий момент мы уже далеко отошли от древних традиций. Первая функция, как мы помним, — это то самое чувство священного трепета. И, как я уже говорил, к ней существует три основных подхода.

Четвертая функция ныне перешла в сферу педагогики. Назначение педагогических институтов состоит прежде всего в том, чтобы помочь ребенку достичь зрелости, а старику — освободиться от привязанностей к миру. Детство — это период зависимости и послушания. Ребенок зависит от своих родителей и нуждается в их советах, помощи и признании. Затем наступает вре-

мя, когда индивидуум должен начать полагаться на себя и когда единственным для него авторитетом должен стать он сам. Здесь мы сталкиваемся с противоречием между тем отношением к данной проблеме, которое характерно для традиционных обществ, и тем, что бытует в современном западном мире. Согласно традиционным представлениям, взрослый человек, взявший на себя ответственность за свою жизнь, должен без малейшей критики принимать законы своего общества и служить живым их выражением. В нашем мире мы поощряем индивидуума развивать свои критические способности, дабы он мог самостоятельно выносить оценку себе и тому социальному порядку, в рамках которого существует. Что вовсе не означает, что этот порядок нужно непременно взорвать. Равно как не означает и того, что его нужно взорвать до того, как поймешь, что он собой представляет.

Об этой последней функции мне хотелось бы поговорить более подробно.

Миф и развитие личности

Мне думается, что из четырех функций мифологии наиболее постоянной во всех культурах остается функция психологическая. Возьмите личностное развитие индейца сиу на равнинах Северной Америки в XVIII веке, жителя Конго в древних африканских джунглях и современного горожанина в этом безумном машинном мире, в котором нас угораздило существовать. Все они следуют во многом схожими путями психологического развития, неизменно ведущими из колыбели в могилу.

Первое наше отличие от прочих видов живых существ состоит в том, что рождаемся мы слишком рано. Мы приходим в этот мир неспособными позаботиться о себе — и пребываем таковыми без малого лет пятнадцать. Половое созревание наступает только лет в двенадцать, если не позже, а физическая зрелость приходит лишь после двадцати. На протяжении большей части своего жизненного пути индивидуум пребывает в состоянии психологической зависимости. Еще в детском возрасте нас учат реагировать на любой стимул, на любой жизненный опыт вопросом: «Кто мне поможет справиться с этим?» Отношения с родителями у нас всегда строятся на зависимости. Любая ситуация пробуждает в сознании те или иные парентальные образы: «А что бы мне сказали на это мама с папой?» Фрейд уже попытался открыть нам глаза на это явление.

Если вы намерены получить степень, скажем, доктора философии, вам не избавиться от власти научных авторитетов лет так до сорока пяти. Но и затем освобождения не ждите. Автора, порабощенного мнением научных светил, всегда можно определить по количеству сносок в его тексте. Нужно быть достаточно храбрым, чтобы иметь свое собственное мнение, и пусть другие ссылаются на вас, как на авторитет.

Теперь давайте сравним профессора, отвечающего на вопросы по телевизору, с дающим интервью спортсменом. Ученый то и дело мычит и «экает», так что невольно задаешься вопросом: точно ли ему есть что сказать? Что ему мешает? А вот перед нами бейсболист — и как же легко он отвечает. Он говорит с достоинством, он говорит без труда. На меня это всегда производило огромное впечатление. Этот спортсмен вышел из-под

власти авторитетов лет в семнадцать-восемнадцать, когда был лучшим подающим в команде. Бедняга же профессор работал под ними, пока не поседел, а тогда уже стало слишком поздно. Теперь и ему пора на выход.

В какой-то момент общество требует, чтобы это маленькое зависимое создание вдруг превратилось в активного и готового принять на себя ответственность деятеля, который уже не обращается за помощью к маме или папе, но *сам уже есть* мама или папа.

Основное назначение обрядов возрастной инициации в культурах, более древних, чем наша, состоит в психологической трансформации, а для нее совершенно никакого значения не имеет, можете ли вы вычислить, сколько будет 2 + 2 или 962 000 + х. Главное здесь то, что вы мгновенно принимаете на себя ответственность, оставаясь тем же самым человеком. Человек, который разрывается между зависимостью и ответственностью, неизбежно оказывается невротиком: он страдает от двойственности, его тянет сразу в двух направлениях.

Невротики — это всего лишь люди, которые так и не смогли должным образом пересечь психологический порог. В качестве реакции на любой жизненный опыт у них сразу же выскакивает вопрос: «Где же папа?» Потом внезапно приходит осознание: «Ой, так папа же — это я!» Эти сорокалетние дети, рыдающие на кушетке психоаналитика, суть люди, первым делом выдающие зависимую реакцию, а потом спохватывающиеся: «Ох, подождите-ка, я же уже вырос!»

Итак, нас всех растят в подчинении авторитетам и страхе наказания: мы всегда смотрим на тех, кто выше, ожидая одобрения или порицания. Потом наступает

половое созревание, и от нас вдруг начинают ждать, что мы станем взрослыми и возьмем на себя ответственность за собственную жизнь. Взращиваемые в течение двадцати лет и доводимые до автоматизма реакции подчинения авторитетам должны, как по мановению волшебной палочки, сдать позиции и уступить место признанию самого себя в качестве авторитета. Первобытные обряды возрастной инициации, сохранившиеся разве что в виде символического шлепка, который священник дает отроку при конфирмации, должны *пробудить человека* — пробудить его к взрослой жизни, оставив детство позади.

У первобытного племени аранда в Австралии, например, когда маленькие мальчики становятся невыносимыми и трудноуправляемыми, женщины собираются вместе и устраивают им хорошую порку при помощи палок и тому подобных орудий. Затем в течение нескольких недель в их жизни происходят всякие интересные события. Мужчины, все облаченные в странные одежды, в которые, как всю дорогу учили мальчиков, одеваются боги и прочие сверхъестественные существа, врываются в деревню, мыча, завывая и издавая другие ужасающие звуки. Мальчики, разумеется, кидаются к матерям за защитой. Последние, разумеется, делают вид, что пытаются защитить своих детей, но мужчины хватают их и уносят прочь. Мать, таким образом, теряет власть над реальностью, с которой детям теперь приходится столкнуться лицом к лицу.

А то, с чем им приходится столкнуться, совсем не смешно. Одно из испытаний состоит в том, что ребятишек сажают за кустами, строго-настрого приказывая не подглядывать. Снаружи в ночи происходит куча всяких

интересных вещей — там танцуют и веселятся. Можете себе представить, что ожидает дерзнувшего подсмотреть? Конечно же, его убивают и съедают.

Это только один из способов разобраться с малолетними возмутителями спокойствия — просто истребить тех, кто не желает сотрудничать с поддерживающей его социальной системой. К сожалению, недостаток этого метода в том, что общество лишается всякой оригинальности: выживают только «хорошие мальчики».

Через некоторое время каждому из выживших дается шанс увидеть, что творится там, за кустами. Испуганное дитя двенадцати-тринадцати лет от роду усаживают по сю сторону кустов. На другом конце площадки для танцев появляется странный человек, разыгрывающий перед ним древний миф о Вселенском Кенгуру. Потом появляется Вселенский Пес и нападает на Кенгуру. Этот спектакль — неотъемлемая часть комплекса мифов о тотемном первопредке. Отрок сидит себе и смотрит шоу... и вдруг эти два огромных существа подбегают к ближнему краю поля и кидаются на него.

Вполне очевидно, что теперь он запомнит Кенгуру и Пса навсегда. Быть может, всему этому и недостает некоторой утонченности, но главное мальчик понять успевает. И этого главного не так уж много. Ранние образы отца и матери уступают место образам предков племени как такового.

Потом происходят и другие волнующие события: шоу продолжается, и мальчика подвергают обрезанию. Он получает небольшой ритуальный предмет под названием *чуринга*, который должен исцелить рану и стать его личным защитником и фетишем. Затем мужчины поят мальчика своей кровью. Они отворяют себе вены,

и мальчик некоторое время питается только кровью: пирожки из крови, кровавый суп... кровь покрывает его с головы до ног.

Когда ритуал заканчивается, мальчик — уже не то дитя, которым был прежде. Слишком многое случилось с тех пор. Его тело изменилось, равно как и его душа. Затем его посылают обратно к женщинам.

Одна из них, дочь того человека, который обрезал отрока, должна стать его женой. Выбора у него нет, личное мнение роли здесь совершенно не играет. У него нет ни малейшего шанса заявить: «Мне это не нравится. Я хочу по-другому». Теперь его статус юного мужчины получил подтверждение, и он должен вести себя так, как это приличествует мужчине данного племени[33].

Перед подобными сообществами до сих пор стоит проблема выживания, и потому спонтанные реакции индивидуума, посвящаемого в их социальный порядок, должны отвечать нуждам и требованиям сообщества. Социум сам лепит своих членов сообразно имеющемуся порядку: все лишнее отсекается, чтобы они могли стать органами определенного организма. И никаких независимых мыслей, будьте так любезны.

В обществах, принадлежащих к традиционным культурам, зрелость есть непременное условие жизни в рамках культурной традиции. Индивидуум становится носителем моральных установлений. Вы проводите это в жизнь. Вы верите в это. Вы становитесь его частью.

В нашей культуре требования несколько иные. Мы поощряем детей и студентов развивать критические

33 Sir Baldwin Spencer, *Native Tribes of Central Australia* (New York: Dover Publications, 1968). — *Примеч. издателя.*

навыки, работать головой, пестовать свою индивидуальность и принимать на себя ответственность за свою жизнь. Некоторые начинают, мне кажется, слишком рано, но в целом этот принцип несет в себе огромный творческий потенциал. Однако в отношении мифологии он приводит к новым проблемам. В отличие от традиционных культур, мы не пытаемся запечатлеть традицию в личности человека с такой непреложностью, чтобы он превратился в ходячую копию того, что было до него и чему должно пребывать вовеки. Идея состоит как раз в том, чтобы развивать его индивидуальность, — и это, сколь бы удивительно оно ни звучало, одна из актуальнейших проблем современного Запада.

В Индии, к примеру, предполагается, что индивидуум будет вести себя в точности так, как полагается человеку его касты. Древнее название обряда *сати*, во время которого женщина сама бросается в погребальный костер мужа, — обряда, столь претящего всем нашим чувствам, — происходит от санскритского слова *сат*, формы женского рода глагола «быть». Женщина, исполняющая свой долг жены, что-то собой представляет именно в силу того, что она чья-то жена. Та же, кто не подчиняется этому *сат*, этой дхарме, этому закону бытия, есть *асат* — буквально «ничто».

Эта точка зрения совершенно противоположна нашей, западной. Если человек живет под властью авторитетов и поступает в точности так, как ему сказали, определяя себя по своей социальной роли, его называют обывателем или рутинером: «А человек-то, собственно, где?»

Далее мы оказываемся перед лицом психологической трансформации, с которой рано или поздно придется столкнуться всем, — перехода от зрелости к ста-

рости и угасанию жизненных сил. В первобытных сообществах и высокоразвитых архаических культурах этот переход наступал гораздо раньше, чем у нас с нашими успехами в медицине; но и до сих пор в некоторых сообществах кризис пожилого возраста приходит на удивление рано. В конце концов не важно, когда. Важно, что он все-таки наступает.

И вот, стоило вам наконец выучиться тому, чему велели выучиться ваши наставники, подавляя все душевные движения, несовместимые с вашим локальным социальным порядком, стоило вам узнать мир и начать им управлять, как силы принимаются неотвратимо убывать. Память отказывает, все валится из рук, под конец дня вы устаете гораздо больше, чем раньше, поспать уже кажется куда более удачной идеей, чем что-нибудь сделать, — вы начинаете постепенно выпадать из жизни. А на смену уже идет новое жизнерадостное поколение с совершенно другими прическами, и вы думаете: «Ладно, пусть все достанется им». Мифология может справиться и с этой ситуацией.

Когда вы положили все силы на то, чтобы достичь продиктованных вашей социальной системой целей, а тут вдруг выясняется, что цели эти либо изменились, либо не соответствуют более предпринимаемым действиям, вы естественным образом оказываетесь в психологическом тупике. Душевные силы возвращаются в те бездны бытия, закрытые и запечатанные при вступлении во взрослый период жизни, из которых некогда возникли и которые совершенно не востребованы обществом.

Там скрывается то, что Фрейд называл свободным либидо. Все то, что вам до сих пор делать не разреша-

лось, внезапно становится очень интересным. Помните историю про пожилого господина, который научился наконец всему, чему его учили и что, как он думал, он делать обязан? Теперь все это не требует усилий — и в его распоряжении вдруг оказывается куча свободного времени.

Что же он с ним делает? Ему в голову неожиданно приходят все те вещи, которых он целенаправленно себя лишал, чтобы достичь всего, чего он достиг. Сами же достижения на глазах теряют привлекательность. Я не особенно люблю рассказывать об этом своим студентам, но на самом деле эти достижения попросту не стоили затраченных усилий. Когда-нибудь вы подумаете: «И скольким же я пожертвовал ради этого!»

И вот папочка начинает замечать, что кое-где ему подмигивают интересные маленькие глазки, которых он прежде почему-то не замечал. Юные девы кажутся ему теперь куда привлекательнее, чем помнилось по дням беззаботной юности, и семье остается только разводить руками: «И что это случилось с папочкой?»

Или он мог планировать, как завоюет мир, а потом вдруг уйти на пенсию. Что же он будет делать, когда окажется один на один с собой? Он может посвятить себя любви всей своей юности — скажем, рыбалке. Он вооружается всеми необходимыми ритуальными предметами, надевает приличествующие облачения, берет удочки («И не смей называть это удочкой! Это спиннинг!»), блесны, мух разных сортов и видов, набивает все это в шляпу, и вот он — сам по себе, и все при нем. Теперь можно заняться тем, чего он всегда хотел; теперь можно идти, куда зовет сердце. Его ждут чащобы и охотничий домик.

Итак, что же он делает? Идет на рыбалку: это последнее, что ему по-настоящему нравилось делать, когда ему стукнуло двенадцать. Что он удит? Рыбу. А чего в это время страстно жаждет его подсознание? Русалок!

И с ним случается нервный срыв. К сожалению, это не шутка; в США счет таких случаев уже идет на миллионы: это люди, которые думали, что знают, ради чего работают. Получается, что он всю жизнь работал, чтобы сейчас насладиться рыбалкой. Человек вдруг понимает, что женился, произвел на свет детей, работал всю жизнь, как лошадь, и окружающие помогали ему справляться с трудностями — и все это в надежде, что в один прекрасный день он выйдет на пенсию и сможет наконец делать, что пожелает. Что-то в нем осталось гораздо младше, чем он сам; он не готов радоваться рыбе, ему все еще подавай девушек, а девушек-то и нет. И вот наш герой оказывается в приюте для умалишенных, где лорелеи всех мастей всплывают из глубин его подсознания в самом неаппетитном виде. Такова сила свободного либидо.

А мамочка? Она наша старая знакомая: она отдала нам все, что у нее было, она потратила на нас лучшие годы жизни. Да, возможно, у нее была парочка хороших любовников, кроме этого старого бревна, которое мы зовем папочкой. А потом дети упорхнули и она осталась в пустом и неуютном доме. И вот жизнь ее столь же пуста, и в ней закипает гнев — гнев и яростное желание вновь почувствовать жизнь. Но нет, все то, чему она отдавала себя без остатка, исчезло, испарилось. Все, на что она тратила свое либидо, ушло без следа.

Мамочка сходит с ума и превращается в тещу из анекдотов. Она воспитывает ваших детей, распоряжается, когда закрыть окно, когда открыть, указывает, как по-

жарить яичницу, и все такое. Это поистине ужасный кризис. Внутренние силы компульсивно поднимаются на поверхность — и она ничего не может с этим поделать. Иногда она думает: «Нет, я не должна, не должна!» И тут же делает это снова — опять и опять.

Древние мифологические системы могут справиться и с этим. Они в состоянии провести человека от зависимого положения через положение того, кто самостоятельно творит вселенную, к положению того, кто больше никому не нужен. В древних сообществах была замечательная идея: старики обладают мудростью. Все верили в это, стариков просили о совете, у них искали одобрения и наставничества, и они их охотно давали. Имелся даже совет старейшин, или сенат. Так общество нашло способ держать своих стариков при деле.

На настоящий момент я уже в течение нескольких лет общаюсь с Государственным департаментом США. Ребята оттуда сказали мне, что самой большой проблемой для них всегда было не делать того, что им велят делать послы, президент и кабинет министров. Государственный департамент — это группа весьма профессиональных индивидуумов: они знают, что делать. И тем не менее они всего лишь исполнители; направление деятельности определяют те, кто вкладывает деньги в демократическую и республиканскую партии во время выборов и занимает посты разного рода полномочных представителей. Вот они — старейшины. И они указывают профессиональным дипломатам, что им делать. От многих из Государственного департамента я слышал, что главное в их работе — делать свое дело так медленно, как только возможно, чтобы причинять как можно меньше вреда.

Авторитетность — исконная привилегия стариков. Сейчас мы не умеем с ними обращаться, но традиционные общества умели. Причина в том, что в традиционных обществах от поколения к поколению ничего не менялось. В старые добрые времена все шло точно так же, как сейчас. Можно было спросить стариков, как дела делались прежде, и в ответе содержалась полезная информация о том, что следовало делать теперь. В наши дни это больше не имеет силы.

Наконец, есть еще один, последний переход, к которому должен был нас подготовить мифологический порядок: путь через темный порог.

Мне однажды рассказали историю о цирке Барнума и Бэйли. У них был специальный шатер, в котором показывали уродов. Платишь пятьдесят центов или около того — и идешь глядеть на всяких чудиков, а там указатели: «К Бородатой Женщине», «К Живому Скелету», «К Самому Долговязому Человеку в Мире» и тому подобные. Там было столько всего, на что стоило посмотреть, что шатер был все время забит народом под завязку. Это уже стало проблемой: что делать с людьми, которые не хотят уходить с выставки? Кому-то пришла в голову замечательная идея снять указатель «Выход» и повесить вместо него другой — «К Большому Исходу». Разумеется, народ валом повалил смотреть на «Большой Исход».

У нас тоже есть небольшая уловка, которая помогает людям умереть: вы переступите порог — и там, за ним, все будет просто замечательно. Там будут бряцающие арфы, и любимые выйдут навстречу вам, и так далее.

Когда общество дает вам понять, что вы больше не нужны ему ни тут, ни там, ни где бы то ни было еще, силы, ранее находившие применение вовне, возвраща-

ются обратно во внутренний мир, и возникает вопрос: что делать с ними дальше?

Не так давно я был в Лос-Анджелесе и увидел там целую толпу стариков, стоящих на углу улицы. Я спросил своего спутника:

— Что они там делают? Чего ждут?

— Они ждут автобуса в Диснейленд, — был ответ.

Да, это один из способов позаботиться о людях. Диснейленд представляет собой, по сути дела, внешнюю проекцию феноменологии воображения. Если человек не может уйти в свое собственное воображение, к его услугам воображение Уолта Диснея, который поможет всем страждущим.

Именно эту функцию до сих пор выполняла религия. Она давала людям пищу для размышлений — ангелы, божественные существа и как оно будет там, по ту сторону. Это чрезвычайно развлекает и не дает вам чрезмерно досаждать молодой снохе или кто там у вас есть, на ком лежит обязанность приглядывать за вами. Телевидение по этой части слабовато.

Основной принцип мифологии, я бы сказал, заключается в следующем: то, что в мифах называется «иным миром», есть на самом деле (в плане психологическом) «мир внутренний». А то, что называется «будущим», есть на самом деле «сейчас».

Однажды я слышал, как священник англиканской церкви сказал готовящейся вступить в брак паре примерно следующее: «Живите так, чтобы заслужить жизнь вечную в будущем». Я подумал: «Как-то это неправильно сформулировано. На самом деле ему следовало бы сказать: “Живите так, чтобы вкусить жизнь вечную уже сейчас”». Ибо вечность — это не так уж долго.

Вечность — это не прошлое и не будущее. Это измерение человеческого духа, который вечен. Найдите в себе это вечное измерение, и само время ляжет под ваши стопы до конца ваших дней. И постичь это надличностное, внеисторическое измерение самого себя помогут мифологические архетипы — вечные символы, живущие во всех мифологических системах мира, которые всегда служили моделями для человеческой жизни.

Мифы будущего

Что же мы видим сегодня? Из того, что я уже рассказал, по-моему, напрашивается очевидный вывод: мифология обладает определенными функциями, и назначение ее заключается в том, чтобы заботиться о человеке, слишком рано пришедшем в мир. Она ведет нас от детства к зрелости, от зрелости — ко второму детству и, наконец, уводит за темный порог. Большинство мифологических систем говорят, что там, за порогом, нас будут ждать папа и мама, предки рода, бог-отец, богиня-мать и так далее: тебе там точно понравится, там все твои старые друзья, давай, не бойся умирать. Сплошной психологический детский сад.

Давным-давно ко мне пришел один образ: есть еще один класс созданий, тоже приходящих в мир слишком рано. Это сумчатые — кенгуру, валлаби, опоссумы. Они не относятся к плацентарным и не успевают как следует вырасти в материнском чреве. Появляясь на свет в гестационном возрасте (около восемнадцати дней), они забираются по животу матери в сумку, прицепляются к

соску и остаются там до тех пор, пока не будут в состоянии самостоятельно выбраться и ходить.

Таким образом, они оказываются как бы во втором чреве, у которого, правда, есть окошко наружу.

Для человека мифология выполняет функции такой сумки. Мифология нужна нам, как сумчатым нужна сумка, чтобы перейти из состояния недееспособного младенца к следующей стадии жизненного пути, когда мы сможем выйти из уютной норы на свет божий и заявить: «Вуаля, вот он я!»

Чтобы способствовать личностному развитию, мифология вовсе не должна быть ни обоснованной, ни рациональной, ни даже правдивой; она должна быть удобной, как материнская сумка, чтобы эмоции росли и созревали там, внутри, пока вы не почувствуете себя достаточно защищенным, чтобы выйти в мир. А поскольку в нашем мире такой сумки, увы, нет, то мы оказались лишены этого естественного второго чрева. Рацио высокомерно заявило: «Ах, эти старые мифы? Это же просто бред!» — и разодрало нашу сумку на мелкие клочки.

Что же мы имеем? А имеем мы множество новорожденных, не нашедших себе второго лона, слишком рано выброшенных вон, нагих и скорченных, вынужденных делать все своими слабыми силами.

Что получится, если крошечный эмбрион до срока вышвырнуть в мир? Даже недоношенным в инкубаторе приходится несладко. Что уж говорить о душе, оторванной от материнской сумки, появляющейся на свет искореженной, лишенной мифологического водительства?!

Теперь давайте поговорим о том, что происходит в нашей современной традиции, где наука отвергла притязания старших религий на душу человеческую. Все

космологические постулаты Библии уже опровергнуты; в сравнении с тем, что вы видите, заглянув в большой телескоп обсерватории Маунт-Вилсон, ее картина мира представляется просто нелепой. Равно как и ее образ истории человечества — в свете открытий археологов и палеонтологов, распахнувших перед нами бездны прошлого.

Сама концепция того, что бог воплощен не в нас, но в неких внешних институциях, теперь полностью сброшена со счетов. Никто не может искренне заявить, что верит во все это; вместо этого мы отмахиваемся: «Ну-ну, не так все страшно. Мне просто нравится быть христианином».

А мне вот нравится играть в теннис. Но учили нас явно не этому, и потому наступает дезориентация. А на сцену уже лезут восточные, конголезские, эскимосские картины мира. Мы с вами живем в то время, которое Ницше называл периодом сравнений. Больше не существует культурного горизонта, в пределах которого все верят в одно и то же. Иными словами, каждый из нас оказался один в дремучем лесу, где нет ни путей, ни правил; нет там и истин, представленных вам в готовом виде, чтобы их можно было принять не раздумывая.

Наука стоит на том, что фактов не существует, а существуют одни лишь теории. *Верить* в них нет никакой необходимости; это лишь работающие гипотезы, которые может изменить любой заново открытый факт. Нас учат не привязываться к системам, но оставаться открытыми.*

В состоянии ли душа справиться с этим?

В истории западной цивилизации был еще один период, когда разные мифы в рамках одной культуры не

ладили друг с другом. В последние годы Римской империи была предпринята попытка наложить одну ближневосточную религию под названием «христианство» на европейский индивидуализм. Если библейские традиции делают акцент на подчинении «я» священным интересам общества, то Европа ставит на первое место личные побуждения и достижения. В XII веке между этими двумя враждующими традициями в Европе образовался фундаментальный раскол. В литературном плане это лучше всего отражено в романах артуровского цикла, где рыцари, представленные как христианские герои, суть на самом деле древние кельтские боги — боги Тристана и Изольды, которые, будто некая ранняя Элоиза, возгласили: «Любовь есть истина моя, и за нее в геенне я сгорю».

Результатом этого конфликта стали эпоха Возрождения, Реформация и Век Разума, а также все, что за ними последовало.

Думаю, что сейчас настало время сделать то же, что сделали люди XII—XIII веков, когда их цивилизация решила пойти ко дну: обратиться к художникам и поэтам. Эти люди способны видеть дальше низвергнутых символов настоящего и создавать новые работающие образы — образы, проницаемые для трансцендентного. Не все поэты и художники способны на это, ибо далеко не всех интересуют мифологические темы и далеко не все, кого они интересуют, знают о них достаточно, а те немногие, кто знает хоть что-то, путают свою частную жизнь с жизнью всего человечества — принимая, к примеру, свой собственный гнев за гнев поколения. И все же всегда находились среди нас великие мастера, умевшие так толковать современность, что сквозь нее

начинали просвечивать великие архетипические идеи, отображавшие и наполнявшие смыслом путь личного постижения.

Два великих мастера, направлявшие мой собственный путь, — Томас Манн и Джеймс Джойс. Возьмите «Волшебную гору» и «Улисса». В них вы обнаружите полную картину современности (в том, по крайней мере, виде, в каком она пребывала в период Первой мировой войны), представленную в образах мифологических. Нам куда легче понять переживания Стивена Дедала и Ганса Касторпа, нежели святого Павла[34]. Святой Павел много чего сделал, но это было в совершенно другой стране пару тысяч лет назад. Мы уже не ездим верхом на лошадях и не носим кожаных сандалий — по крайней мере, большинство из нас этого не делает. Напротив, Стивен и Ганс находятся в современной культурной среде. Их переживания вполне сопоставимы с теми проблемами и конфликтами, с которыми сталкиваетесь вы в своей повседневной жизни; в их историях вы можете без труда узнать свою собственную.

34 Стивен Дедал — герой романа Джеймса Джойса «Улисс»; Ганс Касторп — герой романа Томаса Манна «Волшебная гора». — *Примеч. перев.*

Глава вторая. Миф сквозь времена[35]

Форма и сущность мифа[36]

Можно определить мифологию как религию других людей. Определение религии с этих позиций будет столь же незамысловатым: это неправильно понятая мифология. Неправильное понимание состоит обычно в том, что мифологические символы интерпретируются так, как если бы они ссылались на реальные исторические факты. И, быть может, проблема эта особенно актуальна у нас, на Западе, где всегда упорно делали акцент на сугубой историчности событий, свя-

35 Эта часть основывается преимущественно на материале лекции под названием «Человек и миф», прочитанной Кэмпбеллом 16 октября 1972 г. в Университете Игнатия Лойолы в Монреале, Канада (L435). Ее аудиозапись была издана в составе «Аудиоколлекции Джозефа Кэмпбелла» (том IV, «Человек и миф»). Монография, также озаглавленная «Человек и миф» и основанная на этой лекции и на семинаре под названием «Воображение и его связь с теологическими исследованиями» (L436), была издана Отделением теологических исследований Монреальского университета Игнатия Лойолы (Montreal: Editions Desclee & Cie/Les Editions Bellarmin, 1973). — *Примеч. издателя.*

36 Первая часть этого раздела взята из ед. хран. L250. См. примеч. 32. — *Примеч. издателя.*

занных с основанием и институционализацией нашей церкви и религии.

Те же самые базовые мифологические темы можно найти во всех религиях мира — от самых примитивных до самых утонченных, от равнин Северной Америки до европейских лесов и полинезийских атоллов. Образность мифа представляет собой язык, lingua franca[37], способный дать выражение нашей глубинной человеческой природе, претерпевающей те или иные изменения в зависимости от сферы приложения.

В XIX веке в Германии жил выдающийся врач, путешественник и антрополог Адольф Бастиан[38]; в 1860-е годы в Берлинском университете была основана кафедра антропологии, названная его именем. Бастиан очень много путешествовал, уделяя особое внимание традициям и обычаям тех народов, с которыми сводила его судьба. Его чрезвычайно интересовали универсальный и локальный аспекты символов. Для определения универсальной аспектации он ввел термин *Elementargedanke* — элементарная, или первичная, идея. Разумеется, элементарные идеи никогда не являются в сыром, первозданном виде; они всегда предстают в контексте и в рамках понятийного ряда той культуры, которая воплощает их в жизнь. Поэтому Бастиан ввел еще один термин: *Völkergedanke* — этническая, или народная, идея. Элементарную идею всегда нужно рассматривать в связи со специфическим

37 Лингва франка — первоначально общепонятный смешанный язык времен Римской империи, составленный из элементов романских, восточных и греческого языков и служащий для общения в Восточном Средиземноморье. Здесь — язык, используемый людьми из разных стран для кросскультурного общения. — *Примеч. перев.*

38 См. примеч. 12. — *Примеч. ред.*

культурным контекстом, который по сути своей является этническим.

Например, когда вы изучаете фольклор и мифы Северной и Восточной Европы, вы знаете, что там растут густые, темные леса, в которых водятся страшные волки. Если же вы вдруг займетесь Полинезией, то та же самая тема постоянной угрозы жизни там будет выражена в образах страшных акул, которые водятся в темном море.

Затем антропологи и социологи объяснят вам, что сравнивать эти два мифологических мотива нельзя. Жителям Северной Европы угрожали леса и волки, а полинезийцам — океан и акулы, и никак иначе. Но каждый, кто имел возможность созерцать действие одного и того же сценария в разных локальных контекстах, как это довелось мне, понимает, что такой ход мысли изначально ошибочен. Да, молодой китаец играет Гамлета в Гонконге совершенно не так, как его не менее молодой еврейский коллега на Бродвее. И тем не менее вы не станете считать гонконгский спектакль китайской пьесой, равно как и его нью-йоркский вариант — еврейской. Сюжет и взаимоотношения персонажей в обоих случаях останутся одинаковыми.

Таинственные темные глубины, выходящие за грани сферы осознаваемого, представлены образом темного леса в Европе и не менее темного океана в Полинезии. Таящаяся в них опасность быть пожранным — одна и та же, просто она носит разные маски: и волк, и акула есть разные лики одного и того же первичного страха.

Бегло ознакомившись с мифами всего мира, вы увидите — возвращаясь вновь к театральной метафоре — не то, какой национальности актер, играющий Гамлета, еврей он или китаец, а то, какую роль он в данный

момент играет. Существует некий ограниченный набор ролей, которые можно сыграть. И когда персонаж пьесы обращается к вам — независимо от того, надет ли на нем костюм волка или акулы, — вы знаете, кто он такой и о чем говорит, и вам вовсе не нужно, чтобы на сцену вышел университетский профессор и объявил, что уже пора бояться.

Этот простой факт говорит о том, что на элементарном уровне подобные символы (да хоть и то же самое непорочное зачатие, если угодно) не имеют никакого отношения к историческим событиям. Историческое событие, буде такое произошло, имеет духовное значение только в качестве физической манифестации символа, который обладал собственным значением еще до того, как произошло это конкретное историческое событие, и вне всякой связи с ним.

В христианской традиции существует одна серьезная проблема. Она заключается в разнице значений между именами «Иисус» и «Христос». Иисус есть историческое лицо; Христос имеет отношение к вечному надмирному принципу и представляет собой Сына Божьего — второй лик Святой Троицы, который существовал до начала времен и будет существовать после их конца и, следовательно, внеисторичен. Суть указанной традиции как раз в том и состоит, что исторический Иисус был или есть земное воплощение этого второго лика Троицы.

Далее, главное отличие нашей традиции от, скажем, индуизма или буддизма, в этом отношении заключается в следующем: мы считаем, что это воплощение было *единственным*. На этом делался особый акцент. Однако самое важное в христианской религии — разумеется, не то, что Иисус Христос был единственным вопло-

щением Бога, но что это чудо — человеческое рождение, жизнь и смерть предвечного Христа — непосредственным образом влияет на индивидуальный человеческий дух. У немецкого мистика Ангелуса Силезиуса [39] есть чудесные строки: «К чему Марии, Гавриил, благая весть твоя, / Коли меня не ждет такая ж?» [40] Великий мистик Мейстер Экхарт также утверждает: «И гораздо важнее для Господа, чтобы Христос воспринял рождение в девственной душе, нежели что Иисус некогда родился в Вифлееме» [41].

Значимость этого момента трудно переоценить. Большинство христианских образов — которым догматы нашей религии приписывают историческую реальность — в наши дни очень трудно интерпретировать как подлинные исторические события.

Например, такие явления, как успение Девы Марии [42] или вознесение Христа на небеса вызывают естественный вопрос: где эти самые небеса находятся? Где-то в области стратосферы? Современная космология не дает нам принять такое предположение всерьез. Вера вступает в очевидное противоречие с физической и исторической науками, которые, приходится признать,

39 Ангелус Силезиус — букв. Вестник из Силезии, наст. имя Иоганн Шефлер (1624—1677) — немецкий духовный поэт, мистик, священник, член ордена миноритов. Автор более 200 духовных стихотворений, в основном собранных в книгу философских изречений в стихах «Херувимский странник». — *Примеч. перев.*

40 В оригинале цит. по: Angelus Silesius, *The Angelic Verses: From the Book of Angelus Silesius*, Frederick Franck, ed. (Boston: Beacon Point Press. 2000). — *Примеч. издателя.*

41 В оригинале цит. по: Steven Fanning, *Mystics of the Christian Tradition* (New York: Routledge, 2001), p. 103. — *Примеч. издателя.*

42 В 1950 г. Папа Пий XII принял догмат о телесном вознесении Девы Марии на небо после успения. В православной и протестантской традициях такого догмата нет. — *Примеч. перев.*

управляют нашей жизнью, поставляя нам все, чем мы живем день ото дня. Это противоречие разрушило веру в данные символические формы, в результате чего они были отвергнуты как не соответствующие истине[43].

Но поскольку первоочередное значение имеет не исторический, а духовный смысл символов, тот факт, что исторические данные опровергают данные мифов на уровне объективной реальности, никак не отражается на репутации символов. Корни символов — в нашей душе; они говорят из глубин духа и к духу же обращаются. По сути своей они — средства сообщения между глубинными уровнями духовного бытия и тем относительно тонким слоем сознания, который правит нашим дневным существованием.

И вот если эти символы — эти средства сообщения между нашими высшим и низшим «я» — изъять из обращения, мы останемся без внутренней системы двусторонней связи, и уровни психики окажутся разделены. Это разделение по природе своей шизофренично; мы живем в верхнем мире разума, а весь нижний мир остается вне пределов досягаемости. Мы говорим о шизофрении, когда у разделенной надвое личности рушатся перегородки и она оказывается лицом к лицу с демонами, погружаясь в ночное море нижней реальности, о которой ей не рассказывали и не предупреждали.

Основная теологическая формула гласит, что божество есть персонификация духовной силы. Непризнанные божества объявляются демонами и становятся

43 Исследование этой идеи стало центральной темой книг Джозефа Кэмпбелла *Thou Art That: Transforming Religious Metaphor*, Eugene Kennedy ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2001); *The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion*. — *Примеч. издателя.*

опасными. Если человек отказывался вступать с ними в контакт, если не слышал и не принимал во внимание их зов, а затем они неожиданно прорвались наверх, вся сознательная жизнь летит в тартарары. «И ад следовал за ними...»

Корни мифов лежат в видениях людей, исследовавших самые нижние области своего внутреннего мира. На основе мифов возникают культурные формы. Возьмем, например, великий мифологический образ, на котором зиждилась вся цивилизация европейского Средневековья: миф (это именно миф, и притом один из величайших, привлекательный именно с мифологической, а отнюдь не с исторической точки зрения) о грехопадении и искуплении. Сама конструкция средневековой культуры была направлена на то, чтобы донести до мира добрую весть об искуплении и его божественную благодать. И если поставить под вопрос историчность фактов, на которые опирается миф (или которые опираются на миф, если угодно), и отвергнуть ритуалы, посредством которых миф актуализировался, цивилизация распадется на глазах. На самом деле средневековая цивилизация как раз и распалась под давлением заново открытых в эпоху Ренессанса греческих и римских философских воззрений — пресловутого европейского духа индивидуализма. И вот возникает новая цивилизация, соединяющая открытия разума с внутренней правдой души, вдохновленная мечтами, видениями, верованиями и ожиданием духовной самореализации. Иными словами, развиваются социальные структуры, соответствующие неизменной психологической потребности человека в гармоничной и по-новому осмысленной картине мира.

Ибо мифы, как и сны, посылает нам воображение. Существует два порядка снов. Есть простые индивидуальные сны, где мы путаемся в хитросплетениях собственной жизни и своих на нее реакциях, в конфликтах между желаемым и дозволенным, во всех излюбленных темах фрейдовского психоанализа и так далее, о чем мы еще будем говорить позднее. Но есть и иной класс снов, которые мы называем видениями, — сны, в которых человек выходит за рамки личного горизонта и сталкивается с образами вселенского порядка и проблемами, фигурирующими в больших мифологических сюжетах. Например, что поддерживает вас перед лицом большой беды и помогает преодолеть все трудности? Есть ли у вас нечто выполняющее эти функции? Или, быть может, то, на что вы рассчитывали, способствовало вашему провалу? Это тест на пригодность того скрытого мифа, по которому вы живете.

Теперь давайте вспомним: в традиционной, основанной на мифологии культуре работающие мифы выполняют четыре фундаментальные функции: мистическую, космологическую, социологическую и психологическую.

В современном мире космологическая и социологическая функции для нас потеряны. Наша картина мира кардинально отличается от той, что находила выражение в религиозных традициях, в которых мы были взращены.

Также и социальный порядок ныне значительно отличается от того, который бытовал в эпоху создания Моисеевых законов. Сегодня мы воспринимаем мораль как нечто находящееся в ведении людей, а вовсе не как непреложную истину, ниспосланную с высей горних:

измените обстоятельства — и моральный порядок также изменится. Даже за время моей жизни он изменился невероятно. Законы вчерашнего дня не применимы сегодня. Я тридцать восемь лет преподаю в колледже Сары Лоуренс и не в силах выразить, насколько изменилась за это время эротическая мораль в отношении молодых женщин. Она претерпела фундаментальные изменения — вот все, что я могу сказать. Если вы попытаетесь судить свои сегодняшние действия по тому, что думали мои студенты тридцать лет назад... что ж, это просто не будет работать.

Все эти научные и социологические процессы идут рука об руку и развиваются сами по себе, нравится вам это или нет. В то же время основные психологические проблемы юности, зрелости, старости и смерти, равно как и проблема мистического восприятия вселенной, остаются сущностно неизменными. Следовательно, во многом именно с психологической точки зрения индивидуум может заново проинтерпретировать, пережить и по-новому применить те великие мифологические сюжеты, которые наука и современный мир в целом признали бесполезными и оторванными — как это на самом деле и есть — от своих космологической и социологической функций.

Рождение мифа: первобытные и ранние сообщества

Теперь мне хотелось бы вкратце рассмотреть предмет нашей беседы в историческом разрезе. В истории рода человеческого наличествуют три больших периода.

Первый, первобытный период простирается от возникновения человеческого сознания до развития письменности. В некоторых частях мира бесписьменные сообщества существуют по сей день. Люди в них живут очень близко к природе. Их восприятие пространства и времени весьма ограничено. Они не имеют письменных свидетельств о прошлом, и потому их представления о времени и собственной ранней истории также очень узки. Они живут, так сказать, в непосредственной близости к вневременному началу времен. Дни дедов для них — уже эпоха мифологическая.

Великий средний период наступает около 3500 года до н.э. в Месопотамии, на Ближнем Востоке. Внезапно возникают города, а с ними и письменность, математика, колесо, государство и царская власть. Все это обретает форму в середине IV тысячелетия до н.э., а затем вся формация проникает из Месопотамии в Египет, где успешно прививается около 2850 года до н.э.; следом идут Крит и Индия — около 2500 года до н.э.; Китай — около 1500 года до н.э.; ольмеки в Америке — около 1200 года до н.э.[44]. Эта высокая культурная парадигма, распространившаяся по всему миру, в значительной степени отличается от парадигмы первобытного бесписьменного общества.

44 Данное утверждение — которое сам Кэмпбелл впоследствии признавал спорным — указывает на проблематику, ставшую предметом большинства его поздних работ. Среди историков и социологов вплоть до наших дней ведутся споры относительно того, развивались ли цивилизации диффузно (как это утверждает в данном случае Кэмпбелл), конвергентно или же параллельно. См. также работы Кэмпбелла: *The Historical Atlas of World Mythology*, vol. 2, part 1 (New York: Alfred van der Marck Editions, 1988), pp. 20ff; «Mythogenesis», *The Flight of the Wild Gander* (Novato, Calif.: New World Library, 2002), passim. — *Примеч. издателя.*

И наконец, выделяется третий, современный период, начавшийся в Европе в эпоху Ренессанса. Для него характерны научное постижение мира, дух эксперимента и эмпирическое восприятие природы. А также, разумеется, развитие техники с механическим приводом, общая механизация и индустриализация, благодаря которым и была построена принципиально новая, невиданная доселе мировая культура.

В рамках первого, бесписьменного периода мы обнаруживаем два основных пути. Первый характерен для охотников великих северных равнин Канады, Соединенных Штатов, Сибири, Северной Европы и так далее.

Средоточием жизни там является охота. Мужчины обеспечивают пищей все сообщество. На всей этой огромной территории действуют преимущественно психология и социология, ориентированные на мужские ценности. Для племени очень важно, является ли тот или иной мужчина хорошим охотником или нет. А поскольку охотники данного племени постоянно сталкиваются с охотниками других племен, то очень важным становится и то, хороший ли он боец. Эти сообщества делают сильный акцент на мужской доблести и ставят ее чрезвычайно высоко. Она занимает почетное место в их культуре: такие качества, как храбрость, сноровка и удачливость, тщательно культивируются и превозносятся.

Эта культура зиждется на смерти. Принадлежащие к ней люди постоянно убивают животных, и не только убивают, но и одеваются в их шкуры и селятся в сделанных из тех же шкур жилищах. Они живут в кровавом мире. Первобытные люди, в отличие от наших современников, не делают большого различия между животным и человеческим уровнями бытия. Между тем,

чтобы убить зверя, и тем, чтобы убить человека, особой разницы нет. Душе приходится искать способы защиты от этих непрерывных убийств. И доминирующей становится единственная идея, способная при таких условиях спасти ситуацию: *такой вещи, как смерть, просто не существует.* Животное, которое ты только что убил, обретет новую жизнь, если ты совершишь определенные обряды. Если ты вернешь кровь земле, жизнь будет продолжаться и животное вернется. Этот принцип до сих пор действует в законах кашрута еврейской традиции, где мясо должно быть полностью лишено крови[45]: евреи первоначально были охотниками и пастухами. Тот же мифологический мотив можно обнаружить и у эскимосов центральной части Канады. Животное там рассматривается как жертва, добровольно предающая себя в руки охотника при том условии, что будет проведен соответствующий ритуал, который вернет ей жизнь и тело.

Эти сообщества питают к природе столь большое уважение, что никогда не убивают больше дичи, чем могут съесть. Если бы им пришлось поступить подобным образом, не было бы сомнений, что на следующий год животные не вернутся. Поэтому они убивают ровно столько, сколько им действительно нужно, и всегда благодарят животных посредством специальных ритуалов, долженствующих обеспечить им пропитание в дальнейшем. При таком отношении к природе люди никогда не станут расхищать ее богатства.

А потом на сцене появляется наша западная традиция, в которой человек был создан господином и пове-

45 Левит, 17:6. — *Примеч. издателя.*

лителем земли и животных и, следовательно, относится к ним с полнейшим небрежением.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»[46]. Земля — это то, что покамест еще просто не покорено; ее нужно использовать по своему усмотрению. Таково изначально наше безжалостное отношение к миру.

Полагаю, время рассказать небольшую легенду. Существует очаровательный миф, иллюстрирующий мировосприятие охотников. Он ведет свое происхождение от индейцев племени блэкфут штата Монтана. Как вы, может быть, знаете, они загоняют стадо бизонов на вершину утеса. Бизоны падают вниз, а потом их добивают у подножия. И вот получилось так, что одному племени не удалось заставить бизонов попрыгать с утеса, а зима была уже на носу, так что им всем грозил голод.

Однажды утром некая юная девушка отправляется принести воды для своей семьи. И вот глядит она вверх и видит там, на вершине утеса, стадо бизонов.

— Ох, если бы вы только спрыгнули оттуда, — говорит юная девушка, — я бы вышла за одного из вас замуж, честное слово.

И что бы вы думали? Большая часть стада тут же кидается вниз и разбивается о лежащие внизу скалы. О, да, ее обуяла радость — но лишь до тех пор, пока к ней не подошел последний уцелевший бизон.

— Ну, что, милая, пойдем, — сказал он ей.

46 Бытие, 1:26. — *Примеч. издателя.*

— Ой, нет! — попыталась отбрыкаться она.

— Давай прикинем, что у нас тут произошло, — сказал бизон. — Ты пообещала, что выйдешь замуж за одного из нас, если мы сбросимся с этой кручи, ну, мы и сбросились. Так что давай. Теперь твоя очередь держать слово.

И ушла она с ним и с тем, что осталось от стада, вверх по скалам и дальше, на плато.

Через некоторое время ее семья проснулась и принялась искать — где же наша маленькая Миннегага?[47] Ну, вы знаете, как это бывает у индейцев: они могут рассказать вам что угодно по отпечаткам следов, так что, разумеется, папочка произвел соответствующие изыскания и понял, что дочка его ушла с бизонами. Вот и ладненько, подумал он.

Надел он свои охотничьи мокасины, взял колчан со стрелами и пустился по следам дочери, следуя звериными тропами. И вот пришел он к бизоньей грязи — к такой большой луже, в которой бизоны любят кататься и валяться, чтобы освежиться и заодно избавиться от клещей, — и присел там на минутку пораскинуть мозгами.

И вот сидит он там, и вдруг откуда ни возьмись прилетает сорока и принимается прыгать вокруг. А надо вам сказать, что сорока — птица очень умная и шаманы ее уважают. И говорит ей человек:

— О, красавица-сорока, не видала ли ты тут моей дочки поблизости? Она убежала с бизонами.

47 На самом деле Миннегага была персонажем мифа индейцев сиу из Дакоты, а вовсе не легенды блэкфутов. О ней рассказал Генри Уодсворт Лонгфелло в своей «Песни о Гайавате», которая была прекрасно известна Кэмпбеллу, как и всем, собственно, американцам его поколения. Таким образом, здесь он употребляет данное имя в шутку, что вполне очевидно по общему тону лекции. — *Примеч. издателя.*

— Ну, если честно, — отвечает ему сорока, — то вон там прямо сейчас пасется стадо бизонов, а с ними девушка.

— Пожалуйста, милая, полети к ней и скажи, что пришел папа, — просит ее тот.

И вот сорока летит туда и принимается скакать возле стада: все бизоны спят, а девушка — вон она, сидит, и Большой Парень, муж ее, тоже рядом.

— Там твой папочка пришел, сидит возле грязи, — говорит ей сорока.

— Ох, — всполошилась девушка, — это же очень опасно. Бизоны его затопчут. Скажи ему, чтобы сидел тихо и ждал, тогда я приду.

Тут просыпается один из бизонов — крупный такой парень, — снимает свой рог и говорит ей:

— Пойди-ка принеси мне воды.

Девушка идет к луже и зовет:

— Папа! Папа!

— Не нравится мне, что ты шляешься тут со своими приятелями-бизонами, — сообщает ей отец. — Пошли-ка домой.

Но она не уступает:

— Нет, папа! Это слишком опасно. Не можем мы с тобой убежать прямо сейчас. Вот погоди, пока они уснут, тогда я приду, и мы убежим.

И идет обратно к своему быку. Берет он свой рог, принюхивается и говорит:

— Фи-фай-фо-фам, кровь индейца чую там!

Он ревет страшным голосом, и тут же все бизоны просыпаются, роют землю, задирают хвосты и пляшут бизоний танец. Потом они все бегут в ложбинку, где та грязь, находят папу и затаптывают его до смерти, и даже

не просто до смерти, а прямо-таки мокрого места от него не остается, так что ни одной целой части у папы не найти.

Девушка плачет и вопит:

— Ох, папочка, мой папочка!

И отвечает ей вожак стада бизоньего:

— Ага, вот ты ревешь, потому что папочку твоего убили — одного-разъединственного папочку. А теперь подумай о нас с нашими женами да детьми, матерями да отцами! Все мы кинулись вниз с утеса, и все ради тебя и твоих людей.

— Да, — говорит ему девушка, — но это все-таки был мой папа.

Тут Большой Парень превращается в доброго бизона и говорит сороке:

— Порыскай-ка вокруг, авось, найдешь какой-нибудь кусочек папочки.

И вот сорока прыгает и скачет в грязи и наконец находит один его позвонок. Девушка берет этот позвонок и кладет его на землю, накрывает одеялом и начинает петь магическую песню. И вот под одеялом появляется что-то такое — сначала неподвижное. Поднимает она одеяло, а там папа, все с ним в порядке, только он неживой пока. И тогда она поет еще немного, и он встает на ноги, живой и здоровый.

Бизоны, удивленные донельзя, спрашивают ее:

— А почему вы для нас такого не делаете, когда убиваете наши стада?

И так был заключен договор между племенем бизонов — сообществом животных — и племенем людей. Бизоны научили людей бизоньему танцу, который стал основным ритуалом охотников на равнинах Америки.

В такой версии мифологический сюжет, распространенный почти у всех охотничьих племен, бытует у блэкфутов. В них часто присутствует мотив заключения брака между женщиной племени и шаманским духом в облике животного, знаменующего собой союз двух миров. Далее животные предлагают себя в добровольную жертву ради нужд племени с тем условием, что кровь их вернется к Матери-Земле и они смогут возродиться. Это основной мифологический сюжет охотников во всех частях нашей планеты.

Однако стоит нам переместиться в тропические страны, как мы сталкиваемся с принципиально иной педевматической моделью мифологии. *Педевматический* — термин, введенный великим специалистом по африканским первобытным культурам Лео Фробениусом[48]. Он описывает склонность культуры формироваться в непосредственной зависимости от ее физического контекста — от типа почвы, климата и географического положения[49]. Основной класс пищи в Африке — пища растительная. Когда кто угодно может сорвать с дерева банан, положение лучшего в племени срывателя бананов как-то не представляется особенно престижным.

Зато особую важность с мифологической точки зрения приобретает женский пол. Будучи матерью, женщина становится символическим двойником или олицетворением производительных сил самой земли. Подобно

48 Лео Фробениус (1873—1938) — немецкий этнограф-африканист. В своих экспедициях исследовал почти всю Африку, собрав богатый материал по археологии, этнографии и истории африканских народов. Выдвинул теорию о культуре как особом социальном организме, имеющем мистическое начало — «душу» («paideuma»). — *Примеч. ред.*

49 Leo Frobenius, *Paideuma* (Frankfurt am Main: Frankfurter societat-druckerei, 1928). — *Примеч. издателя.*

земле, она дает рождение и взращивает. Таким образом, в этих культурах доминирует женская магия.

Далее на сцену выходит совершенно ужасная тема — ужасная, по крайней мере, для нашего сознания. Это очень странный момент, ярко проявляющийся в так называемом «законе джунглей», царящем в сфере растительной жизни. В дождевых лесах повсюду можно встретить признаки распада и гибели растений, и из этой гниющей массы поднимаются молодые зеленые ростки новой жизни. Урок очевиден: из смерти возникает жизнь. И вывод не менее очевиден: желая умножить жизнь, мы должны умножать смерть! Именно из этого силлогизма развился весь институт ритуального убийства, столь распространенный в тропической зоне, — чудовищное явление, основанное на представлении о том, что убийство (или, если угодно, жертвоприношение) принесет новую жизнь.

Обряды той или иной культуры повторяют или инсценируют ее глубинные мифы. Можно определить ритуал — как это сделал в свое время я — как возможность принять непосредственное участие в мифе. Ритуал есть отыгрывание мифической ситуации, и, участвуя в ритуале, вы становитесь частью мифа. В первобытных культурах тропической зоны есть множество подходящих для этой цели мифов и совершенно ужасающих обрядов, представляющих эти мифы в их буквальной форме. Смысл этого в том, что, снова и снова воспроизводя первоначальное событие, мы освежаем и возобновляем его силу.

Главный мифологический сюжет первобытных культур растительного типа заключается в следующем: в начале было время, когда времени, собственно, и не

было, а живые создания не были ни мужчинами, ни женщинами, ни людьми, ни животными. Внезапно одно из них было убито; тело его разделили на части и зарыли в землю, и из них выросли полезные растения, которые дают людям пищу. Поэтому, когда мы едим, мы вкушаем божественный дар и принимаем в себя тело божества — того, чья плоть стала мясом (или хлебом), а кровь — вином или иным напитком. Полагаю, мотив вполне узнаваем.

Далее, в этот самый момент мужчина и женщина становятся отдельными существами и наряду с убийством возникает и порождение себе подобных. Так что жизнь, смерть и рождение приходят в мир одновременно с пищей, которая должна эту жизнь поддерживать. И потому обряды, посредством которых обновляется жизненная сила — или благодать — первоначального мифологического момента, всегда очень ярки и в большинстве случаев чрезвычайно жестоки.

Швейцарский антрополог Пауль Вирц[50] наблюдал у племенной группы маринд-аним в западной части Новой Гвинеи ужасающие ритуалы, как раз воплощавшие этот архетипический сюжет. После того как мальчиков посвящали в мужчины, следовал трехдневный период всеобщего сексуального разгула, а затем наступал черед завершающей церемонии. На площадке для танцев под бой больших деревянных барабанов, в чьем грохоте, как считается, звучат голоса предков, пляшут и поют все люди племени. В центр выходит юная девушка, одетая как одно из тех безымянных созданий мифической эпо-

50 Пауль Вирц (1892—1955) — швейцарский антрополог, этнограф и путешественник, исследователь культуры, искусства и религиозных обычаев Новой Гвинеи. — *Примеч. ред.*

хи. Ее укладывают под шалашом из огромных, наклонно поставленных бревен, поддерживаемых двумя стойками. Затем только что прошедшие инициацию мальчики вступают с ней в свое первое половое сношение под зловеще нависающим над головой сводом опирающихся друг на друга тяжеленных бревен. Когда последний мальчик возлегает с ней, подпорки выдергивают, и бревна падают на пару, убивая обоих. После чего тела жертв вытаскивают из-под завала, раздирают на куски, готовят и поедают.

В этом обряде представлено воссоединение мужского и женского начал, а также единство смерти и порождения новой жизни. Также здесь присутствует идея о принятии пищи как причастии божественным силам. Данный обряд служит ужасающе ярким отображением самой сущности жизни. Теперь вы понимаете, что я имею в виду, когда говорю об обрядах, целью которых является принятие жизни как она есть. Эта церемония есть отыгрывание мифологического сюжета в качестве сознательной афирмации не только жизни как таковой, но и того кошмарного факта, что жизнь питается смертью.

Наконец, в судьбе несчастной пары, вытащенной из-под завала, нарезанной кубиками, сваренной и съеденной в качестве причастия, присутствует тот же корень, что и в любых ритуалах умирающих и воскресающих божеств. Юноша и девушка представляют божественные силы.

Разумеется, в этой женской мифологии на долю мужчин остается до смешного мало. В некоторых подобных культурах мужчины даже не осознают, что половой акт имеет какое-то отношение к рождению детей. Женщины строят жилища. Женщины воспитывают детей.

Женщины обрабатывают землю. А что делать мужчинам? Отличные условия для возникновения комплекса неполноценности, не правда ли?

Если только они не придумают себе способ компенсации. Они делают то, что всегда делали мальчики, когда им не уделяли достаточно внимания: организовывают мужской клуб — некое тайное общество, куда доступ женщинам запрещен. И в рамках этого сообщества есть место и духовному удовлетворению, и достойным делам, которыми можно заняться на досуге.

Хорошую наглядную модель можно обнаружить в Меланезии. Давайте рассмотрим, в чем, собственно, заключается проблема. Проблема — в том, как спрятаться от Матери. А спрятаться некуда. Миром правят женщины. И дело не только в этом, а еще и в том, что эти правительницы мира — чертовски привлекательные создания. Вот что самое противное. Поэтому уходить от них на самом деле не хочется.

И вот мужчины находят способ решить проблему: они начинают выращивать свиней. У этого сложного процесса есть две ступени: одна — для маленьких мальчиков, другая — для больших. Сначала отец дает сыну поросенка в качестве домашнего любимца, и мальчик вынужден как-то отвлечься от матери: теперь он несет ответственность за вверенное его заботам маленькое создание. Он учится не быть зависимым, но чтобы на него самого можно было положиться. И вот, когда он становится совершенно предан своей свинке, отец помогает ему принести ее в жертву, чтобы мальчик научился жертвовать тем, что любит. А потом, когда все кончено, когда жертва принесена и съедена, ему дают нового поросеночка.

Через некоторое время наступает вторая фаза — уже для взрослых. Это фаза соревнования. Соревновательный импульс тоже переносится на свиней; для этого последним выбивают верхние клыки, чтобы нижние могли расти беспрепятственно. Они вырастают до чудовищных размеров и загибаются дугой, вонзаясь обратно в челюсть несчастного животного, которое испытывает от этого сильные страдания. Мяса оно, естественно, не нагуливает и превращается в тощую, сугубо духовную свинью. Ну, вы знаете, как обычно выглядят тощие, сугубо духовные особы.

Как бы там ни было, бивни растут по второму кругу, а при большой удаче и тщательной заботе получается и третий. На каждой стадии роста клыков мужчина приносит в жертву сотни других заботливо выращенных им поросят, так что к тому времени, когда у него получится трехкольцовый кабанчик, это будет стоить ему бесчисленных свиных жизней. А надо заметить, что с каждой новой жертвой его имя и духовный статус меняются, как у масонов.

Итак, сначала у нас была простая бойскаутская мужская мифология цивилизации охотников. Затем мы познакомились с женской мифологией растительного мира. Теперь же у нас появилась мужская мифология духовного статуса. И на каждой из ее стадий наш герой узнавал о тайнах потустороннего мира что-то новое. С этим типом мифологии стойко ассоциируется мотив лабиринта. Давайте разберемся, с чем мы имеем дело. Внутренняя жизнь мужчины тесно связана с длиной зубов его свиньи, которая неоспоримо свидетельствует о его постоянно растущем духовном уровне. Свинья действительно становится глубоко духовным животным.

Прежде чем умереть, мужчина должен принести в жертву великого духовного кабана со всеми его кольцами; совершая акт жертвоприношения, он получает силу свиньи. Если он умер до жертвоприношения, никто не смеет сделать это за него, пока сам не вырастит свинью с не меньшим количество колец, ибо иначе его духовная сила не сможет противостоять невероятному могуществу свиньи, предназначенной на заклание.

Но вот мужчина наконец умер и теперь, вооруженный силой своей свиньи, направляется в потусторонний мир. Там он встречает женщину — стража загробного царства. Та рисует схему лабиринта, который ему нужно пройти, а потом стирает половину. Мужчина должен вновь нарисовать эту недостающую половину, чему его в свое время научили в тайном обществе. Дух убиенной свиньи он отдает женщине-стражу на съедение, после чего вступает в загробный мир, где будет вечно танцевать в пламени подземных вулканов.

Все это может показаться примитивным и от нас чрезвычайно далеким. Но вы знаете, как умер Будда? Смерть его озадачила многих, ибо постигла его оттого, что он поел свинины. Когда Будде было восемьдесят два года, кузнец по имени Кунда пригласил его в гости, и Будда пришел к нему в сопровождении небольшой группы учеников. Хозяин приготовил ароматную, сочную свинину и горы овощей. Будда поглядел на мясо и сказал:

— Лишь тот, кто достиг нирваны, может себе позволить есть это мясо. Я поем, но не подавайте его моим ученикам, а то, что останется, заройте в землю.

Это в продолжение темы свиней.

Многие великие умирающие и возрождающиеся боги были убиты свиньями или персонажами, ассоци-

ировавшимися с этими животными. Брат Осириса Сет охотился на свинью, когда встретил Осириса и убил его. Адониса задрал дикий вепрь. В Ирландии герой Диармайд также был убит вепрем, хотя и успел, в свою очередь, умертвить его. В Полинезии одним из главных богов является Камапуа-а — юный бог-кабан, возлюбленный богини вулканов госпожи Пеле. Это мифологема, действие которой распространяется от Ирландии и через весь тропический климатический пояс, содержит первое упоминание о духовных степенях и суррогатной смерти. В каждой из этих культур присутствует каннибализм — символический либо реальный, а высшее могущество достигается посредством убийства человека и поглощения его энергии. *Hic est corpus meum*[51].

Эти ритуалы — бизоний танец, с одной стороны, и убийство совокупляющейся пары и тайное свиное общество, с другой, — представляют два взаимно противоположных модуса мировосприятия. Модус тропического мира, где доминирует образ жизни за счет смерти, глубже и трагичнее. По сравнению с ним модус охотников ребячливее, проще и беззаботнее: у них не происходит ничего нового; жизнь движется вперед, повторяя все те же старые циклы.

С тех пор как в жарких, плодородных землях Юго-Западной Азии возникли первые великие высокоразвитые цивилизации, основанные на сельском хозяйстве, образ жизни за счет смерти стал активно внедряться в мировую культуру. Не последним тому подтвéрждением служит и мифология христианской традиции: смерть Иисуса принесла нам всем жизнь веч-

51 «Вот тело мое (которое за вас предается)» (лат.) — часть евхаристической молитвы католической литургии. — *Примеч. перев.*

ную. Таков, собственно, сокровенный смысл феномена Распятия. Эту же тему можно обнаружить и в более ранних мифах об Осирисе, Аттисе, Адонисе и Дионисе[52]. Именно этот миф воспроизводили и Элевсинские мистерии. В нем содержится некий очень важный элемент понимания сущности жизни. Это далеко не абсолютная истина, но некий вариант прозрения; это игра, в которую может играть человек. И мировосприятие человека, играющего в игру «жизнь-из-смерти», фундаментально отличается от мировосприятия того, кто играет в охотничьи игры.

В любом случае именно в зоне действия растительного мифа возникли неолитические культуры с первыми постоянными поселениями. Именно они положили начало более высокоразвитым цивилизациям, а их обряды жертвоприношения, представлявшие миф в весьма грубой и жестокой физической форме, оказались постепенно сублимированы. Шли века, и они становились все более духовными и символическими, давая пищу уже не столько телу, сколько духу. Символизм буддийских, индуистских и христианских ритуалов был сублимирован на основе общей для всей этой климатической зоны мифологемы.

Около IX века до н.э. эти сообщества окончательно переходят на оседлое земледелие и разведение домашнего скота. И вот племя уже выращивает для себя пищу, а не добывает ее в дикой природе.

Раньше, в собирательских сообществах, все взрослые были равны и обладали одинаковым статусом: вме-

52 Больше информации по этой теме можно найти в книге Joseph Campbell, *Thou Art That*, pp. 15, 66, 111—112. — *Примеч. издателя.*

сте они контролировали жизнь племени во всех ее проявлениях.

Как я уже говорил, высокие культуры начали развиваться в регионе, известном как Ближневосточное цивилизационное ядро, примерно с IV тысячелетия до н.э. Деревни постепенно становились крупными поселениями, городами, а потом и городами-государствами. Процветали торговля и различные новые ремесла и искусства, характерные для развитой цивилизации; отдельные индивидуумы более не контролировали всю совокупность общинного наследия. Они становились своего рода отраслевыми специалистами — в области отправления властных или жреческих функций, торговли или сельского хозяйства и т.д. И из соображений общей пользы и гармонии людям одного типа приходилось жить в согласии с людьми совершенно другого типа. Подобная иератическая структура общества стала причиной возникновения целого ряда психологических, социологических и многих других проблем.

Наибольшим значением в эту важнейшую для всего человечества эпоху обладали жрецы. Именно они наблюдали небеса, выискивая знаки, которые говорили о том, когда время сеять, а когда пожинать урожай. Именно жрецы — особенно в Древнем Шумере — изобрели искусство письменности и математику, а затем стали применять последнюю для описания окружающего мира, введя шестидесятеричную систему счисления (основанную на числах шесть, двенадцать и шестьдесят), при помощи которой мы с вами до сих пор измеряем время и пространство.

Также они первыми открыли движение планет через созвездия зодиака и поняли, что оно поддается ма-

тематическому прогнозированию. Эта модель движения навела их на мысль о существовании космического порядка — вселенского цикла, запечатленного, так сказать, крупными буквами на ткани небес. Луна рождается, растет, минует полнолуние, а потом убывает. Солнце встает и заходит каждый божий день. За зимой следует весна, затем лето, затем осень. Идея великого, вечно повторяющегося цикла оказалась откровением для тех, кто наблюдал небеса в ту далекую эпоху, — и откровением куда более значительным, чем тайны растительного и животного миров, на законах которых была завязана вся тогдашняя культура. Это было прозрение о силах безличных и неумолимых, правящих ходом вещей. Невозможно молиться солнцу, прося его остановиться, — в этом мире вообще ничего нельзя остановить. Это непрерывный процесс, безличный и математически измеримый, с которым институты человеческой цивилизации должны находиться в гармонии. И в этом как раз и состояла основная мифологическая концепция первых высоких цивилизаций.

Рождение Востока и Запада: высокие культуры

Держа в голове все эти соображения, давайте предпримем краткий обзор всех наших высоких культур. Я обычно разделяю всю их совокупность на два класса — восточные и западные. Линия, разграничивающая их в плане географическом, проходит в точности через Персию. К востоку от Персии, на Великом Востоке,

было два культурных центра: один в Индии, а другой на Дальнем Востоке — в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии. Обе зоны носят изолированный характер. На севере Индии высятся Гималаи, а границами служит океан. Восточная Азия отграничена с запада великими пустынями, а с юга и востока — также водой.

Любые новые влияния там постепенно поглощаются уже имеющимися традициями и порядками, и потому в восточных культурах до наших дней, по сути дела, сохраняется мировосприятие бронзового века, привнесенное туда из Месопотамии между 2500 и 1500 годами до н.э. и основанное на идее великого безличного цикла.

К западу от Персии было также два основных культурных центра. Один — на Ближнем Востоке, в Леванте, где появились первые на земле высокие культуры. Основной акцент там ставится на общество, на групповые интересы — не на индивидуальное, но на участие индивидуального в коллективном. Другой большой культурной зоной является Европа, то есть архетипический ареал расселения палеолитических охотников, которые выделяли, напротив, индивидуальное.

Эти две большие зоны — в отличие от изолированных восточных очагов — всегда находились между собой в непрерывном взаимодействии. Более того, каждая из них была открыта для нападения со стороны одного из двух чрезвычайно агрессивных и безжалостных военизированных племен, периодически наступавших соответственно с севера и с юга на оседлых земледельцев и торговцев центрального региона. Этими завоевателями были арии — пастухи коров с равнин Северной Европы и семиты — пастухи коз и овец из пустынь Сирии и

Аравии. Везде, где им удавалось завоевать местное население, они формировали правящий слой, господствовавший над цивилизованными земледельцами, ремесленниками и торговцами, чьи мифы и образ жизни контролировались жрецами, наблюдавшими за ходом светил. Оба этих воинственных народа поклонялись мужскому божеству — владыке грома и молний. Их мифологические системы совершенно противоположны системам оседлых земледельческих групп, которые почитали Матерь-Землю, ниспосылающую свои дары благодарным детям и являющуюся, соответственно, великой богиней и главным божеством пантеона.

Конфликт между почитателями богини и презиравшими их воинами составляет одну из основных тем западной мифологии. Ветхий Завет представляет собой историю такого конфликта, развязанного богом воинов, провозгласившим: «И дал Я вам землю, над которою ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы живете в них»[53]. Об этом можно прочитать в Книге Иисуса Навина: простой маленький городок, потом на горизонте появляется облако пыли, и вот в живых уже не осталось никого. Пришло племя бедуинов и всех истребило. У греков, кельтов и германцев бытовали сходные представления. Эти арии и семиты были страшными противниками: жестокие, суровые люди, одним словом — варвары. Они ворвались в мир, построенный на идее вечного обращения космических циклов, и быстро показали всем, кто тут главный.

В мифологиях космического порядка вся вселенная представляется лоном Матери-Богини, чьими детьми

53 Иисус Навин, 24:13. — *Примеч. издателя.*

являемся мы все. Божества, оплодотворявшие ее, нередко представали в форме животных. Эти боги-супруги занимали подчиненное положение по отношению к ней — верховному божеству. Первое, что узнает человек, придя в мир, — это мать. Отец вторичен и не может предъявлять претензий. Кому нужно лоно Авраамово?

Однако завоеватели приносят с собой своего мужского бога, который становится центром мироздания: не того, кто молится богине о ниспослании плодов земных, но кто приходит и берет их сам, по собственной воле. Он — метатель молний, и не важно, как его зовут — Зевс, Яхве, Индра или Тор.

Если обратиться к семитам, пришедшим из великих пустынь, где Мать-Земля как-то не особенно заботится о своих детях и жизнь их зависит от социального порядка, то выяснится, что главным божеством всех семитских народов — будь то амореи, вавилоняне, евреи, арабы или финикийцы, — является *племенной бог*. Это явление не знает аналогов в истории.

Если основное божество носит природный характер, то можно пройти от Греции до Индии и везде обнаружить его двойников: да ваш Индра — это тот же наш Зевс! Различаются только имена, суть же пребывает неизменной, как хлеб остается хлебом, независимо от того, называют ли его *brot* или *pain*. Одно божество вполне можно заменить другим, и не важно, как его зовут. Но вот если главным для вас является племенной бог, то схема «ваш бог — это наш бог» уже не работает.

Таким образом, в семитской традиции с самого начала была заложена тенденция считать себя исключи-

тельными, что в соединении с избыточным акцентом на мужской божественной фигуре дало чувство национальной отдельности: мы не такие, как все прочие люди в мире.

Греки и римляне больше склонялись к синкретизму и видели в чужих богах своих собственных. Если вам захочется определить свой личный миф, задайте себе вопрос, каково ваше отношение к своему богу по сравнению с богами других людей (если вы, конечно, знаете, кто он — ваш бог). Каков будет ваш ответ? Что он уникален? Что другого такого нет во всем свете? Или вы скажете: «Я живу той же жизнью, что и другие люди, но называю высшие силы таким-то именем»? Это не значит, что вы не можете думать, будто ваш путь — самый лучший... для вас. Но заявлять, как это делают многие, что, мол, вы поклоняетесь богу, как вам нравится, а я поклоняюсь богу, как нравится *ему*, — пожалуй, было бы некорректно.

Как бы там ни было, а у нас имеется весьма любопытный конфликт между не очень высокоразвитой, но гораздо более сильной физически патриархальной культурой и гораздо более утонченной цивилизацией поклонников богини. Разумеется, варвары победили и ассимилировали локальные мифологические системы.

Возьмем Книгу Бытия. Вы когда-нибудь слышали о мужчине, родившем женщину? И тем не менее именно эта глупость случилась в саду Эдема, когда Адам дал жизнь Еве: мужчина принял на себя роль женщины. На иврите «Адам» значит «земля». Человечество было рождено из земли — но не от земной матери, а от земного отца.

В Пепельную среду множество католиков ходят по улицам Нью-Йорка с крестами из пепла на лбу[54]. «Ибо прах ты и в прах возвратишься»[55]. Прах! То есть Мать-Земля! И вы так с ней обращаетесь? Перед нами бог-холостяк. Это единственная в мире мифология, в которой нет богини. Единственная! Именующая богинь других мифологических систем не иначе как мерзостью.

Весь Ветхий Завет строится на том, что мужское божество по имени Яхве проклинает культы холмов и полей и Матери-Земли заодно с ними. Один царь за другим творит зло перед ликом Яхве, возводя алтари на вершинах гор и под деревьями. А потом является какой-нибудь маньяк вроде Илии, и получается море крови — кто тут не вовремя поднял глаза к луне? Все это ни в какие ворота не лезет. Иными словами, мы с вами унаследовали кошмарную мужскую мифологию, которая требует безжалостного подавления женского начала.

Один из самых интересных моментов касательно Библии, обнаруженный исследователями лишь в XIX веке, состоит в том, что все сюжетные линии Ветхого Завета пришли из шумеро-вавилонской мифологии. Что же получилось в результате? Мифы, изначально воспевавшие богиню как источник жизни и всего сущего были переориентированы на мужского бога Яхве. Эта трансформация — чрезвычайно любопытный и местами приводящий в замешательство аспект нашей тра-

54 Пепельная среда — в римско-католической церкви первый день Великого поста. В соответствии с древним обычаем и в знак скорби и покаяния на лоб верующим в этот день наносится освященным пеплом знак креста. — *Примеч. ред.*

55 Бытие, 3:19. — *Примеч. издателя.*

диции. Символы говорят напрямую с душой; в глубинах подсознания мы все прекрасно знаем, что они означают. Но у книги, переложившей миф, язык совершенно другой. Она говорит: «Это Отец», — но душа возражает ей: «Нет, это Мать». После чего мы отправляемся прямой дорогой к психиатру. Все библейские символы говорят на двух языках одновременно.

Фома Аквинский в своем труде «Summa contra gentiles» утверждает: «Лишь тогда можно познать Бога, когда знаешь, что Он далеко превосходит все, что можно сказать или подумать о Нем»[56]. Следовательно, думая о том, кто «превосходит все мыслимое» как о существе мужского пола — причем, согласно устоявшейся традиции, как о неженатом мужчине, — вы делаете нечто такое, с чем душа справиться не в состоянии. Полагаю, это важно.

Акцент на половой принадлежности божества — не важно, мужской или женской, — по природе своей вторичен, а в определенном контексте просто мешает. Само стремление установить примат патриархального сообщества над матриархальным весьма характерно для мужского начала. И в «Агамемноне» Эсхила, и в «Эдипе» Софокла предпринимались попытки разрешить эту проблему — мужская система против женской.

На Востоке такой проблемы просто нет. К востоку от Персии, в Китае и Индии, древние мифологические системы донесли до современного мира идею космического цикла — безличного универсального порядка, царящего во вселенной. Там царят индийские понятия дхармы и кальпы, китайское учение о дао и

56 Фома Аквинский. «Сумма против язычников», книга 1, глава 3. — *Примеч. издателя.*

тому подобные штуки. Все эти концепции, древние, как само письменное слово, далеко превосходят рамки гендера.

Величайшая тайна вселенной, высшее совершенное существо — если можно его так называть — находится за пределами человеческого понимания, за пределами самих мыслительных категорий. Бесполезно вопрошать: «Одно оно или их много? Мужчина это или женщина? Доброе оно или злое?» Бытие и небытие суть тоже категории мышления. Оно существует (или же не существует) вне всякого помышления. Оно трансцендентно любым определениям. И было бы как-то слишком простецки спрашивать: «Правда ли, что божественная сила — любящая, милосердная и справедливая? Правда ли, что она любит одних людей больше, чем других? Правда ли, что она любит меня?»

Следующий важный момент: эта сила, превосходящая всякое разумение, есть самая суть вашего существа. Она *имманентна* — она присутствует здесь и сейчас, в страницах этой книги, в стуле, на котором вы сидите. С этой точки зрения можно взять любой объект и попытаться постичь тайну его бытия, но вам так и не удастся понять, что перед вами, ибо знать этого вы не можете. Да, это стул, вы в курсе, что с ним делают, но его природа совершенно и абсолютно таинственна. Тайна бытия этого стула идентична тайне бытия самой вселенной. Поэтому любой объект — палка, камень, человек, животное — может стать идеальным предметом для медитации в силу своей божественной природы.

В VIII веке до н.э. Чхандогья-упанишада недвусмысленно сформулировала основную идею: *тат твам*

аси — ты еси то[57]. Смысл этих религий — индуизма, джайнизма, даосизма и буддизма — в том, чтобы пробудить в индивидууме ощущение слияния с вселенской тайной бытия. Вы и есть эта тайна. Но не то «вы», которое вы так лелеете. Не то «вы», по которому вы отличаете себя от остальных[58].

Решение проблемы — в том, чтобы отождествиться одновременно и с наблюдателем, и с тем, за чем он наблюдает. Обычно человек воспринимает мир в дуалистическом ключе: я вижу свое тело, при этом я не есмь мое тело; я думаю свои мысли, но я не есмь они; я испытываю чувства, но я и они — не одно и то же. Я — тот, кто все это переживает, я есмь наблюдающий. А потом пришел Будда и сообщил всем и каждому, что и наблюдателя тоже нет. Можете теперь спокойно проходить сквозь стены.

И вот мы приходим к главному: все, что вы можете назвать или определить, *не есть это*. То, чему в себе вы можете дать имя, не есть это, и все же вы есть это; эти взаимно противоречивые утверждения дают нам ключ к тому, что мы называем Тайной Востока.

Эта тайна была не чужда и нашим западным мистикам. Многих из них сожгли за то, что они пытались привлечь внимание общества к подобным идеям. К западу от Персии в традициях, пришедших с Ближнего Востока, то есть в христианстве, иудаизме и исламе, это — самая главная ересь, ибо незыблемая истина гласит: бог сотворил этот мир, а творец и творение — не одно и то же.

57 Чхандогья-упанишада, глава 12. — *Примеч. издателя.*

58 Эта идея разрабатывается в книге Joseph Campbell, *Myths of the Light: Eastern Metaphors of the Eternal*, David Kudler, ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2003). — *Примеч. издателя.*

Наша теология обычно рассматривает мир с точки зрения бодрствующего рассудка: аристотелевская логика утверждает, что *А* и *не-А* — вещи разные. Но на другом уровне — а именно на него ссылаются все религии, и наша в том числе, хотя они бы предпочли не заострять на этом внимание, — великая тайна состоит в том, что эти два суть одно: *А* есть *не-А*. И тем не менее наши официальные религии заклеймят как еретика любого, кто посмеет заявить: «Я и Отец — одно». Иисус сказал это и был убит. Вот за что его на самом деле распяли: за богохульство.

Девятьсот лет спустя великий суфийский мистик аль-Халладж объявил то же самое; и его, надо сказать, тоже за это распяли[59]. Что же именно сказал аль-Халладж? Он сказал о том, к чему стремится любой мистик: ортодоксальное сообщество нужно только для того, чтобы дать любящему соединиться со своим возлюбленным, сиречь мистику — со своим богом. Он использовал метафору мотылька и пламени лампы: мотылек видит свет и принимается биться о стекло, а поутру отправляется к своим друзьям и говорит им: «Ух, я тут ночью такое видел!» «Что-то незаметно, чтобы тебе это пошло на пользу!» — отвечают ему. Что ж, такова участь всех аскетов. И на следующую ночь мотылек летит обратно, находит щелочку, забирается в лампу и становится единым со своей любовью — превращается в пламя. Вот она, цель всех мистиков, говорит аль-Халладж: полное растворение ощущения своего эго в окончательном слиянии с Единым.

59 Аль-Халладж, Абу-л-Мугис ал-Хусайн бен Мансур (ок. 858—922) — выдающийся суфий, казненный по обвинению в ереси. Произнес знаменитую фразу: «Я есмь Бог». — *Примеч. перев.*

В нашей традиции не делается акцент на переживании внутреннего единства с божественным. Наибольшее внимание мы обращаем, скорее, на установление неких *отношений* с божественным. Христианство — религия отношений: *А* каким-то образом относится к *В*. В то время как на Востоке *А* равно *В* и одновременно не равно ему. Отношения и слияние суть два принципиально разных феномена.

Как же устанавливаются отношения с божественным? В иудаизме для этого достаточно быть евреем: никто в целом свете не может претендовать на то, что знает бога, кроме евреев, — это старая, излюбленная библейская идея. Как становятся евреями? Только родившись от еврейской матери. Момент достаточно уникальный в своем роде.

В христианской традиции Христос рассматривается как единственная инкарнация бога; он одновременно настоящий человек и настоящий бог. Человеческое и божественное начала Христа, пребывающие в одном сосуде, считаются уникальным и неповторимым чудом. Как можно установить отношения с Христом? Через крещение и принадлежность к церковной общине.

Итак, мы отделены от своего божественного начала. Но мы оказываемся также отделенными и от общественных институций, претендующих на непосредственный контакт с божественным, поскольку больше им не верим. Христос восстал из мертвых и основал церковь? А что, если он из них не восставал? Был ли он действительно тем, за кого себя выдавал? Истинным богом и истинным человеком, рожденным от девственницы? Предположим, вы во всем этом сомневаетесь. Значит, истина вам недоступна. Некий институт изъял божественность

из мира, помог вам установить с ней некие нормированные отношения, выступая в качестве эксклюзивного посредника, а потом благополучно исчез, оставив вас вообще без какого-либо контакта с высшим измерением. Это называется последовательной сепарацией.

И тут на сцене появляется старый добрый свами Сатчитананда.

На Востоке религия стремится к тому, чтобы каждый осознал собственную двойственную природу; явление инкарнации божественного, или аватары, — это всего лишь модель, призванная помочь вам познать это чудо в себе.

Я так подчеркиваю эти различия, поскольку они показывают принципиально иной подход к данной теме, принятый в западных традициях. Последние зависят от историчности — то есть от объективной реальности — набора событий, избранных для сакрализации. Иудаистская традиция основана на представлении о том, что определенным людям в определенном месте и времени было явлено откровение; это событие должно быть подтверждено историческими источниками. Как оказывается на практике, источники эти весьма сомнительны.

Традиция христианская, в свою очередь, зависит от идеи единственности божественной инкарнации, на свидетельствах о чудесах, а также на основании церкви и установлении ее преемственности. Все эти события представляются как исторические; вот почему весь наш символизм так последовательно и упорно подчеркивает историзм библейских сюжетов.

Мусульманская вера устанавливает отношения между верующими и Аллахом через слово его пророка Мухаммеда.

Все это может быть вполне приемлемо с точки зрения церкви, или Израиля, или ислама, но не дает символу вступить в прямой контакт с тем, к чему он, собственно, и обращен, — с внутренним измерением вашей души. Вот почему из Индии к нам едут гуру, а из Японии — мастера дзен. Они несут нам весть, что все.символы нацелены внутрь.

В самом начале своей замечательной книги «Философские системы Индии» Генрих Циммер[60] указывает, что наша культура только сейчас столкнулась с кризисом, который случился в Индии без малого три тысячи лет назад: суть его заключается в полной дезинтеграции унаследованного от предков корпуса мифов. Их больше нельзя воспринимать в буквальном и конкретном ключе, что было нормально и даже неизбежно в не столь высокоразвитом обществе. Лишь теперь мы осознаем — как индийцы осознали это давным-давно, — что вся сила мифов идет изнутри нас. А ведь именно оттуда она и должна идти. Влезть в шкуру другого человека невозможно, так что теперь нам предстоит пройти через то же самое испытание, через которое Индия уже давно прошла.

Я вовсе не хочу сказать, что в Индии дела обстоят гораздо лучше, чем у нас: ведь с тех пор (900—400-е годы до н.э.) прошло уже очень много времени. Индия постарела. Когда вы стареете, многое начинает терять значение. Выпадают волосы; вы забываете менять одежду, все рассыпаете и разбиваете. Именно так сейчас и выглядит Индия. Это останки былой славы, и нужно отдавать себе в этом отчет. Нельзя взять мировосприятие

60 См. примеч. 30. — *Примеч. ред.*

этой уже порядком обветшавшей культуры, которым она пользовалась в незапамятные времена, и пытаться жить по нему сейчас. Но к нему можно прислушаться и сделать его источником нового вдохновения.

Моя маленькая проповедь к церквам и священникам мира выглядела бы так: у вас есть символы на алтарях, и есть у вас учения. Но увы! Когда догма говорит вам, каким образом символы должны влиять на людей, вы оказываетесь в ловушке. Если они оказывают на меня иное воздействие, нежели предписано, становлюсь ли я от этого грешником?

Подлинная и весьма важная функция церкви состоит в том, чтобы нести символ и осуществлять обряд, при этом позволяя всем и каждому воспринимать это послание так, как они на то способны. Взаимоотношения между Отцом, Сыном и Святым Духом с технической точки зрения должны заботить вас куда меньше, чем ощущение Непорочного Зачатия внутри вас самих и чем рождение того мистического и мифического феномена, который и есть жизнь духовная.

Часть *вторая.*
Живой миф

Глава третья. Общество и символ[61]

Механизмы мифа: как работают символы

Волшебство мифа работает через символы. Символ представляет собой кнопку, автоматически запускающую энергию и направляющую ее в определенное русло. А поскольку мифологические системы мира включают множество символов совершенно универсального характера, возникает естественный вопрос: почему? Каким образом универсальный символ может работать на те или иные внутрикультурные тенденции? Предмет этот весьма сложен, но, надеюсь, мне удастся раскрыть

61 Материалы этой главы были взяты преимущественно из лекции под названием «Обзор западной психологии: Фрейд и Юнг», прочитанной Кэмпбеллом в 1962 г. в Институте международных отношений (L47); из двух лекций под названием «Жить согласно личному мифу» — одна от 17 ноября 1972 г. в Нью-Йоркском клубе психоаналитиков (L441), другая от 3 мая 1973 г. в Университете Арканзаса в Фэйетвилле (L483); а также из материалов недельного симпозиума, также названного «Жить согласно личному мифу», который Кэмпбелл провел в Эсаленском институте в Биг-Сюр (Калифорния) с 16 по 20 марта 1973 г. (L468 — 472). — *Примеч. издателя.*

его суть буквально в нескольких простых и ясных предложениях.

Встроены ли символы в структуру нашей психики изначально или запечатлеваются в ней позднее? Зоопсихологи обратили внимание, что, когда ястреб принимается кружить над едва вылупившимися из яйца цыплятами, которые до сих пор ястребов в глаза не видели, те сразу же бегут прятаться. Если над ними летает голубь, ничего подобного не происходит. Тогда сделали специальную деревянную модель, изображающую парящего ястреба. Оказалось, что если подвесить ее над цыплятами на проволоке, то они прячутся; если же ее держать рукой за хвост, цыплята на нее не реагируют. Сейчас всему дают специальные названия, поэтому этот феномен назвали ВРМ, или врожденный разрешающий механизм, также известный как стереотипная реакция.

С другой стороны, когда из яйца вылупляется утенок, первый же движущийся объект, который попадает в поле его зрения, становится для него матерью. Он привязывается к этой фигуре, кем бы она ни была, и связь эту потом невозможно разорвать. Это постнатальное явление называется импринтингом, или запечатлением.

Теперь остается выяснить: являются ли реакции человеческой психики стереотипными или запечатленными? Стереотипная реакция, как в случае с ястребом и цыплятами, работает по схеме «замок—ключик», как если бы в мозгу цыплят имелось точное описание ястреба. Вы можете задать вопрос: кто в таком случае отвечает на раздражитель? Маленький цыпленок, который никогда в жизни в глаза не видел ястреба? Нет, отвечу я. Скорее уж это весь цыплячий род как таковой.

Реакция цыпленка на ястреба — не важно, настоящего или поддельного, — являет нам то, что Юнг называл архетипом: символ, высвобождающий энергию определенного образа из коллективного бессознательного. Цыплята не встречались с ястребом раньше, но тем не менее они на него реагируют. В то время как милый маленький утенок, привязавшийся к маме-курице, ведет себя в достаточной степени специфично: он — индивидуум, а не какой-нибудь там тип. Связь между уткой и курицей в данном случае есть результат импринтинга.

Импринтинг отличается от простого интереса и влечения к чему-то, что вы увидели, одним очень важным фактором: он случается в момент психологической готовности, который может длиться буквально секунду. Состоявшись, импринтинг принимает весьма определенную форму и не может быть аннулирован.

Ученые не смогли определить какие-либо стереотипные образы в человеческой психике. Поэтому давайте примем за данность, что в ней доминирует импринтинговый фактор, а сколько-нибудь значительных врожденных разрешающих механизмов не существует.

Тогда возникает следующий вопрос: тогда почему вообще существуют универсальные символы? Одни и те же символы встречаются в мифологических и религиозных системах, а также в социальных структурах каждого общества. Если у нас нет встроенного в психическую систему ВРМ, как же они тогда в нее попадают?

Если источником этих символов не являются врожденные структуры и они не могут быть привиты культурным путем (ибо культуры слишком сильно отличаются друг от друга), должен существовать некий общий

набор переживаний, разделяемый почти всем населением Земли.

Практика показывает, что эти общие для всех переживания случаются в период младенчества. Они связаны: a) с отношениями ребенка с матерью; b) с отношениями ребенка с отцом; c) с отношениями между родителями и, наконец, d) с проблемами его собственной психологической трансформации. Эти универсальные переживания являются источником *Elementargedanken*, неизменных тем и мотивов мировой культуры.

Общество, миф и развитие личности

Позвольте мне суммировать для вас то, что думал по этому поводу Фрейд, чтобы у нас была основа для дискуссии об обществе и индивидууме.

Во-первых, Фрейд полагал, что неотъемлемой частью психики является воля, желание, принцип «я хочу». Психика — это механизм, все действие которого направлено на осуществление желаний, а общество, обстоятельства, семья и ограниченные возможности детского тела чинят ей в этом препоны. Здесь-то мы и обнаруживаем ядро будущей проблемы.

Ребенок не в силах вынести напряжение желания, которое не получает разрешения. Сталкиваясь с абсолютным запретом — с чем-то таким, чего ребенку нельзя, нельзя, *нельзя*! — желание уходит в подсознание. Фрейд считает, что хороший родитель может отвлечь ребенка от запретного или невыполнимого желания, придав другое направление его мыслям; но то

самое первое «я хочу» все равно останется похороненным в недрах психики в виде невыполненного желания.

Важно то, что, когда желание погружается в подсознание, вместе с ним туда уходит и запрет. Таким образом, в подсознании образуется динамическая энергетическая единица, содержащая одновременно и положительную, и отрицательную составляющую; Фрейд называл это амбивалентностью. Само явление подавления своего желания вместе с социальным запретом он называл *интроекцией*. Действуя так, мы интроецируем небольшой фрагмент социального порядка, встраиваем внутрь себя «нет», табу, управляемое и подтверждаемое социально, а не естественно. Наборы табу в разных обществах различны. Следовательно, то, что люди религиозные называют совестью, представляет собой социальную структуру, функционирующую как часть системы моральных установок той культуры, в которой был рожден данный ребенок.

Давайте вслед за Фрейдом рассмотрим фундаментальную детскую проблему: стремление ребенка к Матери и неспособность матери удовлетворять его каждый момент времени. Эта амбивалентность — желание и запрет, похороненные вместе, — хранится в недрах психики в виде энергетически заряженного блока. В той или иной ситуации он непременно будет вытолкнут на поверхность; рано или поздно разрядка произойдет. Разрядка осуществляется также на бессознательном уровне. Фигурально выражаясь, вместо того чтобы хотеть Маму, психика (и, разумеется, ребенок) находит себе желание-заменитель. То, что вы сознательно считаете совершенно моральным — брак, например, — в подсознании выполняет абсолютно аморальную функцию,

заменяя собой инцест. За закрытыми дверями вы, так сказать, наслаждаетесь запрещенными обществом переживаниями и, более того, запрещаете себе осознавать, что вы ими наслаждаетесь.

Именно этот процесс формирует основу для фрейдистского понимания невроза. Если индивидуум испытывает страх и тревогу в нестрашной ситуации, это не настоящий страх. На самом деле человек переживает воображаемое наказание от невидимых парентальных персонажей за запретные чувства и желания, которыми втайне наслаждался.

И вот, когда накапливается критическая масса фрустрирующих переживаний и запретных желаний, центр тяжести в психике неудержимо смещается вниз, в сторону подсознания; иными словами, там, внизу, происходит так много всего, что индивидуум может оказаться не в состоянии адекватно действовать наверху, в мире сознания. Если в подсознании уже не остается места и его содержимое начинает лезть наверх, начинается то, что мы называем психозом, и человек теряет контакт с окружающим миром.

Например, когда подавленные детские стремления становятся взрослыми желаниями и направляются в русло генитальной сексуальности, представление о матери как внешнем объекте смешивается с представлением об инцесте, который абсолютно табуирован, — взрослому человеку нельзя даже осознавать это желание. Итак, желание инцеста блокируется одновременно бессознательным запретом и угрозой наказания; источником этой угрозы является образ отца. Фрейд считает отца первым врагом. Мать способствует формированию этого враждебного образа, заявляя что-ни-

будь вроде: «Подожди, вот папа придет домой, он тебе задаст!» Мать, таким образом, передает функции так называемой Злой Матери отцу, который в дальнейшем и исполняет эту роль.

Далее отцу приходится стать учителем, чтобы помочь ребенку установить отношения с взрослым миром. К сожалению, у ребенка по отношению к отцу уже сформировалась амбивалентная модель. Отец, со своей стороны, обижен на ребенка, потому что тот перетягивает на себя внимание матери — по крайней мере, на какой-то период. Так что их отношения характеризует взаимная антипатия. Фрейд называл это противопоставление эдиповым комплексом. Эдип по ошибке убил своего отца и женился на матери, чего, как считает Фрейд, на самом деле хочет любой маленький мальчик.

Есть, разумеется, и реакция, противоположная эдипову комплексу; Фрейд называл ее комплексом Гамлета. Подобно шекспировскому персонажу, мальчик говорит: «О, нет, я вовсе не хочу убить отца. Отец — лучший человек на земле, а вот мать — ужасная, поистине ужасная тварь. Она меня все время искушает, подбивая убить отца». Именно это и случилось с Гамлетом: он следует сценарию и едва не убивает собственную мать. И, конечно же, все, что символизирует мать — женщины, мир, вселенная, жизнь, бытие, — тут же приобретает репульсивный, отталкивающий характер. В результате мы получаем чистые, непорочные души, которые никогда не прикасаются к женщинам, боже упаси, и непрерывно бьют поклоны перед образом отца. Таким образом отыгрывается реакция, принципиально противоположная эдипову комплексу. По мнению

Фрейда, любой мужчина — либо Гамлет, либо Эдип (либо и тот и другой одновременно).

У женщин противоположные проблемы: они повторяют судьбу Электры, которая решила, что мать соперничает с ней за любовь отца. Согласно этой точке зрения, у девочки кризис наступает в возрасте около четырех лет, когда актуализируются гендерные различия и она начинает осознавать некоторые последствия этого разделения. Девочке приходится перенести фокус привязанности от матери (до этого возраста он у девочек и мальчиков одинаков) к отцу. Отец начинает заниматься образованием дочери, помогая ей устанавливать контакт с мужским началом. Он должен сыграть эту роль, чтобы дать дочери представление о мужчине, отличное от ужаса перед непонятным и полностью противоположным существом. Этот урок носит для девочки точно такой же характер, как для мальчика — введение в социальный порядок. Отец образовывает дух ребенка, транслирует цели и задачи социума, дает ребенку информацию о той взрослой роли, которую ему предстоит сыграть в будущем. Мать дает жизнь физическому телу; отец — духовному существу. Эти темы снова и снова встречаются в мифах различных культур мира — от самых высокоразвитых до самых примитивных.

Это первичное обучение, по идее, должно помочь душе перейти тот психологический порог, за которым взрослые проблемы будут автоматически вызывать принятие на себя ответственности, а не импульс к зависимости. Грядущие трудности будут отзываться не эхом детских отношений с родителями, а влечь за собой вполне взрослое желание предпринять действия, адекватные ситуации. Эта трансформация должна совершаться в

момент кризиса, и она до сих пор представляет собой важную проблему во всех современных обществах.

Кризис, о котором мы говорим, наступает в конце периода зависимости, продолжающегося по меньшей мере двенадцать лет. В это время мы не в состоянии сами заботиться о себе. Род человеческий вообще отличается от всех прочих видов тем, что мы приходим в этот мир слишком рано. Поэтому ни физическое тело, ни психика не достигают полного развития лет эдак до двадцати.

Итак, наступает первый кризис. Маленькое зависимое создание должно в одночасье превратиться в того, кто не бежит за помощью к маме с папой, но *сам является* мамой или папой.

Это как если бы гипс вылили в форму под названием *«зависимость»* и он уже начал застывать, а тут его срочно попытались бы перелить в принципиально иную форму с ярлыком *«личная ответственность»*. Отроческая психика должна перейти от паттерна зависимости к взрослому паттерну ответственности — ответственности, разумеется, определенной в соответствии с требованиями и потребностями той или иной социальной системы.

Эта стадия жизни — от рождения до эскалации подросткового кризиса — сопровождается типичным набором проблем, с которым сталкивается любое человеческое существо. Период роста юной души ограничен по всему миру примерно одними и теми же рамками; далее индивидуум должен совершить качественный скачок. В каждом обществе эта трансформация представляет собой предмет особого интереса. В первобытных сообществах обряды инициации при-

урочиваются именно к этому моменту. Отношения с индивидуумом строятся так, чтобы у него не оставалось шансов вернуться под опеку матери. Образовательные ритуалы переводят универсальные образы младенчества в символы, назначение которых в том, чтобы привязать индивидуума к обществу. Тотемные предки, Богиня-Мать и все имеющиеся у нас божественные пантеоны — ведический, олимпийский, индейцев навахо, скандинавский, синтоистский и так далее — представляют собой именно такие рано запечатлеваемые образы, намеренно сформированные так, чтобы текущая через них энергия направлялась в социально приемлемые и одобряемые каналы, значимые в рамках данной культуры.

Главное, чего общество (любое общество) требует от своих членов, — это чтобы они были способны моментально, по первому требованию, принять на себя ответственность, не меняя при этом себя. Человек, разрывающийся между зависимостью и ответственностью, — невротик; он амбивалентен, его тащит сразу в двух направлениях. Пока он не сможет встретиться лицом к лицу с проблемой, не сбегая внутренне под защиту родителей, он никогда не станет по-настоящему взрослым.

Однако придет время, и индивидууму придется вернуться к состоянию зависимости, столкнувшись с проблемой потери той ответственности, которой он так гордился, и подготовиться к путешествию за темные врата. Чтобы предотвратить патологические эксцессы на этом этапе, мифологические образы должны привести душу в соответствующее состояние, дабы она добровольно согласилась на этот переход. Мать и Отец воз-

никают вновь, но теперь уже в новом качестве. Образы, некогда использовавшиеся для того, чтобы облегчить юному человеку переход к активному состоянию полной ответственности за свою жизнь, теперь должны обеспечить ему переход от преклонных лет к пугающему своей абсолютной пассивностью состоянию смерти. Именно этот переход, как мы увидим в дальнейшем, больше всего интересовал Юнга.

Эго: Восток и Запад

Сейчас мне хотелось бы ввести несколько терминов, которые будут важны для сравнения того, что, с моей точки зрения, составляет суть западных, европейских представлений о личности и обществе, с тем, что об этом думают во всем восточном мире.

Сейчас мы оперируем понятием, так сказать, двухэтажной психики. Внизу располагается подсознание, а вверху — сознательная разумная личность. У личности есть что-то вроде фонарика — собственно сознание. Если я спрошу вас, что вы делали в пол-одиннадцатого вечера в такой-то день, вы, скорее всего, сразу и не вспомните. Но, если вы заглянете в ежедневник и обнаружите там запись «Вечеринка у Х», воспоминания окажутся очень живыми. Эта информация не пребывала в области сознательного, однако же была вполне доступна; Фрейд называл это *предсознанием*.

Если бы я спросил вас, с какой игрушкой вы играли на третий день своей жизни, вы не смогли бы этого вспомнить. Память об этом находится в сфере бессознательного — в том, что Фрейд называл *подсознанием*:

в царстве мыслей и воспоминаний, совершенно недоступных сознательному уму. Важно, что именно там находятся все первичные импринты первых четырех лет жизни, по истечении которых заканчивается общее формирование человеческого сознания.

Там же, в подсознании, находится и механизм «я хочу», который у Фрейда носит наименование *ид*. Ид — это то, с чем вы рождаетесь. Когда вы приходите в этот мир, ид внутри вас не имеет понятия о датах. Оно не знает, стоит ли на дворе ранний неолит или конец XX века; ему все равно, родились ли в Тимбукту или в Вашингтоне. Все, что ему известно, — это что вы животное вида «человек обыкновенный» и что у вас есть такие-то и такие-то потребности. Иными словами, это живой организм в чистом виде, который чего-то хочет.

Жизнь говорит: «Нет-нет, ни в коем случае!» Это дает нам тот самый конфликт между желанием и запретом, о котором мы уже говорили. Вы начинаете загонять в подсознание кучу всяких «я не должен», и социальное «я не должен» сталкивается с «я хочу» вашего ид. Бесперебойное поступление «я не должен» обеспечивает структура, называемая *суперэго*. Оно представляет собой интернализованный, сиречь загнанный внутрь, голос родителей и общества, уравновешивающий ид своим «нет, не делай этого, делай то».

По Фрейду, эго есть функция, связывающая индивидуума с реальностью. В реальности, согласно этой системе, нет ничего метафизического. Имеется в виду реальность эмпирическая: то, что вас окружает, что вы делаете, какого вы размера, сколько вам лет, что люди говорят вам и о вас. Эго представляет собой механизм, связывающий вас с реальностью на основании ваших

собственных заключений — не тех, которые вас *учили* делать, а тех, которые вы *делаете* на самом деле.

Вы можете оценить ситуацию так, как вам следовало бы это сделать, а потом вдруг понять, что на самом деле думаете совсем иначе. На самом деле ваше собственное мнение может оказаться диаметрально противоположным той системе оценок, которую дало вам общество. И только если вам удалось совершить переход к взрослому состоянию ответственности, вы окажетесь способным выносить собственные суждения и пренебрегать мнением общества. Если же вам не удалось по-настоящему преодолеть привязанность к общественному мнению, оно никуда не денется; суждения социума будут снова и снова возвращаться к вам в виде чувства вины.

Восточные традиционные культуры отличаются от западных. Восточные религии требуют отказа от эго. В этой традиции человека учат вести себя в соответствии с социальными идеалами, диктуемыми суперэго. Никакого систематического развития эго в отношении к реальности или к индивидуальной ситуации не происходит.

Нередко, беседуя с кем-нибудь с Востока и задавая вопрос, связанный с *сейчас*, в ответ вы получаете поток всевозможных клише и штампов. И очень сложно будет добиться суждения о состоянии реальности в данный конкретный момент. Поскольку в восточных традициях эго не развивается, невозможно получить от тамошнего человека такую же реакцию, какой мы вправе ожидать от человека западного, от личности, берущей на себя ответственность за собственные суждения. Обратитесь к восточным государственным системам и

почитайте книги законов — например, индийскую «Манавадхармашастру»[62]. Вы не поверите, что там делали с людьми, которые не подчиняются общим правилам! В своем трактате «Искусство войны» Сунь-цзы[63] провозглашает, что за маленькие проступки должно следовать большое наказание — тогда люди не будут совершать больших проступков.

На самом деле в восточных религиях эго отождествляется с ид. Поэтому конфликт индивидуального с общественным превращается в противостояние «я хочу» и «ты должен». Согласно такой точке зрения, все, что собой представляет эго, — это «я хочу». Следовательно, уничтожьте эго. Подобное же послание можно обнаружить и в традиционном библейском учении, битком набитом всевозможными «ты должен, ты должен, ты должен». И восточная, и ортодоксальная иудеохристианская мораль требуют абсолютного послушания и подчинения. А что делать в ситуациях, когда ваша способность к суждению требует сделать нечто такое, что совершенно не вписывается в рамки «ты должен»? Как вы будете себя чувствовать, делая вещи, которых вам делать не полагается? Вот в чем одна из величайших наших проблем.

Как мы уже видели, структура восточного общества закладывалась в иератических городах-государствах бронзового века в Месопотамии и окружающих ее зем-

62 «Манавадхармашастра», или «Законы Ману», — свод законов, созданный в Индии примерно во II в. до н.э. — II в. н.э.; в частности, в них была оформлена кастовая система. — *Примеч. перев.*

63 Сунь-цзы (VI—V вв. до н.э.) — древнекитайский полководец, стратег, теоретик военного искусства, основоположник «школы военной философии», автор древнейшего в мире и главного в Китае военно-философского трактата «Сунь-цзы. Искусство войны». — *Примеч. перев.*

лях. Фундаментальная идея заключалась в том, что небесный порядок должен быть моделью для устройства жизни здесь, на земле. Макрокосм, великий космос, есть космос упорядоченный. Общество — мезокосм по сути своей — стремится к тому, чтобы отражать картину небес; то же самое делает и индивидуум, или микрокосм. Вот она, Великая Гармония.

Мы также отметили, что религиозный образный ряд выполняет определенные функции в рамках мифологической системы: он вселяет чувство священного трепета перед тайной вселенной; он дает картину космоса как такового с его математическим порядком, циклами солнца и луны, лет и эонов; он соотносит жизнь общества с этими циклами; он соотносит жизнь индивидуума с обществом, космосом и тайной жизни. Таковы функции мифологии, и, если они выполняются успешно, вы воспринимаете все — себя, общество, вселенную и скрывающуюся за всем этим тайну — как большое единое целое.

В этом порядке индивид должен исполнять роль, продиктованную ему знатоками порядка, то есть священством. Священники понимают порядок и расшифровывают его модель, поэтому простой человек должен делать то, что они ему велят. Модель на санскрите зовется *дхарма*. Это и есть вселенский порядок. Слово «дхарма» происходит от корня *dhr*, означающего «опора». Порядок есть опора вселенной. Подобно тому как солнце не должно желать стать луной, как мышь не должна желать стать львом, так и человек, рожденный в одной касте, в одной категории общества, не должен желать стать ничем иным. Рождение предопределяет социальную роль человека, его характер, его обязанно-

сти и вообще все в его жизни. В обществе подобного рода образование состоит в том, чтобы получить все навыки, необходимые для правильного исполнения предписанной тебе роли.

Другими словами, то, что Фрейд называл суперэго, или социальным идеалом эго, должно оставаться *единственным* идеалом. Правила на этот счет столь строги, что человека никогда не спрашивают: «Чего ты хочешь?» Ему приказывают; ему предписывают те или иные действия от начала и до конца, регламентируя даже самые интимные моменты жизни, в которые для западного человека совершается внутренний выбор, принимаются глубоко личностные решения, происходят духовные открытия. Все эти моменты перехода строго контролируются: человек нередко даже не знает, на ком женится, — это за него решают другие. Это не вопрос внутренней зрелости, достаточной для принятия самостоятельных решений: право решать принадлежит обществу. Эго полностью списывается со счетов.

Можно было бы обобщить основные религиозные воззрения Востока следующим образом. Подлинная истина, подлинная тайна жизни и бытия носят абсолютно трансцендентный характер. Невозможно дать определение абсолюту. Невозможно изобразить его. Невозможно назвать его по имени. И тем не менее это абсолютное существо, эта абсолютная тайна и есть ваша внутренняя реальность: ты еси то. Абсолют одновременно трансцендентен и имманентен; он пребывает одновременно и за пределами мира, постигаемого человеческими чувствами, и в каждой, самой мелкой его частице. Все, что можно сказать о нем, это... ничего. Все, что можно о нем сказать, лишь *указывает* на него. Все

ритуалы, обряды и другие сакральные действия, таким образом, совершаются в мире человеческого постижения, но указывают далеко за пределы себя, на эту трансцендентную, имманентную силу; ритуалы и символы ведут человека к осознанию собственной идентичности с абсолютом. Суть человека — в этой идентичности с трансцендентным; следовательно, в восточной философии само понятие эго, личности носит вторичный характер.

На Западе господствует диаметрально противоположная идея. Она возникла около 2500 года до н.э. вместе с семитскими империями Саргона и Хаммурапи. Идея, которой мы придерживаемся до сих пор, состоит в том, что бог творит человека. Бог не есть человек, и человек обладает иной природой, нежели бог: они фундаментально, онтологически различны.

Следовательно, все символы работают только при условии, что между человеком и богом есть *отношения*. В ориентальных системах этого нет. Там божества — как и человек — суть лишь манифестации высшего порядка. Порядок же существовал еще до богов. В Индии он носит название *дхарма*; в Китае — *дао*. В ранней Греции его называли *мойра*; в ранней Месопотамии — *ме*. Этот космический порядок математически выстроен и незыблем; даже бог не может ничего в нем изменить. И бог, и человек — его функционеры. Чтобы стать ответственным членом общества, нужно в совершенстве выучить свои должностные обязанности.

Позвольте мне привести в качестве примера классическую индийскую социальную структуру. Давайте рассмотрим через ее призму представления о частной жизни человека и его личностном развитии.

Есть четыре касты или класса: *брахманы, кшатрии, вайшьи* и *шудры.*

Брахман означает «находящийся в контакте с *Брахманом»* — высшей космической силой. Брахман — это не имеющее рода имя существительное, обозначающее силу, которая проницает и объемлет собой весь существующий мир. Брахман же в смысле касты есть тот, кто знает эту истину, возвещает ее миру, пишет и интерпретирует священные книги. Брахман — это глава социального порядка.

Кшатрий служит проводником истинного закона. Он делает то, что велит ему брахман, во всяком случае так должно быть. Кшатрий есть рука закона, вооруженная мечом.

Вайшья — рядовой гражданин или торговец. Слово восходит к корню *vis*, означающему «сосед». Это человек денег, владелец собственности и земли, наниматель и так далее. Он платит налоги и дает работу шудрам. Это тело общества, его нутро.

Шудра — слуга, которому нет места в религиозном порядке. У них свои религиозные наставники и общинные жрецы. Ведический и традиционный индуистский порядки признают только три высшие касты, которые в священных книгах носят название дважды рожденных. Шудры суть ноги общества, несущие на себе все остальное.

Итак, целью восточной социальной системы, как я уже говорил, является нейтрализация эго. Шудра избавляется от эго, делая, что ему говорят. Вайшья избавляется от эго, делая, что ему говорят, платя налоги и содержа семью; его цель — делать деньги. Кшатрий служит обществу, поддерживая закон силой правосудия без

предубеждения и без своекорыстия. Его предназначение — в том, чтобы обеспечивать идеальное соблюдение законов. Брахман ведает и толкует закон.

Из этой системы исключено большинство жителей Индии, составляющих класс париев. Данные переписи, недавно проведенной в бенгальских деревнях, показали, что к париям принадлежат более половины населения этого округа; с точки зрения закона их просто не существует. Им позволяется исполнять лишь самые низкие и грязные социальные функции. Либо же они должны жить в собственных деревнях, вне организованного социального порядка, не имея никакой защиты и никаких гарантий.

Шудры — ремесленники и крестьяне — функционируют внутри общественной структуры. 50% оставшейся половины жителей бенгальских деревень составляли как раз шудры-крестьяне, которым и служили парии. Вы сможете понять всю жесткость подобного социального разделения, если прочитаете один текст из «Манавадхармашастры», или «Законов Ману». Там говорится, что, если шудра услышит, пусть даже случайно, стих из вед, в уши ему следует залить расплавленный свинец. Любопытно, что его казнят за преступление именно таким способом. Ведическое знание обладало невероятным могуществом и имело в своем распоряжении множество средств управления реальностью, как социальных, так и духовных.

В результате даже в наши дни, когда вы читаете лекцию студентам родом с Востока, это производит на западного человека совершенно потрясающее впечатление: они проглатывают все не жуя. В Индии гуру — это человек, чей авторитет абсолютен; *шишья* — ученик —

принимает даруемые ему знания, не задавая никаких вопросов. Главной добродетелью ученика является то, что на санскрите называется *шраддха* — абсолютная вера в учителя.

Гуру принимает на себя полную ответственность за жизнь ученика. Вы живете так, как вам говорит гуру, и тем самым живете его жизнью. Напротив, учитель западного толка просто дает вам информацию, с которой вы вольны делать что хотите, учась на собственном опыте. Я не стану вам говорить — как не станет и любой западный учитель, — что вам делать, когда вы вступили на путь. Пути нет. Сейчас мы с вами находимся в состоянии свободного падения в будущее.

Мы хотим, чтобы студенты развивали свое критическое мышление. Да, некоторых ваших преподавателей сильно раздражают ваш критицизм и независимость суждений — «да ну их к черту, этих студентов»! Но если бы им довелось оказаться в ситуации, когда каждое их слово принимается как откровение, поверьте, очень трудно не подумать: «Боже святый, я, *я*, *Я* есмь закон и пророк его» — и все тому подобное. Это тоже не лучший вариант в плане обучения.

Расскажу вам маленький индийский анекдот про гуру. Однажды ученик опаздывает на встречу с гуру, и тот ему говорит:

— Ты опоздал; в чем дело?

— Я живу на том берегу реки, — отвечает ему ученик. — Река разлилась, и я не смог переправиться там, где всегда это делаю. Там не было ни моста, ни лодки, я никак не мог попасть сюда.

— Ну, сейчас-то ты здесь, — говорит гуру. — Как же тебе это удалось? Ты нашел лодку?

— Нет.

— Вода спала?

— Нет, — отвечает ученик. — Я просто подумал: «Мой гуру есть откровение от бога; он сам — мой бог. Я просто буду медитировать на образ гуру и перейду реку, аки посуху». И тогда я стал призывать имя гуру, и вот я здесь.

«Ого, — подумал гуру, — такого я о себе не знал». Эта мысль настолько захватила его, что он никак не мог выкинуть ее из головы.

Когда ученик наконец ушел, гуру решил: «Я должен это попробовать». Он отправился к реке, огляделся вокруг, чтобы убедиться, что за его экспериментами никто не наблюдает, и принялся твердить: «Я, я, я...»

После чего ступил на воду — и пошел ко дну, аки камень.

Единственное основание для его статуса гуру заключалось в том, что его самого, так сказать, при этом не присутствовало. Он был проницаем для трансцендентного, пока не стал думать о себе. Гуру должен оставаться совершенно прозрачным, как стекло, сквозь которое сияет свет учения. Мудрость, струящаяся через гуру, насчитывает века; она не принадлежит ни здесь и сейчас, ни тому человеку, который служит ее проводником.

Дхарма определяет не только кто вы такой, но и как вы должны прожить каждую фазу своей жизни. Первая из них проходит в деревне. В середине жизни человеку предписывается оставить мир, после чего начинается вторая половина его земного пути, которую необходимо провести в лесу. Так индийцам удавалось сочетать вещи, совершенно несочетаемые для нас в рамках нашего социума. Они нашли способ объединить идею со-

циального долга — дхармы — с идеей эскапизма, отказа от мира, который называется *мокша*, или освобождение.

Каждая из этих двух половин жизни, в свою очередь, также делится на две. Первая четверть жизненного пути посвящается ученичеству и постижению путей дхармы.

Для ученика в Индии идеальным модусом поведения является шраддха, то есть абсолютная вера в учителя и беспрекословное подчинение ему. Через это совершенное подчинение ученик сосредоточивает всю силу своего либидо, своего эротического влечения, на учителе. Он должен идентифицироваться с ним до кончиков пальцев. Он должен подражать учителю, быть таким же, как он, *быть им*. В результате получается передача образа без развития собственной индивидуальности и каких бы то ни было критических способностей.

Переходя от отрочества к взрослости, вы оказываетесь во второй четверти жизни. Ученик становится хозяином и домовладельцем. Теперь он одевается по-другому и имеет совершенно другой набор обязанностей. Внезапно он оказывается женатым на юной девочке, которой никогда раньше не видел, которая никогда раньше не видела его и с которой они совершенно друг друга не знают. Можно предположить, что кризис не за горами. Он наступает, когда между двоими рушится стена и они наконец-то видят друг друга как они есть. Для девушки этот момент чреват потрясением, поскольку этот мужчина есть в прямом и буквальном смысле ее бог и она должна ему поклоняться.

Они исполняют свой долг. Прежде чем постареть, они должны сыграть пьесу под названием «семья».

Годам к сорока пяти у мужчины уже есть сын, достаточно взрослый, чтобы взять на себя заботы о хозяйстве. Отец завершил исполнение своих социальных обязанностей; теперь он может удалиться в лес.

Всю первую половину деревенской жизни человек делал, что ему полагалось, но зерно эго в его личности никуда не девалось. Теперь он получает возможность полностью отдаться борьбе с эго и окончательно избавиться от него. В лесу он обретает второго учителя; он становится *ванапрастхой* — стоящим в лесу. Йога — а теперь это настоящая, жесткая йога — направлена на то, чтобы ликвидировать все, что еще могло остаться от эго.

Когда эго окончательно растворяется, приходит последняя четверть жизни. Человек становится *бхикшу*, странствующим монахом, провозвестником мудрости небытия, несуществования, жизни без эго.

У индийцев есть четыре цели, ради которых живет человек; они составляют основную тему индийской философии. Три из них принадлежат миру деревни: это праведность, или *дхарма*, достижения, или *артха*, и наслаждение, или *кама*. Это цели нашего бытия в миру.

Когда человек уходит в лес, он взыскует *мокши*, или освобождения. Это слово часто небрежно переводят как «свобода», однако это не та свобода, что кажется на первый взгляд. Она подразумевает полное освобождение от эго.

Дхарма налагается обществом; именно общество сообщает человеку, в чем состоит его дхарма. Считается, что если вы пришли в мир, скажем, как вайшья, то, значит, ваша душа достигла уровня развития вайшьи, и, следовательно, правильными для вас будут

ритуалы и законы жизни касты вайшьев. Таким образом, законы общества в точности соответствуют вашим глубинным потребностям, вашей внутренней готовности.

Одно из направлений йоги — кундалини-йога — развивает идею о взаимосвязанности камы — принципа удовольствия и артхи — принципа силы. Мне это кажется захватывающе интересным. Эти два движущих импульса — кама и артха — в точности соответствуют двум компонентам нашего старого доброго ид: *эросу* — стремлению испытывать удовольствие и *танатосу* — стремлению пройти все испытания, получить силу и добиться успеха[64].

Главная идея здесь в том, что кама и артха — сущность природы, в то время как дхарма — сущность общества. Функция индивидуума — в том, чтобы получить силу и удовольствие, не выходя за рамки общественных установлений. Окончательная же реализация духовного предназначения происходит в лесу, где человек навсегда прощается с эго, согласно учению, переданному ему его гуру. Такова система, которая во многом контрастирует с естественным, по моему мнению, для западной цивилизации путем развития и совершенствования эго.

Меня совершенно захватил тот факт, что независимо от индийской философской системы наша западная психология выработала весьма сходные представления о силе и удовольствии. Однако там, где индийская традиция напрямую уравновешивает эти два начала соци-

64 Танатос традиционно определяется не только как присущий человеку инстинкт влечения к смерти, но и как агрессия, то есть, в частности, как стремление к преодолению и достижению цели. — *Примеч. перев.*

альным порядком, или дхармой, Фрейд вводит посредника — эго, которое примиряет внутренние желания ид и внешние требования суперэго.

Осталось сказать еще одно. Ранний период человеческой жизни Фрейд разделяет на три стадии. Первая — раннее детство, во время которого ребенок получает полный набор первичных потрясений. Она длится примерно с четырех и до семи лет.

Далее следует так называемый латентный период, во время которого происходит развитие эго. Он продолжается с семи-восьми и до одиннадцати лет.

Следующий период — половое созревание и формирование генитальной сексуальности. В это время ребенок отходит от того, что можно было бы назвать инфантильной мифологией, — от подчинения родителям, от веры в то, что луна следует за ним, когда он идет, что животные умеют разговаривать, и от всех прочих спонтанных детских фантазий. Именно в этот период — который мы именуем подростковым — человек обращается к эмпирической реальности и — в нашей культуре — к науке. И именно в этот период он постепенно осознает научный способ мировосприятия в противовес мифологическому.

Первобытные сообщества, равно как и восточная цивилизация в целом, придерживаются мифологического способа. Эти культуры поощряют ребенка воспринимать мир через мифологические паттерны. Годы отрочества — критический возраст для человека любого сообщества, но в традиционном восточном обществе они не приводят к формированию научного сознания, обладающего развитым критическим восприятием реальности и своих действий на каждом отдельно взятом уровне.

На Западе мы, напротив, поощряем именно научное сознание. Символы прошлого лежат обломками у наших ног.

Есть один очень важный момент касательно религиозных традиций. Будет ли их обрядовая сторона работать, если у нас нет никакой связи с породившим ее мифом, или нет? Возьмем, например, крещение. Я помню, что во времена моей юности некий убийца принял крещение непосредственно на смертном одре. Считается, что это полностью очищает душу и вы немедленно отправляетесь в рай.

Я вовсе не хочу судить душу этого человека, но намерен осудить традицию, которая это утверждает: стоит окропить его водой и произнести определенную формулу, как с ним произойдет нечто, недоступное нашему пониманию, и он окажется достойным Царства Божьего.

Мне думается, что это одна из главных проблем современного религиозного сознания; многие ли способны принять на веру эту догму? Символы живой религиозной традиции должны быть неотъемлемой частью жизни; человек, живущий в ее рамках, должен знать, что под ними подразумевается.

Однако у религиозных символов есть определенные аспекты, которые прекрасно работают, даже не получив достаточного развития в теологической части. Я думаю, что символ распятого героя работает в любом случае. Этот мотив встречается во множестве религиозных традиций — у индейцев пауни, у ацтеков, у майя... Его можно обнаружить в мифе о Прометее, прикованном к скале. Это герой, который из любви к людям принес им великий дар (будь то дар огня, дар искупления или что

бы то ни было другое) и ради этой высокой цели самоотверженно отдал свою жизнь.

Эта история попадает в самое яблочко. Достаточно самого поверхностного знакомства с этим сюжетом, чтобы он заработал для вас; нет никакой нужды вникать в тонкости взаимоотношений между Отцом, Сыном и Святым Духом — по сравнению с силой мифа все это довольно вторично. Чувство огромной благодарности по отношению к существу, которое вольно или невольно отдало свою жизнь ради вашей, ради того, чтобы стать вашим хлебом и вином — физическим или духовным, — это невероятно могущественная и значительная тема в мировой культуре. Для героя выход на битву, в которой он отдаст свою жизнь за счастье родной земли, — это подвиг, равноценный преданию себя на распятие. И я думаю, что образы, подобные этому, до сих пор в силах пробудить в каждом из нас самые благородные, величественные и героические стороны души.

Глава четвертая. Миф и человеческое «я»[65]

Юнг и психологические типы

Я уже мельком упоминал имя Карла Густава Юнга, но теперь настало время рассмотреть его теорию более подробно. В кругах фрейдистских психоаналитиков часто можно услышать, что Юнг был учеником Фрейда. Это утверждение совершенно ошибочно. Они были коллегами, и их интересовали абсолютно разные процессы, протекающие в человеческом подсознании.

В двух словах: Фрейд в качестве основного фактора, детерминирующего психологию, видел секс. Отношения детей с родителями, воплощаемые прежде всего в эротическом влечении к матери и в страхе перед отцом, а потом переносимые на индивидуумов примерно своего возраста и так далее, — эти сексуальные драмы Фрейд считал главной движущей силой человеческого поведения.

65 Эта глава и следующая за ней основаны на материалах единиц хранения L441, L468 — L472 и L483. См. примечание 62. — *Примеч. издателя.*

Среди психологов первый вызов теории Фрейда бросил отнюдь не Юнг, а Альфред Адлер. Адлер заявил, что главным стимулом для человека является не секс, но воля к власти. Только представьте себе: по отношению к своим родителям маленький ребенок находится в крайне невыгодном положении. Он находится во власти двух всесильных гигантов, но и свои собственные цели преследовать как-то надо; и вот малышу приходится учиться очаровывать или запугивать родителей и прочих взрослых или каким-то другим способом добиваться от них того, что ему нужно.

Все дети без исключения первоначально занимают подчиненную позицию, но представьте себе, что произойдет с ребенком, если он так и не избавится от ощущения собственной неполноценности и неуместности. Или, предположим, у него имеется «некая органическая неполноценность», как называл это Адлер. Возможно, с физической или поведенческой точки зрения он принадлежит к типу, не слишком часто встречающемуся в данном окружении, что, к лучшему или к худшему, превращает его в аутсайдера и делает центром всеобщего внимания. Или другой случай — родители были настолько брутальны, что ребенку вообще не удавалось заявить о собственных нуждах. В результате у него возникает естественное стремление к компенсации и, возможно, даже к мести, что неизбежно ведет, по Адлеру, к комплексу неполноценности. Адлер полагал, что стремление преодолеть чувство собственной неадекватности является одним из основополагающих в человеческой психике и что именно оно, а вовсе не сексуальный импульс, управляет всеми человеческими действиями. Разумеется, Адлер считал, что секс сам по

себе представляет поле для повышения самооценки — и, следовательно, поле вечных ристаний. Другими словами, он представлял саму сексуальную активность как отражение борьбы за власть.

Здесь на сцене появился Юнг. Он заявил, что в человеческой психике присутствует некая глубинная фундаментальная энергия, которая проявляет себя как в сексе, так и в воле к власти. Стремление к тому и другому Юнг именовал *личностными установками*.

У некоторых людей — по всей вероятности, вследствие особенностей детских взаимоотношений — акцент делается на достижение личной власти, а сексуальная жизнь занимает второе по важности положение. Такого человека, ориентированного прежде всего на власть и задающегося вопросом: «Как я себя ощущаю? Что я делаю?», Юнг называл *интровертом*. Он вкладывал в это слово смысл, несколько отличный от того, к которому мы привыкли. Юнг определял интроверта как человека, ориентированного на власть и стремящегося воплотить в реальность свои собственные внутренние представления о том, как все должно быть.

Человек, ориентированный на секс, напротив, обращен вовне. Влюбленность для него означает потерю себя, растворение в другом человеке. Такого человека Юнг называл *экстравертом*. Однако он считал, что в каждом индивидууме присутствуют обе эти составляющие с акцентом в ту или иную сторону. Если у вас 60% акцентуации идет в сторону власти, или танатоса, то на эрос остается только 40%.

Когда вы попадаете в ситуацию, в которой обычная ориентация не работает, где она не в силах помочь вам справиться с возникающими проблемами, вас автома-

тически отбрасывает во второй модус восприятия. Тогда в работу вступает подчиненная функция. Основная характеристика подчиненной функции — компульсивность: вы не в силах контролировать себя, голос начинает срываться, вы краснеете, злитесь и так далее. Вы теряете власть над собой, и она переходит к подчиненной функции, которая несколько более примитивна, чем развитая часть личности.

Для этой инверсии Юнг использует замечательный термин: он называет ее *энантиодромией*. Как вы, несомненно, знаете из курса греческого языка, *dromia* означает «бежать»: ипподром — это место, где бегают *hippos*, то есть лошади, а дромадер — это беговой одногорбый верблюд. *Enantio* — значит «в другом направлении». То есть вместе эти два корня дают «бег в обратном направлении», или обращение в свою противоположность.

Любопытно, что для периода средних лет жизни нередко характерна острая энантиодромия. Допустим, вы были человеком дела: у вас есть все, вы достигли всего, чего только хотели достичь, или, по крайней мере, здравый смысл вовремя позволил понять, что цели не стоили средств.

И вдруг все меняется. У вас есть свободное либидо; куда же его можно направить? Правильно, оно идет налево. Папочка принимается глазеть на молоденьких девочек, а все окружающие — задаваться вопросом: «И что это случилось с нашим папой?» Это совершенно нормальное явление, сопровождающее кризис среднего возраста. Джентльмен достиг в этой жизни всего, чего только можно было достичь, причем у него с детства в сознании живет образ: «Вот выйду на пенсию и буду рыбачить день-деньской». Да, он хочет именно

этого, потому что был влюблен в рыбалку в одиннадцать лет, когда последний раз делал то, что ему хотелось. И вот перед нами Папочка и его русалки, о которых мы с вами уже говорили.

В качестве примера обратной инверсии — от секса к стремлению к власти — можно взять женщину, которая была матерью семейства. Возможно, у нее было в жизни несколько любовников, но теперь остались только внуки и воспоминания о танцах и записочках. И вот она превращается во властное чудовище — в тещу из анекдотов, о которой мы тоже уже говорили. Дети, которых она вырастила и воспитала, начинают разлетаться. На нее обрушивается чувство потери, ощущение недостатка силы. Она судорожно хватается за власть и командует, чтобы они то закрыли окно, то открыли, то положили ребенка в ванночку, то вынули из нее, — сделай это, сделай то, да побыстрее! Конечно, все это носит совершенно компульсивный характер. Когда на поверхность поднимается ваша вторая, скрытая сторона, — это фантастическое и пугающее зрелище.

Разумеется, я несколько сгустил краски, чтобы резче выявить типологические различия. Но даже если так, все рано или поздно сталкиваются с кризисом такого рода. Проблема в том, будете ли вы готовы принять и интегрировать вторую, скрытую составляющую собственной личности, когда наступит энантиодромия?

Самой главной проблемой кризиса среднего возраста Юнг называл необходимость интеграции — объединения двух сторон личности в рамках индивидуального жизненного опыта. Весь юнговский подход к психологии основывается именно на взаимодействии этих двух составляющих.

Напомню, Фрейд исследовал в основном желание и запрет через призму взаимоотношений между психологическим и социологическим. Юнг же полагал, что противоречие скрыто внутри человеческой психики, а это неизбежно означает следующее: усиление одной стороны всегда происходит за счет ослабления другой. В вагнеровском «Кольце Нибелунга» карлик Альберих получает кольцо могущества, отвергнув пытающихся прельстить его дев Рейна, — перед нами индивидуум, охотящийся за силой. Другой на его месте, возможно, сказал бы: «Да ну, я не хочу творить историю; давайте-ка лучше творить любовь». Но когда-нибудь, через много лет, ему обязательно придет в голову, что он что-то в жизни упустил, и ему страстно захочется творить историю. Самое ужасное в энантиодромии — то, что ее всегда эхом сопровождает рефрен: «о, поздно, поздно!» — и прошлые решения кажутся фатальными и катастрофическими.

Однако понятиями секса и силы человек, разумеется, не исчерпывается.

В качестве управителей души Юнг выводил четыре *функции*, которые делятся на две пары противоположностей.

Первую из этих пар, по Юнгу, составляют *мышление* и *чувство*. Есть два способа анализировать то, что происходит вокруг вас. Можно оценивать вещи по тому, как они чувствуются; в таком случае вы становитесь счастливым обладателем высокоразвитой и дифференцированной чувствительности. Вы будете тонко чувствовать искусство и всевозможные оттенки смысла, наслаждаясь всем богатством бытия. С другой стороны, можно оценивать происходящее с позиций мыслительных категоризаций: правильно — неправильно, подходит — не подходит, ра-

зумно — неразумно и так далее. Если принимать решения, основываясь только на одной из двух функций, вторая останется относительно неразвитой.

Опыт наблюдения за западной культурой привел Юнга к выводу (который вполне может оказаться неверным в отношении других культур), что общество требует от мужчин развития прежде всего интеллектуальной, мыслительной функции, в то время как от женщин — функции чувствования.

Разумеется, та функция, которая занимает второе место, становится подчиненной. Подчиненное мышление, например, превращается в «просто мнение». «Что спорить с женщиной!» — говорили еще не так давно. Конечно, что спорить с женщиной, чье восприятие развивалось прежде всего по линии чувства?! Ее решения исходят не из логических посылок, а из эмоций, а система представлений о мире основывается на чувствах, а не на осмыслении того, что происходит вокруг. Если бы молодому человеку того времени стали бы толковать что-нибудь про зрелость и утонченность «чувствующего существа», сидящего через стол напротив него, он был бы крайне удивлен[66].

Подчиненное чувство выражается в форме сентиментальности. Что это такое, нам всем хорошо известно. Вкусы человека жестокого или того, кто посвятил свою жизнь целиком и полностью науке, отринув самую мысль о чувствах, крайне неразвиты. Когда дело доходит до вкусов и мнений, книги, музыкальные про-

66 Кэмпбелл говорит об укоренившемся в западной культуре восприятии полов и разницы между ними. Для более подробного ознакомления с его мыслями по поводу гендерных различий см. «Диалоги». — *Примеч. издателя.*

изведения и театральные пьесы, которые ему нравятся, оказываются поверхностными и банальными. Принимать их всерьез просто невозможно.

Развитие и образование строятся на диалоге между этими двумя функциями. Подчиненная функция — не важно, мышление или чувство, — остается в сфере бессознательного. Поднимается на поверхность она исключительно компульсивно, и потому спорить с ней бесполезно. Итак, перед нами две стороны одной медали, которые так или иначе обе нуждаются в развитии; одна при этом все равно будет доминирующей, а другая — подчиненной. Это работает точно так же, как равновесие между сексом и властью, но само по себе представляет совершенно иное явление; в контексте нашего исследования секс и власть рассматриваться не будут.

Вторая диада характеризует два способа получения опыта: Юнг называет их ощущением (не путайте с чувством) и интуицией (тоже не путайте с чувством). Вот мы с вами сейчас сидим в комнате, бомбардируемые зрительными, слуховыми, вкусовыми, обонятельными и всякими прочими ощущениями. Все это приходит к нам посредством ощущений; именно ощущения связывают нас с окружающим пространством.

Вот в комнату входит студент. Вы автоматически пытаетесь определить его способности, понять, зачем он сюда пришел и что намерен делать. Это интуиция. Интуиция — главный талант политика. Это чувство времени, ощущение возможного. Интуитивный человек видит прошлое и будущее как простирающиеся в бесконечность цепочки вероятностей.

И снова одна функция будет доминирующей, а вторая — подчиненной. Если вы все время живете в сфе-

ре потенциального — то есть в интуитивной реальности, — то, следовательно, вы не находитесь в контакте со сферой актуального, то есть с чувственной реальностью. И, разумеется, наоборот. И снова в какой-то момент жизни подчиненная функция выходит на первый план — и нормальная жизнь летит в тартарары.

Вместо того чтобы, когда подкрадется кризис среднего возраста, удаляться в лес и захлопывать дверь в проклятую прежнюю жизнь, как это делают в Индии, Юнг провозглашает типично западный метод перехода от взрослой ответственности к старости — достижение целостности, или *индивидуацию*. Эта идея пришла к нам из Греции. Юнг считал, что все эти противоборствующие функции — секс и власть, мышление и чувство, интуицию и ощущение — нужно уравновесить, чтобы избежать энантиодромии в период кризиса середины жизни. Ребенок начинает свою жизнь целостным существом, но затем одни функции развиваются больше, чем другие, и все свои зрелые годы, отданные социуму и работе, вам суждено провести уполовиненным, чтобы лишь в старости снова обрести давно утраченную целостность. Для того чтобы сохранить чувство, пока вы работаете на мышлении, требуется что-то вроде курсов повышения психологической квалификации для взрослых.

Архетипы коллективного бессознательного

Данные полярности — две установки и четыре функции — относятся к сфере внутренней, психологической динамики. Они струятся сквозь нашу психику, подоб-

но океанским течениям. Кроме того, Юнг обнаружил внутри человеческой психики определенные фиксированные структуры, которые, однако же, не являются выученными фрейдовскими интроекциями. С точки зрения Юнга, они находятся там с самого рождения. Они развиваются как часть человеческого сознания, точно так же, как развивается глаз или рука. И подобно тому, как у всех нас есть и глаза, и руки, эти структуры являются общими для всех людей. Юнг называл их *архетипами коллективного бессознательного*. Под *коллективным* он не имел в виду ничего метафизического, но лишь то, что их разделяют все существа нашего вида. Первую из этих структур Юнг называл *самостью*. Для Юнга самость охватывает все возможности нашей жизни, все ее энергии и потенции — все, чем вы способны стать. Если бы вы обрели полную самореализацию и достигли всех своих целей, это была бы тотальная самость.

Юнг рассматривает психику индивидуума как единое целое. Самость для него являет собой символический круг, центр которого нам неизвестен. Этот центр скрыт глубоко в бессознательном, и именно оттуда происходят все наши инстинкты и способности. В течение первой половины жизни он постепенно пробуждается и так же постепенно засыпает на протяжении второй. Он живет своей жизнью внутри вас, и контролировать этот процесс вы не в состоянии.

Далее, самость имеет выход на природу и вселенную, ибо является по сути своей частью природы. Но каждый отдельно взятый организм имеет свои возможности и свои ограничения, что диктует определенный способ восприятия той великой реальности, того великого

сознания, инструментом которого вы являетесь. Таким образом, ваша самость будет особенной и неповторимой, но в то же время лишь частной флексией некоей общей модели; и ту самую неизреченную тайну бытия вы будете воспринимать и постигать своим особенным, индивидуальным способом. В детстве вы действуете почти исключительно повинуясь велениям самости. Это работает ваша инстинктивная, чисто биологическая природа.

Молодые девушки в подростковом возрасте — а мне довелось учить их в колледже Сары Лоуренс в течение тридцати восьми лет — полностью поглощены тем, какое чудо они собой являют. Они еще ничего для этого не *сделали*, но каждый раз, глядя в зеркало, видят нечто удивительное и прекрасное, что произошло с ними само собой и что по странному стечению обстоятельств носит их имя. Вот то, о чем мы с вами говорим. Вот он, цветок самости во всей своей красе. И их маленькое сознание несется, подхваченное течением, как кораблик на гребне океанской волны.

Когда же вы начинаете осознавать свою самость, наступает черед эго появиться на свет. Согласно представлениям Юнга, эго — это ваша сознательная идентификация со своим телом, с накопленным им жизненным опытом, с его переживаниями и воспоминаниями. Воспоминания и переживания, ограниченные этим телом и идентифицируемые в пределах его временной целостности, которую вы осознаете и в которой отдаете себе отчет, — вот что такое эго.

К тому времени, как вы научитесь ходить и говорить, читать, писать и водить машину, у вас накапливается довольно много так и неосознанных желаний, а по-

скольку вы не осуществили их или не потрудились направить на них луч разума, они погрузились в самую глубь самости, то есть в бессознательное. Самость представляет собой всю совокупность возможностей. Эго же есть ваше осознание своей самости — того, кем и чем вы являетесь и на что способны. И все эти бессознательно хранимые воспоминания о запретах, неспособности и бессилии блокируют его и не дают нормально развиваться.

Итак, вот она, заря сознания; его пробуждение можно видеть у маленького ребенка, который только начинает осознавать себя как эго. Самость и эго — не одно и то же. Эго есть центр сознания и только; оно включает ваше осознание себя и окружающего мира.

Если у вашего эго есть некий план и вы вдруг совершаете какой-нибудь нелепый промах, который его нарушает, это воспринимается, как если бы кто-то посторонний вмешался и нарушил ваши намерения. На самом деле вы сами себе мешаете; вы просто о чем-то забыли. У Фрейда затруднений с этим не возникло; такое полунамеренное забывание до сих пор носит названий «оговорки по Фрейду». Вы бессознательно пытаетесь не дать себе сделать то, что вам только кажется, будто вы хотите сделать. Говорит другая часть вас. Слова идут из бессознательной части самости. Самость есть полная совокупность, и если представить последнюю как круг, то его центр и будет центром самости. Однако сознательный план находится выше центра, а эго — еще выше сознательного плана, так что некоторые аспекты самости неизбежно оказываются ниже порога сознательного восприятия и, следовательно, вне вашего понимания. И они находятся в перманентном контакте с эго.

У Юнга было несколько иное определение эго, нежели у Фрейда, хотя они и взаимосвязаны. У Юнга эго — это ваше представление о себе. Оно определяет центр вашего сознания и связывает вас с миром; это то «я», которое действует в окружающем вас мире.

Однако с бессознательной частью самости оно контакта не имеет. В обычных обстоятельствах эго пребывает над линией сознания. Представьте, что вы ведете машину: вы за рулем и едете по левой стороне дороги, даже не осознавая, что у нее есть какая-то другая сторона. На самом деле вам даже невдомек, что вы движетесь по какой-то там полосе, потому что уверены, будто едете посередине. По Юнгу, большинство людей именно так и проводят свою жизнь. Они думают, что эго — это они и есть. В соответствии с этим они ведут машину по встречной полосе, удивляясь, почему это под колеса все время попадают какие-то люди. Как же можно заставить себя увидеть эту другую сторону? Посадить рядом друга и организовать ему альтернативный руль? Сделать руль посередине? Нет! Нужно просто знать, что где находится; нужно научиться видеть в трех измерениях, используя принцип параллакса.

Итак, у нас есть самость, или, так сказать, полная потенциальность. У нас есть эго, формирующееся постепенно в течение всего периода взросления и приводящее к более или менее устойчивому представлению о себе. Пока структура эго не устоится, переживания, с которыми оно не в силах справиться, представляют чрезвычайную опасность. Оно может просто взлететь на воздух, что лишит вас привязки к реальности, осуществлявшейся его силами. В результате вы оказывае-

тесь в состоянии, характерном для шизофрении. Так что для всех будет лучше, если эго останется в игре.

Сейчас ведется очень много разговоров о так называемом отсутствии эго — в особенности эта идея популярна на Востоке. Люди пытаются избавиться от единственного фактора, который позволяет им нормально функционировать. Кто-то должен быть там, в голове, иначе вы просто не сможете ориентироваться в окружающей реальности. Самость — это большой корабль, а эго — его малютка-капитан.

Когда ребенок достаточно вырастает, семья сообщает ему, что он принадлежит к определенному социальному кругу и должен вести себя так, как в нем принято. Затем он отправляется в школу и обнаруживает, что перед ним открываются те или иные пути — как в жизни, так и в карьере. Узлы постепенно затягиваются. Иными словами, особенности общества, в котором вы живете, постепенно вынуждают вас занять определенное положение, надеть определенный костюм.

Есть набор навыков, которыми должно овладеть эго, чтобы нормально функционировать в том или ином обществе. Нет никакого смысла учиться жить в обществе, которого не существует или которое находится по ту сторону железного занавеса. У вас есть только одно общество — то, в котором мы имеем счастье пребывать прямо сейчас, друзья мои.

И первая же проблема, с которой сталкивается ребенок на достаточно раннем этапе жизни, — как научиться жить в этом обществе, пребывая в контакте с объективной реальностью и ориентируясь на его текущие приоритеты и ценности. Критические способности могут и подождать; первое, чему вам предстоит на-

учиться, — это функционировать в предлагаемых обстоятельствах, здесь и сейчас. В этом и заключается главная задача детства и юности: необходимо встретиться лицом к лицу со всеми ужасами, требованиями и ограничениями мира и ассимилировать их. Если на раннем этапе жизни вам удастся избежать этих проблем, это значит только, что вам придется встретиться с ними позднее или прятаться от них всю оставшуюся жизнь, лишь частично реализовав себя и так никогда и не узнав, что такое настоящая большая игра.

У общества припасен для нас набор определенных ролей. Мы принимаем на себя эти роли, подобно тому как актер надевает тот или иной сценический костюм. Общество запечатлевает в нашей душе свои идеалы, рядит нас в платье адекватного и приемлемого поведения. Юнг называет это *персонами*. Слово *persona* на латыни означает маску, которую актер надевает во время представления.

Предположим, вы преподаватель; приходя в школу, вы надеваете маску учителя, и потому вы — Учитель. А потом вы идете домой и продолжаете думать, что вы — Учитель, а не просто парень, который работает в школе. Как вы думаете, кто-нибудь захочет с вами общаться?

Иногда в старших классах какой-нибудь паренек играет роль Гамлета в театральном кружке, и какая-нибудь тетушка говорит, что он был великолепен. И вот с тех пор он — Гамлет. Юноша отождествляется с ролью.

А другие люди, подчас к величайшему собственному удивлению, обнаруживают себя в роли чиновников. Они — чиновники в офисе. Они — чиновники у себя дома. Они — чиновники, даже когда отправляются спать, что не может не разочаровывать супругов.

Маску нужно оставлять в гримерной или в гардеробе, там ей место. Необходимо понимать, в какой пьесе вы играете в каждый момент времени. Нужно уметь отделять свое ощущение себя — или эго — от того «я», которое вы показываете всему остальному миру — то есть персоны.

Первый очаг напряжения в вашей психике — между темными глубинами бессознательной части «я», с одной стороны, и системой требований персоны — с другой. Эго учится понимать тех и других и пытается их примирить.

С точки зрения Юнга, одной из главных опасностей является идентификация с персоной. В противоположность тем целям образования, что провозглашаются на Востоке, Юнг настаивает, что эго обязательно должно отделиться от своей социальной роли.

На Востоке подобной концепции не существует. Как в свое время объяснил Фрейд, эго представляет собой функцию, при помощи которой мы вступаем в контакт с эмпирической действительностью мира, в котором живем; то есть это функция реальности. И именно развитое эго позволяет нам разработать собственную систему ценностей. Ваши суждения, ваши критические способности и все остальное суть функции вашего эго. На Востоке от человека, напротив, ожидается, что он не станет развивать критические способности, не станет искать собственный взгляд на мир, но примет без разговоров то, чему научил его гуру, и станет безропотно носить выданную ему обществом маску. Это закон рождения, закон кармы. Вы рождаетесь в том положении, которое будет для вас единственно правильным, а общество обеспечит маской для постоянного ношения.

И с тем и с другим нужно идентифицироваться целиком и полностью, отсекая все творческие импульсы.

В традиционных обществах Индии, Китая, Японии вы и ваша роль — одно. Соль в том, чтобы дать этой роли самое совершенное воплощение, будь вы нищенствующий монах или безутешная вдова, бросающаяся в огонь вслед за ушедшим супругом, — вы должны стать тем, чем вы должны стать.

Юнг же предостерегает: вы должны играть свою роль, помня о том, что это *не вы*. Это совершенно противоположная точка зрения. Для этого требуется индивидуация, отделение эго, то есть образа самого себя, от социальной роли. Это вовсе не означает, что не нужно играть социальные роли; просто, кем бы вы ни выбрали стать в жизни — от полицейского до преступника, — вы всего лишь играете роль и не стоит принимать ее слишком уж всерьез. Персона — только маска, которую вы надеваете, чтобы принять участие в игре.

Как менять роли, лучше всего знают наши западные женщины. Они надевают другое платье и оказываются совершенно другой личностью. Моя жена — она танцовщица — большой мастер по этой части. Зимой, когда идет снег, она, как правило, сильно мерзнет. Но когда посреди декабря она одевается в какое-нибудь элегантное неглиже и в таком виде отправляется на вечеринку, то почему-то совершенно не дрожит. Она уже вся там; ее личность полностью ушла в предстоящую роль — et voila[67].

Более того, персона — явление комплексное и включает также и ваши моральные принципы. Этика и со-

67 Здесь — и пожалуйста (фр.). — *Примеч. перев.*

циальные ценности являются неотъемлемой частью структуры персоны, и Юнг полагает, что и к ним тоже нужно относиться легче. Вспомните, Адам и Ева пали, когда узнали разницу между добром и злом. Значит, путь назад, в рай, в том, чтобы *не знать* разницы. Урок, казалось бы, очевиден, но его не так уж часто услышишь с церковной кафедры. А ведь Христос говорил своим ученикам: «Не судите, и не судимы будете»[68]. Вы судите исходя из содержания своей персоны и будете судимы по ее же понятиям. Пока вы не научитесь видеть за пределами местечковых понятий то, что такое хорошо и что такое плохо, вам не стать полноценным человеком. До тех пор вы — всего лишь часть социального порядка.

Итак, у нас есть самость со всеми ее потенциалами и возможностями. У нас есть постепенно растущее осознание эго, с которым вы отождествляетесь и которое развивается в непосредственной связи с надеваемыми костюмами, то есть с персоной. Очень хорошо иметь в гардеробе много костюмов — пока все они отвечают требованиям вашей совести. Моральный порядок — всегда часть персоны.

В вас есть много такого, что, с одной стороны, не вписывается в систему персоны, а с другой — не является и частью эго, то есть того, что вы воспринимаете как свое «я». В недрах бессознательного скрыта противоположность эго, которую Юнг называл *тенью.*

Общество дает вам роль, которую нужно играть, а это значит, что вам приходится исключить из своей жизни многое из того, что вы могли бы делать или думать, бу-

68 Мф., 7:1. — *Примеч. издателя.*

дучи разносторонне развитой личностью. Все эти несбывшиеся возможности складируются в бессознательном. Общество говорит вам: «Делай то, делай это», — но оно также говорит: «Не делай вон того, а вот об этом и думать забудь». И вот все то, что вам хотелось бы сделать, но чего как-то не принято хотеть приличным людям, тоже отправляется в индивидуальное бессознательное. Оно-то и формирует его ядро.

Тень — это, так сказать, мертвая зона вашей натуры. Это то, на что в себе вам смотреть не хочется. Это аналог фрейдовского бессознательного, ваши подавленные воспоминания и то, от чего вы в себе отказались.

Тень — это то, чем вы могли бы стать, если бы родились по другую сторону реальности, если бы у вас была другая личность, другое «я». Она состоит из тех желаний и мыслей, которые вы в себе подавляете, — то есть из материала интроецированного ид. Тень — это мусорная свалка самости, но это и подвал с сокровищами, ибо там же хранятся и великие нереализованные возможности.

Тень — такая же часть вашей натуры, как и эго. Это оборотная, темная сторона светлой половины души. В мифах тень обычно является в виде чудовища или дракона, которого надо победить. Это создание мрака, поднимающееся из бездны и угрожающее тому, кто дерзнет обратиться к своему бессознательному. Оно настолько ужасно, что вы теряете всякое желание продолжать спуск во тьму. Оно приходит из глубин. Кто таится там, внизу? Кто там рыщет? Все это крайне таинственно и пугающе.

Если ваша личная роль слишком узка и ограниченна — если слишком многое оказалось похороненным в

царстве тени, — вы просто иссохнете. Большая часть жизненной энергии находится вне пределов досягаемости, и огромное ее количество копится в глубинах бессознательного. В один прекрасный момент энантиодромия поразит вас из-за угла, и тогда непризнанный демон, о котором вы предпочли позабыть, с ревом вырвется на свет дня.

Тень — это та часть вас, с которой вы незнакомы. Однако окружающие ее видят, и именно по этой причине некоторые так вас не любят. Тень и есть вы — такой, каким вы могли бы быть; это та часть вас, которая могла бы занять место в структуре личности, если бы вы позволили себе реализовать свой непринятый потенциал.

Общество, конечно же, не готово принять и признать эти аспекты вашего «я». Не готовы к этому и вы: вы просто не в курсе, что они имеют место быть или что вы их подавляете.

Если представить себе человеческую самость как большой круг и предположить, что сознание пребывает над его центром, то эго будет находиться в самом центре сознания, а тень — на таком же расстоянии внизу, в глубинах бессознательного. Тому, что тень погребена так глубоко, есть свои причины: это тот аспект вашего «я», о котором эго не знает и который не соответствует тому, каким вы хотите себя видеть. Тень — это то, чему вы не позволяете подниматься на поверхность, и она включает как хорошие — я имею в виду эффективные, — так и опасные и откровенно катастрофические возможности.

Как правило, все эти архетипы персонифицируются в мифах и снах. Бог олицетворяет для нас тайну вселенной. Эго принимает облик героя или героини. Бес-

сознательная часть «я» становится мудрым стариком или старухой. Тень оказывается кем-то вроде Мефистофеля. Очевидным образом тень содержит не только то, что для вас хорошо, но и то, что плохо. Она с готовностью поглощает все то, что было бы опасно или неуместно выражать на людях: кровожадные интенции, которые вы помимо собственной воли испытываете по отношению вон к тому щукиному сыну, который вас весь вечер перебивает, безотчетные желания украсть, обмануть, сломать и так далее. Кроме того, она же ведает способностями, которые эго и персона наотрез отказываются признавать.

В сновидениях и принятой в вашем обществе системе мифов тень воплощает все эти опасные и неутоленные желания. При этом тень всегда одного с вами пола и всегда воспринимается как мощная угроза.

Распознать свойства тени можно, просто поразмыслив о тех людях, которые вам не нравятся. Все они безотчетно напоминают вам о том человеке, каким вы могли бы быть, но не стали, — иначе они не задевали бы вас так сильно. Те, кто сильно привлекает или отталкивает вас, всегда несут некие проекции вашего собственного «я»:

Нет, не люблю я тебя, доктор Фелл; за что — сам не знаю.
Все, что могу я сказать: нет, не люблю я тебя[69].

69 Эта эпиграмма была написана в 1680 г. студентом Оксфорда Томасом Брауном (1663—1704), который впоследствии стал знаменитым поэтом-сатириком. Считается, что она была придумана в ответ на наказание, наложенное на Брауна деканом его колледжа сэром Джоном Феллом. Является переводом эпиграммы римского поэта Марциала: *Non amo te, Sabidi, nec possum dicere quare; / Hoc tantum posso dicere, non amo te*. Призвана проиллюстрировать тот факт, что проекции тени всегда были присущи человеческой натуре. — *Примеч. издателя.*

Почему? Потому что он — моя тень. Не знаю, случалось ли у вас в жизни нечто подобное, но мне нередко встречались люди, которых я начинал ненавидеть с первого же взгляда. Они всегда представляли те аспекты моей личности, в существовании которых я отказывался сам себе признаваться. Эго склонно идентифицироваться с обществом, стараясь забыть о тени. Эго думает, что оно и есть вы. В это положение нас ставит общество, и ему совершенно наплевать, что с вами будет, когда вы выполните свой долг перед ним, — это уже будут ваши личные проблемы.

Я помню, как одно духовное лицо однажды сказало мне: «Если бы я не верил в Бога, Христа и святую Церковь, я был бы ужасным человеком». «И что бы такое ужасное, — спросил его я, — вы стали бы делать?» Вопрос почему-то поставил его в тупик. «Держу пари, — сказал я тогда, — я мог бы вам рассказать, о чем вы только что подумали, но я не стану. Зато могу вас заверить, что вы очень скоро устали бы от всего этого и обнаружили, что вовсе не хотите, чтобы этот старый добрый мир провалился в тартарары. И даже если бы вам удалось взорвать какую-то его небольшую часть, ее вскоре отстроили бы заново, так что никакой такой особой опасности для мира вы бы все равно не представили. Так что давайте, вперед. Сделайте хотя бы что-то из того, чего боитесь. Вы обнаружите, что это вовсе не так уж плохо, и больше не будете говорить подобных глупостей».

Нужно найти какой-то способ выпускать свою тень на свободу.

Далее на очереди у нас стоит проблема гендера. Каждый мужчина должен быть абсолютно мужественным мужчиной, и вследствие этого все, что общество не раз-

решает ему в себе развивать, он автоматически атрибутирует женскому полу. Эту часть себя он подавляет и загоняет в бессознательное, где она становится теневым противником персоны. Этот феномен — женский идеальный образ, скрытый в мужском бессознательном, — Юнг называет *анимой.*

Точно так же и женщина несет в своем бессознательном *анимус* — мужской аспект себя самой. Она — женщина, и общество предусмотрело для нее совершенно определенную роль. Все то, что она внутри себя самой ассоциирует с мужским модусом жизни, подавляется и отправляется в анимус.

Любопытно то, что с биологической и психологической точки зрения в нас присутствуют оба пола, но во всех человеческих сообществах — абсолютно во всех — позволяется акцентировать только один из них. Второй вынужден прятаться глубоко внутри. Более того, наши представления о мире диктуются событиями нашей же биографии. В последней стоило бы выделить два аспекта. Один — то, что является общим для всего человеческого рода: у всех есть мать и отец. Второй — то, что индивидуально для вас лично: ваша мать, которая была таким-то и таким-то человеком, и то же самое касательно отца. Восприятие мужских и женских ролей зависит от индивидуального опыта; именно он определяет и предопределяет качество нашего понимания этих великих начал, общих для всего рода человеческого. У каждого есть образ Матери; и у каждого есть образ Отца.

В обоих случаях запрятанный в подсознании идеал имеет тенденцию проецироваться вовне. Обычно мы называем подобную реакцию влюбленностью: мы проецируем свой внутренний идеал противоположного пола на

реального индивидуума, который посредством некоего таинственного магнетизма пробуждает энергию вашей анимы или анимуса. Вот представьте: идете вы на танцы и встречаете там такую милую и во всех отношениях приятную девушку, которая сидит себе одна в уголке, — такая найдется на любой вечеринке. И вокруг этого цветочка так и увивается сначала один пушистый шмель, а там, глядишь, уже и несколько. А в чем, собственно, дело? Да ни в чем: просто что-то в том, как скользит по толпе ее взгляд, пробуждает проекции анимы во всех существах мужского пола в радиусе поражения. Существуют определенные способы позиционировать себя в этом ключе; но далеко не всегда понятно, в чем они заключаются и как добиться нужного эффекта. Мне случалось встречать людей, которые от природы были идеальными зеркалами анимы и специально вели себя так, чтобы провоцировать окружающих на проекции.

Вот двое встречаются и влюбляются друг в друга. Потом они женятся, и тогда сквозь флер фантазии начинают проглядывать черты реального Сэма или Сьюзи; бог ты мой, что за потрясение их ждет! В результате большинство наших мальчиков и девочек просто обижаются и забирают свои проекции назад. Они разводятся и ждут следующего зеркала, опять забрасывают удочку, и все как полагается, а потом — вы подумайте, какая неожиданность! — новое потрясение. И так повторяется снова и снова.

Один неоспоримый факт: утрата иллюзий при таком подходе неизбежна. У вас был идеал. Вы женились на нем — и тут же столкнулись с фактами, которые не вписываются в идеальную картинку. Вы вдруг начинаете замечать всякие, скажем так, детали, которые не соот-

ветствуют образу вашей проекции. Что же вы станете делать, если такое произойдет? Есть лишь одно чувство, которое в состоянии разрешить эту ситуацию: имя ему сочувствие. Да, это несчастное создание, на котором я женился, не соответствует моему идеалу; что делать, оно же всего лишь человек. И я тоже человек. Так пусть же для разнообразия человек пообщается с человеком; я буду жить с ним, и буду к нему добр, и буду терпим к ошибкам, которые сам же, будучи таким же человеком, и вызвал к жизни.

Совершенство бесчеловечно. Человеческие существа несовершенны. Любовь — я имею в виду именно любовь, а не вожделение — пробуждают в нас именно несовершенства, свойственные человеческому существу. И потому, когда недостатки данного конкретного человека в сравнении с идеалом вашей анимы или анимуса принимаются мозолить вам глаза, просто скажите себе: «Это вызов моему сочувствию». А потом просто попытайтесь — и, кто знает, быть может, что-то произойдет. Возможно, вы начнете постепенно избавляться от фиксации на своей аниме. Фиксация на аниме не менее вредна, чем фиксация на персоне; как от одного, так и от другого необходимо освободиться. Именно в этом освобождении и состоит главный урок жизни. Юнг называл его индивидуацией, умением видеть себя и людей такими, какие вы есть, а не через все эти архетипы, которые вы проецируете направо и налево и которые проецируют на вас. Конечно, святой Павел сказал: «Любовь никогда не перестает»[70], — но в этом вы вряд

70 «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1-е Послание к Коринфянам, 13:8). — *Примеч. издателя.*

ли равны богу. Ожидать от себя слишком большого сочувствия может оказаться довольно разрушительно. Но даже если и так — все равно попытайтесь. Этот подход работает не только по отношению к отдельным людям, но и к самой жизни в целом. Это просто. Юности свойственна одна великолепнейшая глупость — вставать в позу, когда мир не соответствует твоим ожиданиям. «Что такое? Я дал себе труд сюда прийти, и это все, что вы можете мне предложить?!» Бросьте! Имейте сочувствие к миру и к тем, кто в нем обитает. Дурно пахнет не только политика, но и вся наша жизнь, так что попробуйте отнестись к ней с сочувствием.

В своем раннем романе «Тонио Крегер» Томас Манн дал превосходный ответ на вопрос, что делать, когда реальность просвечивает сквозь спроецированную нами маску[71]. Он рассказывает о молодом человеке, который открывает для себя эту потребность в сочувствии. Герой романа Тонио Крегер рождается в Северной Германии, где все голубоглазы, светловолосы, сильны и здоровы и прекрасно знают, что собой представляет этот мир и с чем его едят. Можно сказать, его окружают воплощения персоны. Мать Тонио — не то итальянка, не то из какой-то другой части Средиземноморья. Самое его имя достаточно красноречиво свидетельствует о том, что за гремучую смесь он собой являет. Он темноглаз и темноволос и унаследовал от матери некую нервическую чувствительность, обещающую ему в будущем возможность стать художником или писателем. И хотя он искренне предан этим белокурым людям, живущим нынешним момен-

71 Thomas Mann, *Tonio Kruger*, David Luke trans (New York, Bantam Modern Classics, 1990). — *Примеч. издателя.*

том, играть с ними всерьез он не может и волей-неволей находится в позиции наблюдателя. Однако же он видит, сколь они замечательны. На танцах его восхищают пляски юных дев. И кавалеры от них не отстают. Когда же в пляс пускается он, ему думается, что его влекут лишь грезы о ней, а ее, ту, с которой он танцует, — лишь танец, танец, танец... И все девушки, благосклонности которых он добивается, — из этой породы. И вот юный Тонио обнаруживает себя на обочине жизни.

Став чуть-чуть старше, он решает, что должен сделаться художником и покинуть родные места; его ждет иной мир. И вот он отправляется на юг, кажется в Мюнхен, и присоединяется там к богемной компании, которую мы с вами теперь назвали бы колонией хиппи. И там он обнаруживает людей с возвышеннейшими представлениями о том, какой должна быть жизнь; помимо этого у них имеется отличный словарь инкриминаций, посредством которого они умудряются ниспровергнуть и обесценить все, что есть хорошего в этом мире. Это люди, у которых есть множество самых разнообразных идей о мире, но которые, к вящему своему удивлению, обнаружили, что мир согласно этим идеям жить не желает, — по каковой причине они утратили иллюзии, отозвали проекции и решительно отказали миру в своей любви. Они холодны, они надменны и циничны. Тонио обнаруживает, что и этот путь ему не подходит. Да, он интеллектуал, он уважает идеи, но в сердце его живет любовь к этим невыносимым голубоглазым блондинам.

Тонио — совсем еще юный человек, застрявший между двумя мирами: миром лишенных воображения деятелей, в котором он родился, и миром богемных

интеллектуалов-нигилистов, в который привела его судьба. В конце концов он понимает, что никто из живущих на Земле не совершенен и что именно несовершенство удерживает их в этом мире. Он осознает, что ничто живое никогда не сможет соответствовать идеалу. Если вам нужно описать какого-нибудь человека, делайте это с безжалостной объективностью. Именно несовершенство определяет его. Именно несовершенство взывает к нашей любви.

Манн говорит о том, что есть одно свойство, способное превратить *litterateur'a* — это, скажем так, человек, пишущий для «Нью-Йорк Мэгэзин», — в подлинного поэта или художника, в творца, который несет человечеству образы, помогающие жить. И свойство это — умение смотреть на несовершенство мира с любовью и состраданием. Сострадание превращает разочарование и крушение иллюзий в сопричастность и товарищество. И потому, когда сквозь светлый образ анимы или анимуса начинает просвечивать реальность, нужно отнестись к ней с сочувствием. Любовь и доброжелательность делают из бездушного критика живого человека, которому есть что дать миру и что от него потребовать.

Таков модус обращения с разочарованием в аниме и анимусе. А разочарование возникнет неминуемо. Это мир открывает в вас новые глубины реальности, и причина тому — ваше благословенное несовершенство. Вы сами можете этого и не знать. Мир — созвездие несовершенств, и вы, быть может, — самое несовершенное из них. Вооружившись любовью, вы даете миру имя — точное и безжалостное — и проникаетесь любовью к тому, что поименовали. Манн зовет это парадоксаль-

ное явление эротической иронией. Подобные открытия в состоянии спасти не один брак.

Итак, с чем мы с вами остались в результате? У нас есть самость — великая ненаписанная книга. У нас есть эго, представляющее собой сознание, чьи границы все больше и больше расширяются по мере накопления опыта и внутреннего света. У нас есть персона, вотчина *Vųlkergedanken* — узкого, локального понимания жизни и ее задач. Если система представлений, принятая в обществе, никак не помогает вам соединить сознательное и бессознательное, вы неминуемо окажетесь в тупике и потеряетесь на бесплодных пустошах мысли.

Среди архетипов бессознательного наибольшую угрозу представляет тень. Ее вы держите под спудом, и именно тот факт, что вы держите ее под спудом, и позволяет вам вести такую жизнь, какая одобряется обществом.

Следующую проблему представляет противоположный пол. И не только проблему, но и величайший соблазн. В этом Фрейд был, безусловно, прав. В отрочестве вся тайна жизни и вся привлекательность жизни воплощены в качествах противоположного пола.

Далее следует важнейшая психологическая коллизия. Вы влюбляетесь с первого взгляда. Что же, во имя неба, это значит? Вы этого человека даже не знаете. У каждого из присутствующих, полагаю, был подобный опыт. Кто-то входит в комнату — и сердце останавливается.

У Томаса Манна можно найти прекрасный пример этого явления. В его первом опубликованном рассказе «Der Kleine Herr Friedmann» [72] маленький господин, чье

72 «Маленький господин Фридман». — *Примеч. перев.*

имя вынесено в заглавие, переживает настоящий катарсис. Это отличный маленький человечек, которому никогда не удавалось хоть сколько-нибудь близко познакомиться с жизнью. И вот в один прекрасный день пред ним предстает роскошная, подобная античной статуе блондинка. И что же говорит наш герой? «Боже мой! О боже мой!» — разумеется. Сердце его останавливается, и он понимает, что до сих пор еще и не жил. Мир раскрывается перед ним. Вот оно, явление анимы [73].

Хотите вы того или нет, но вы влипли. Одним из самых смелых деяний в этих условиях будет жениться на том идеале, в который вы имели несчастье влюбиться. Тогда вам предстоит поистине тяжелая работа, ибо вы общаетесь не с реальным человеком, а с собственными проекциями. Это уже не просто вожделение; корни данного феномена уходят глубоко в бессознательное. И, более того, вытаскивают его содержимое на свет божий. Анима или анимус не более чем рыболовный крючок, за который радостно цепляется ваше бессознательное, и вот уже Змей Мидгарда поднимается из глубин со всей своей свитой [74]. Вот на чем вы на самом деле женились.

Был один джентльмен, который впоследствии стал юнгианским аналитиком. Пришел он как-то раз к Юнгу и рассказал ему свой сон. А приснился ему огромный утес, над которым вдруг показалась голова змеи. И вот змея поползла вниз — а была она преогромной, — и все

73 Thomas Mann, «Little Herr Friedmann», *Death in Venice and Other Tales*, Joachim Neugroschel, trans. (London: Penguin, 1998). — *Примеч. издателя.*

74 Змей Мидгарда, Ёрмунганд, Мидгардорм — в скандинавской мифологии мировой змей, живущий в океане и окружающий собой обитаемую людьми землю (Мидгард). — *Примеч. перев.*

ползла и ползла, никак не кончаясь. На что Юнг ничтоже сумняшеся ответил ему: «Это мисс такая-то. Женитесь на ней». Так тот господин и сделал, и брак их оказался на редкость счастливым.

Но что же на самом деле происходит, когда вы женитесь на любви с первого взгляда? Вы женитесь на собственных проекциях. Вы берете в жены то, что проецируется из вашего же собственного бессознательного, — маску, которую вы напялили на реального человека.

Как имеет смысл себя вести в подобных обстоятельствах? Что мог бы посоветовать в данной ситуации педагог? Под маской проекции кроется живая реальность. Маска — это ваш идеал. Реальность с идеалом не совпадает, ибо она несовершенна. Как следует поступить с тем, что несовершенно?

Юнг искренне полагал, что суть заключается в отказе от любых проекций. Не отождествлять женщин с проекциями вашей анимы. Не отождествлять себя с проекциями вашей персоны. Отпустить все проекции и идеалы. Вот что Юнг понимает под индивидуацией. Те, кого Юнг называл *мана-личностями*, нередко отождествляются со своей персоной; мы с вами назвали бы такое явление просто напыщенным ничтожеством. Это человек, не представляющий собой ничего, кроме роли, которую он играет. Он никогда не дает развиться своему подлинному характеру и всегда остается только маской. По мере того как его силы убывают — вследствие сделанных ошибок и так далее, — он все больше боится себя и все больше усилий прилагает к тому, чтобы поддерживать маску. А потом персона отделяется от самости, вынуждая тень отступать все дальше и дальше в бездны бессознательного.

Тень необходимо принять и ассимилировать. Совершенно необязательно действовать по ее указке, но узнать и принять ее вы должны.

А вот аниму и анимус ассимилировать как раз не надо, и это уже другая проблема. С ними нужно наладить контакт при помощи других людей.

Человеком можно стать только через отношения с другими людьми, с мужчинами и женщинами, по отношению к которым вы, в свою очередь, будете другим. Для мужчин женщины всегда тем или иным образом будут ассоциироваться с анимой, а мужчины для женщин — с анимусом.

Человеком становятся через сострадание. Это не вожделение. Это не страх. Христос и Будда достаточно ясно дали понять, что как того, так и другого следует избегать.

Нисходя в подсознание, вы обнаруживаете там не только тень и аниму, но и те способности к восприятию и оценке, которые не нашли применения в вашей жизни. Вам нужно интегрировать свои подчиненные функции, чтобы энантиодромия оказалась просто моментом осознания своих возможностей во всей их полноте, а не кораблекрушением у скалы сирен.

Есть четыре разновидности кризиса, который могут повлечь за собой эскалацию энантиодромии. Один из них случается, когда вы переходите от одной стадии жизни к другой и не замечаете этого, подобно пожилому джентльмену, столь одержимому гольфом, что перейти от средних лет к старости он просто забывает.

Юнг говорил, что жизнь подобна дневному пути солнца через небосклон. В первой его части вы движетесь вверх — от рождения навстречу обществу. Вторая

же есть дорога вниз — от сопричастности миру к смерти. И если самой страшной угрозой для первой половины является сама жизнь, то для второй — безусловно, смерть, в связи с чем все символы кардинально меняют значение. Для второй части жизни основная проблема заключается, по Юнгу, в необходимости интеграции главной и подчиненной функций. Это задача, которой вы сможете посвятить все последние годы своей жизни. Давайте рассмотрим сам символизм примирения противоположностей. Тот же самый символ, который для экстраверта несет сексуальные коннотации, для интроверта будет ассоциироваться с битвой. Вступив на нелегкий путь интеграции и индивидуации, вы рано или поздно придете к единению этих двух аспектов собственной души.

Попытка перейти с одной стадии жизни на другую, не будучи по-настоящему к этому готовым, тормозит этот процесс. Это кризис сорокалетних, все еще не расставшихся с детством, и шестидесятилетних, считающих себя тридцатипятилетними. Жизнь привела вас к зениту, и вот дорога начинает идти под уклон, а вы все еще думаете, что находитесь на самой вершине? Нет, дружище. Вам — вниз. О, что за падение вас ожидает! Куда лучше знать заранее, когда начнется спуск, и прокатиться с ветерком по дороге, — не говоря уже о том, что там, внизу, право же, есть на что посмотреть.

Второй тип кризиса наступает, когда жизнь ослабляет свои требования к вам. Предположим, вы всю жизнь вкалывали как проклятый, чтобы стать королем шнурков для ботинок. Все шнурочные фабрики мира принадлежат вам. И вот вам уже сорок с хвостиком, и вам больше не нужно вкладывать в предприятие все

свои силы. Бизнес идет сам собой, а ваши секретарши не только высокопрофессиональны и знают всю кухню назубок, но и выглядят почему-то гораздо привлекательнее, чем, по идее, стоило бы выглядеть молодым дамам. И вот он вы со всем вашим свободным либидо. Куда, как вы думаете, оно будет направлено?

Эротико-ориентированный экстраверт вдруг превращается во властное чудовище. Старый добрый дядя Гарри, шнурочный магнат, властолюбивый интроверт, вдруг оказывается форменным старым развратником. И трагедия в том, что кризис сопровождается глубинным ощущением, что уже слишком поздно. Все не так, и причина этому — в том, что вы ведете себя неправильно.

Следующая разновидность кризиса — потеря веры в свои моральные идеалы; этот тип энантиодромии нередко преследует тех, кто оказывается среди своих сверстников в колледже. Вы живете в одной комнате с соседом, выросшим в совершенно иной среде, — либо вы богаты, а он беден, либо наоборот. Один из вас может оказаться христианином, другой — атеистом; или один — иудеем, другой — буддистом. При этом сосед оказывается на удивление милым человеком. И дело не в том, что он склоняет вас к греху; дело в том, что знакомство с ним ставит под вопрос ваши моральные принципы. А поскольку эти моральные принципы — комплекс персоны — удерживают ваше эго в том или ином положении, то, стоит их ослабить, как наружу потоком хлынет и все остальное содержимое психики. Вы рискуете превратиться в совершеннейшее чудовище — и где-то даже хотите этого: тень уже стоит на пороге и стучится в вашу дверь. Кто там? Это я, ваше темное «я».

Можно еще получить, что я называю, привет от анимы или анимуса: пойдем, красавчик, за угол, я тебе кое-что покажу. Вам такие девочки даже в страшных снах не снились.

Что ж, говорит Юнг, пускай приходит. Только не надо предаваться этому с такой страстью, чтобы сотряслись самые основы вашего эго. Возьмем для примера одну из моих студенток. После первых же нескольких лекций по социологии на первом курсе она неожиданно для себя обнаружила, что состояние ее отца построено на крови и костях трудящихся. Она едет домой на День благодарения, и семья, узрев бледный и трагический лик, разумеется, интересуется, не случилось ли чего. Девушка ходит на занятия в совершенно жутком виде, перестает причесываться. Весь ее мир перевернулся вверх тормашками. Вот она, энантиодромия. Богатая наследница начинает партизанить для тех, кто по ту сторону баррикад, размахивая знаменем попранного пролетариата. По сравнению с тем состоянием, в котором она пребывала до сих пор — то есть с блаженным неведением, — это всего лишь противоположная крайность.

На самом деле это не самое плохое, что могло с ней случиться: иногда, оказывается, удивительно полезно узнать, как живут люди на другой стороне общества. Все равно что рассмотреть ковер с изнанки. Надо признать, мои студенты довольно часто походят на эту самую изнанку. И это очень хорошо, когда подобные вещи происходят именно в колледже, в достаточно безопасных с точки зрения формирования личности условиях, потому что идея, повторяю, заключается в том, чтобы интегрировать обе половины своей личности в единое целое.

Есть и еще один кризис, представляющий действительно серьезную проблему: невыносимое решение, когда вы должны сделать нечто такое, что считаете аморальным, несовместимым со своим достоинством или постыдным. Лучший пример — Авраам, приносящий в жертву Исаака. Глас божий повелел ему принести в жертву собственного сына, и Авраам оказался перед необходимостью принять невыносимое решение. Он должен был или ослушаться того, кого считал богом, или убить родное дитя. Если бы он не принес в жертву Исаака, то пошел бы против бога; если бы лишил жизни сына, то нарушил бы первое правило человеческого общежития. Отцы не должны убивать своих сыновей.

Вот оно, невыносимое решение. Такое может случиться с каждым. У меня есть друзья, у которых во времена Великой Депрессии были семьи, но не было работы; для того чтобы прокормить семьи, им приходилось делать такие вещи, которые они ни за что не стали бы делать ради себя самих. Это действия, которые разрушают эго и заставляют кипеть пучины бессознательного.

По Юнгу, проблема индивидуации, главный вызов, бросаемый нам кризисом середины жизни, состоит в освобождении от проекций. Осознав, что нравственные идеалы — те самые, которым вы, как считается, должны быть всецело преданы, — воплощены в персоне, вы поймете всю глубину и опасность такой психологии. Вы должны рядиться в одежды морали и скидывать их прочь в соответствии с требованиями момента; вы *не должны* идентифицировать моральные нормы со вселенскими истинами. Установления общества суть социальные конвенции, а не вечные законы, и с ними

необходимо обращаться исходя из того, насколько они соответствуют своему назначению и цели. Индивидуум выносит собственные суждения относительно своих действий. Но затем ему приходится оглянуться на стражей социального порядка, чтобы убедиться, что они правильно поняли его и не станут чинить препятствий на том основании, что он играет не совсем по правилам. Но основная проблема индивидуации как раз в том и состоит, чтобы отыскать верный модус взаимоотношений с окружающим миром и жить полной и насыщенной жизнью.

Я считаю, что для этого индивидуум должен научиться жить согласно своему собственному мифу.

Глава пятая. Личный миф

Юнг: *По какому мифу я живу?*

Вот уже в течение многих лет я говорю о мифологии в довольно абстрактном ключе — как оно выглядит там, как оно выглядит тут и так далее. Кажется, настало время принять вызов и поговорить о ней более конкретно, рассказав, что такое миф для вас и для меня. Сама эта тема, жизнь по своему личному мифу — то, как его можно найти, изучить и научиться ездить на нем верхом, — впервые возникла в моем поле зрения, когда я прочитал автобиографическую работу Юнга «Воспоминания, сны, размышления». Там он, в частности, описывает кризис, который постиг его самого в 1911—1912 годах, когда он работал над своей ключевой книгой «Символы трансформации».

В то время его крайне удручало то обстоятельство, что все его ранние работы основывались на довольно поверхностном понимании психологии глубоко психотических пациентов. Свою профессиональную карьеру

Юнг начинал в клинике Бергхольцли под руководством Эйгена Блейлера [75]. Именно Блейлер ввел в обиход термин «шизофрения», и многие из пациентов его клиники действительно были шизофрениками.

Проработав там какое-то время и уже получив докторскую степень, Юнг познакомился с Фрейдом. Фрейда больше всего интересовали невротики, а не психотики. Невротик представляет собой человека, который все еще функционирует в обществе и осознанно ориентируется в жизни, но чьи отношения с собственным подсознанием неадекватны. У психотика же, напротив, эти отношения окончательно нарушены. Работая с психотиками, Юнг стал настоящим специалистом в области архетипологии бессознательной образности.

Он стал читать книги по компаративной теории мифа — Фробениуса, Бастиана, Фрезера. Вскоре он понял, что образы, которые его пациенты извлекали из глубочайших тайников души, в точности соответствуют тому, о чем пишут господа сравнительные мифологи в своих штудиях по истории религий. Бредовые фантазии его пациентов обнаруживали поразительные параллели с основными темами и сюжетами мифов. Далее Юнг обнаружил, что эти параллели проявляются не только у психотиков, но также и у невротиков, и у сравнительно уравновешенных индивидуумов.

Это открытие потрясло его до глубины души и заставило со всем рвением погрузиться в изучение мифологии. «Символы трансформации», в которых идет речь

75 Блейлер Эйген (1857—1939) — швейцарский психиатр и психолог, изучавший сферу бессознательного на основе методов психоанализа. Ввел в научный оборот термины: «аутизм», «шизофрения» (которую называют болезнью Блейлера), «амбивалентность чувств». — *Примеч. перев.*

о связи между снами и мифологическими видениями, стали именно той книгой, после которой Фрейд отказался работать с Юнгом. Этот труд со всей очевидностью прояснил, что Юнг больше не верил в секс как альфу и омегу подсознательной символической системы, а также в регрессивный психоанализ как единственно возможную форму терапии. Для Фрейда и его последователей это было равносильно публичной анафеме.

Окончание работы над книгой не означало для Юнга закрытие столь интересовавшей его темы. «Едва я закончил рукопись, — рассказывает он в “Воспоминаниях, снах, размышлениях”, — как я со всей отчетливостью осознал, что такое жить с мифом и что такое жить без оного...» [76]. Он спросил себя, по какому мифу он сам живет, и понял, что не знает ответа на этот вопрос. «Итак, я принял решение узнать свой миф и рассматривал это как главную свою задачу» [77].

Я твердо верю, что в любой отдельно взятой стране больше не существует единой для всех мифологии, не говоря уже о западной цивилизации в целом. Социальный порядок в наши дни принял совершенно светский характер и не претендует более на то, что его установления ниспосланы свыше. Мы больше не объясняем свои законы с точки зрения мифологии. В прежние дни законы вручались лично богом общественным деятелям вроде Моисея, а затем фиксировались в Книге Чисел, Второзаконии и Левите. Больше такого нет. Даже законы физической вселенной, как я уже говорил, более не считаются незыблемыми. Мы продолжаем ежедневно

76 В оригинале цит. по: C.G.Jung, *The Portable Jung*, ed. Joseph Campbell (New York: Viking, 1971), p. xxi.
77 The Portable Jung, pp. xxi—xxii. — *Примеч. издателя.*

узнавать что-то новое о мире, но больше не располагаем его продуманной и обоснованной картиной, которая была бы в состоянии просуществовать более или менее долго.

Принимая во внимание особенности индивидуальной психологии, у нас сейчас есть столько разнообразнейших источников возникновения жизни на Земле и столько всевозможнейших путей ее развития, что единой для всех мифологии просто не может быть. Мне думается, что в рамках светского общества, где обстановка достаточно нейтральна, чтобы позволить людям жить своей собственной жизнью, не слишком надоедая соседям, у каждого есть свой собственный миф, ведущий нас по жизни, знаем мы о том или нет. Вот суть юнговского вопроса: что такое миф, по которому я живу?

Я не думаю, что у человечества когда-нибудь надолго установится что-то вроде унифицированной мифологии, даже если предположить, что такое в принципе возможно. Я полагаю, что наша социальная жизнь — которая имеет отношение к третьей функции мифа — сейчас устроена иным, лучшим образом. Однако в общении друг с другом люди остались без сознательных и бессознательных ориентиров.

Посредством мифологических образов сознание вступает в контакт с бессознательным, где они и обитают. Если у вас нет этих образов или сознание их по тем или иным причинам отвергает, вы оказываетесь отрезанными от своей глубинной природы. Мне думается, предназначение мифологии как раз в том и состоит, чтобы мы могли по ней жить. Нужно только отыскать ту, по которой мы живем на самом деле, и узнать, что

она собой представляет, чтобы иметь возможность уверенно править своим кораблем в море образов.

Многих из нас в жизни направляют мифы — мифы, которые оказываются для этого вполне адекватной моделью. Для тех, кто так живет, трудностей в этом мире не существует. Они знают, что такое их миф; он может содержаться в одной из великих религиозных традиций, унаследованных нами от предков. По всей вероятности, миф этот окажется вполне способен провести их дорогой жизни.

Однако есть и другие, для кого эти указатели никуда не ведут. Таких можно чаще всего обнаружить среди университетских студентов и профессоров, среди жителей больших городов, короче, для тех, кого русские зовут интеллигенцией. Для них старые модели и старые правила просто не работают и потому во время кризиса оказываются совершенно бесполезными.

Иногда люди полагают, что живут в соответствии с определенной системой, но на самом деле это не так. Они ходят в церковь по воскресеньям и читают Библию, но символы с ними не говорят. Эти люди черпают силы откуда-то еще.

Задайте себе вопрос: если бы моя жизнь внезапно рухнула, если бы я вдруг лишился всего, что любил и ради чего жил, что бы у меня осталось? Если бы, придя домой, я обнаружил, что моя семья убита, а дом сожжен, или если бы моя карьера вдруг оказалась пущена под откос, что могло бы поддержать меня? Мы читаем об этом каждый день в газетах и думаем, что такие вещи всегда происходят с кем-то другим. Но что, если это произойдет со мной? Что помогло бы мне не сломаться, не погибнуть и жить дальше?

Я знаю верующих, у которых случались в жизни такие ситуации и которые всегда говорили: «Это Божья воля». Для них поддержкой служила вера.

А есть ли в вашей жизни что-то такое, что могло бы сыграть такую же роль для вас? Есть ли в ней нечто великое, ради чего вы не раздумывая принесли бы себя в жертву? Что заставляет вас жить так, как вы живете? Чего хочет от вас жизнь — знаете ли вы это? Древние традиции оказывали людям эту мистическую поддержку, цементируя собой культуру. Любая великая цивилизация выросла на мистическом базисе.

В наши дни кругом царит полная неразбериха. Нас бросили на произвол судьбы; мы сами должны найти то, что будет нам опорой и поддержкой. Как же это сделать?

Я думаю, одно из величайших бедствий современной жизни заключается в том, что религии, унаследованные нами от предков, настаивают на бесспорной историчности своих символов. Непорочное зачатие, к примеру, или вознесение на небеса — эти символы присутствуют во всех мифологических системах мира. Несомненна их связь с глубинами человеческого бессознательного, откуда они и явились. Они говорят нам о чем-то, что кроется в нашей собственной душе и не имеет отношения к историческим событиям. Одна из самых серьезных проблем, стоящих сейчас перед нами, заключается в том, что авторитет социальных институций, выступавших блюстителями символов, — всех тех религий, в которых мы выросли, — оказался подорван именно их манерой говорить о стоящих за традицией мифах как о реально имевших место исторических событиях. Рождение младенца девственницей — что это

за символ? Имеет ли он отношение к истории и биологии? Или это все-таки духовная, психологическая метафора?[78]

Я по-настоящему восхищаюсь психологом Абрахамом Маслоу[79]. В одной из его книг я обнаружил что-то вроде шкалы ценностей — ценностей, ради которых, как показали его психологические эксперименты, живут люди. Список этих ценностей таков: выживание, безопасность, человеческие взаимоотношения, престиж и, наконец, личностное развитие. Я смотрел на список и пытался понять, почему он кажется мне столь странным. В конце концов я понял, в чем тут дело: это именно те ценности, по отношению к которым мифология является трансцендентной.

Выживание, безопасность, человеческие взаимоотношения, престиж и личностное развитие... Мне думается, что человек, живущий мифом и согласно мифу, как раз *не станет* жить ради подобных ценностей. Они имеют отношение к первичным биологическим потребностям человека в том виде, в каком их понимает наше сознание. А мифология начинается там же, где и безумие. Человек, в жизни которого есть место призванию, вере, религиозному рвению, подлинной преданности, с легкостью пожертвует ради них безопасностью, отношениями, престижем, даже собственной жизнью, и уж подавно не станет и думать о личностном развитии; он целиком и полностью отдаст себя мифу. Ключ к тако-

78 См.: Joseph Campbell, *The Inner Reaches of the Outer Space: Myth as Metaphor and as Religion*. — *Примеч. издателя.*

79 Абрахам Маслоу (1908—1970) — американский психолог и психоаналитик, один из основателей гуманистической психологии. — *Примеч. перев.*

му состоянию дал нам Христос, когда сказал: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»[80].

Пять ценностей Маслоу суть ценности, ради которых люди живут, когда им не для чего жить. Ничто не захватывает их, ничто не очаровывает, ничто не ввергает их в духовное безумие, им не о чем рассказать друг другу. Все это невыносимо скучно. (В замечательных комментариях к «Дон Кихоту» Ортега-и-Гассет однажды написал: «Скука — это то, что лишает нас одиночества, но не составляет компании»[81].)

Ключом здесь служит ощущение благоговения, которое Лео Фробениус, замечательный специалист по африканским культурам, называл *Ergriffenheit*, состоянием захваченности чем-то, которое буквально выдергивает вас из привычной реальности.

Не всегда легко или даже в принципе возможно понять, что именно так вас захватило. Вы вдруг обнаруживаете, что делаете какие-то глупости, и вот — вы попались, только пока не знаете, какова ловушка. Вас охватывают священный трепет, ощущение тайны, очарования — вы чувствуете счастье. Параллельно с этим и разум тоже оказывается в вашем полном распоряжении. Разум может, к примеру, побудить вас основать

80 Мф., 10:39.

81 «En un cuaderno de *La Critica* cita Croce la definition gue un italiano da del *latoso*: es-dice-el que nos quita la soledad y no nos da la compania». Jose Ortega y Gasset, *Obras Completas* (Madrid: Talleres Graficos, 1957), p. 378. — *Примеч. издателя.*

Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955) — испанский философ-антрополог и публицист, представитель школы философии жизни, теоретик модернизма как эстетического течения. Подлинную реальность, придающую смысл человеческому бытию, он видел в истории, толкуя ее как духовный опыт непосредственного переживания. — *Примеч. перев.*

собственное дело, чтобы поддержать семейное благосостояние и повысить социальный престиж; задайте ему правильное направление, и он будет делать свое дело очень хорошо. Но разум же может подтолкнуть вас и бросить все это к чертовой матери, ибо некая тайна предъявила на вас свои права.

Одним из самых ярких примеров подобного явления я бы назвал жизнь французского художника Поля Гогена. Он был весьма преуспевающим бизнесменом, обладателем роскошного дома и нормальной семьи. И вдруг его полностью захватила живопись с ее открытиями и тайнами. Стоит вам начать что-то черкать на бумаге, и это напрочь вычеркнет вас из нормальной жизни — именно так все и случилось с Гогеном. Он позабыл про семью и все свои дела, с головой кинулся в омут приключений и оказался в результате на Таити, где и написал большинство своих прекрасных картин. Он откровенно наплевал на все жизненные ценности по Маслоу и жил себе счастливо до конца своих дней.

Когда Юнг говорил, что хочет отыскать миф, по которому живет, на самом деле он жаждал понять, что за бессознательная или подсознательная структура в его собственной психике заставляет его делать все эти иррациональные глупости и создавать самому себе проблемы, которые несчастное сознание затем вынуждено решать. Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что предмет нашего изучения начинается там и только там, где кончаются жизненные ценности Маслоу и происходит пробуждение осознания.

Я уже упоминал *кундалини-йогу* — индийскую систему саморазвития, которая связывает духовное развитие с движением змеиной энергии, поднимающей-

ся по позвоночнику и проходящей последовательно через семь центров, или *чакр*. Три нижние чакры представляют как раз стремление к выживанию, стремление к удовлетворению сексуальных потребностей и стремление к власти.

Иерархия ценностей, предложенная Маслоу, соответствует трем нижним чакрам. Эти ценности можно считать общими для человека и животных. Да, мы обладаем телом животного — разумеется, это не тело собаки или газели, но, вне всяких сомнений, тело животного под названием «человек разумный», — и в соответствии с этим ведем животную жизнь с поправкой на особенности вида. Давайте не будем льстить себе мыслью, что даже в этом мы остаемся необычайно высокоразвитыми существами. Мы держимся за жизнь точно так же, как это делают животные. У нас бывают сильные сексуальные импульсы — в точности как у животных. И, конечно же, нам свойственно желание побеждать, подавлять сопротивление и сметать с пути то, что мешает нам двигаться дальше, — и в этом мы тоже не одиноки. Все это идеально соответствует иерархии ценностей Маслоу.

Когда змей кундалини поднимается до четвертой чакры, в душе просыпается священный трепет, что для индусов означает способность слышать священный слог *Ом*, недоступный слуху животных. Восприятие этого звука открывает перед нами новое измерение, даря ощущение тайны вселенной, а желание постичь эту тайну знаменует начало духовной жизни. Четвертая чакра, согласно воззрениям индусов, располагается на уровне сердца. Именно в сердце, как они говорят, руки верующего с любовью касаются стоп божества. На этом уров-

не духовного постижения можно достичь только стоп бога — если мы хотим большего, нужно продвигаться выше. Но начало положено, и тайна уже поселилась в нашем сердце.

Давайте, однако же, отдадим дань уважения животным: им это стремление тоже до некоторой степени свойственно. Увидев свет в ночи, любое животное подойдет поближе, чтобы узнать, что это такое. Это только начало, и в следующем воплощении они придут в мир людьми. Так пробуждается священный трепет на их уровне. Тот же свет, за которым пытаемся следовать мы с вами, в один прекрасный момент приведет нас к чистому недифференцированному свету трансцендентного. Вот в чем смысл и значение священного слога *Ом*.

Итак, давайте оставим позади первую, вторую и третью чакры, работающие с повседневным, рациональным уровнем жизни. Ничего сказать против них нельзя, ибо кто будет наслаждаться звуком *Ом* или ощущением священного трепета, если прежде не будут удовлетворены базовые потребности выживания? Однако следует помнить, что они служат всего лишь основанием для верхних этажей, на которые нам еще предстоит подняться.

В системе кундалини-йоги подлинный духовный опыт начинается только после того, как вы обретаете способность слышать звук Ом. Тогда дух получает импульс предпринимать новые усилия к познанию трансцендентного, пытаться приблизиться к нему; это стремление ассоциируется уже с пятой чакрой, находящейся на уровне горла, где рождается слово и куда животные уже не могут подняться, ибо речь им недоступна. Да, они могут издавать звуки, но — насколько нам на-

стоящий момент известно — у них нет ни вербальной, ни понятийной коммуникации.
Там, где появляется коммуникация, начинается переживание мистического [82].

Мифологическая традиция, равно как и сам мир мифа, начинается с некоего события, которое захватывает вас и выбрасывает за ваши пределы, за пределы всех рациональных умственных построений. Именно на таких событиях взращиваются цивилизации. Достаточно взглянуть на самые выдающиеся их памятники, чтобы понять: это самое ненормальное, что когда-либо приходило в голову человеку. Возьмем египетские пирамиды. Попробуйте оценить их с точки зрения здравого смысла и экономической целесообразности; представьте себе, что означала стройка таких масштабов для общества Древнего Египта с его уровнем развития технологии! Великие соборы и храмы мира, да и вообще произведения любого художника, целиком посвятившего себя своему искусству, — источником всего этого являются мифологические образы, а отнюдь не ценности Маслоу. Пробуждение священного трепета, пробуждение религиозного рвения — вот начало духовной жизни и вот, что любопытно, фактор, сплачивающий людей.

Все, кто живет ради пяти ценностей Маслоу, остаются за бортом. Две вещи сплачивают людей — высокие порывы и ужас. Это раствор, скрепляющий кирпи-

82 Больше информации о кундалини-йоге и священном слоге Ом можно найти в книгах: Joseph Campbell, *Myths of Light: Eastern Metaphor of the Eternal*, pp. 27—38; *The Inner Reaches of the Outer Space*, pp. 36—37, 71—72; а также *The Mythic Image* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981), pp. 331—387. — *Примеч. издателя.*

чи общества. Возьмем мифологическую базу общества средневековой Европы: великий архетипический сюжет об изгнании из рая, об искуплении на кресте и о Церкви, призванной служить единственным сосудом благодати Божьей и источником спасения всего рода человеческого. У нас получится целое общество, основанное на представлении о том, что все мы от рождения запятнаны первородным грехом и что единственный способ очистить душу от этой скверны — через таинства церковных институций, основанной, как она сама провозглашает, лично Иисусом Христом, который есть воплощение Бога, создавшего весь наш мир. Ну не забавная ли культура, чьей главнейшей целью провозглашается очищение каждой индивидуальной души от последствий ужасной ошибки, совершенной некогда в саду Эдема ослушниками бога?

Кажется, первым, кто свел все эти разрозненные идеи воедино, был святой Павел. Сама структура средневекового общества была основана на мифе о высоких побуждениях и страхе, которые единственно и могут объяснить нам феномен средневековой культуры. Да, экономика тоже играла свою роль, но она не имела никакого отношения к возведению собора в Шартре. Как раз об этом и говорит Генри Адамс в своей книге «Мон-Сен-Мишель и Шартр»[83]. Все величайшие соборы Европы были построены в это сумасшедшее столетие между 1150 и 1250 годами. У людей тогда не хватало денег даже на пару коров — не говоря уже о паре автомобилей. Чем же они жили? — спросите вы.

83 Henry Adams, *Mont-Saint-Michel and Chartres* (New York: Penguin, 1986). — *Примеч. издателя.*

Не думайте о погонщиках рабов — не они построили соборы. Массовая одержимость, жажда мифа — вот в чем было дело. Что же произошло потом? Рвение исчезло. Когда в самую основу мифа внедрился червь сомнения — сомнения в исторической правде легенды о творении, — общество просто развалилось. И высокие стремления, и страх увяли, а вместе с ними исчезли и мифические идеалы.

К сожалению, в наши дни подлобных мощных стимулов уже не осталось. Нет ни высших ценностей, ни сколько-нибудь сильного страха, которые могли бы сплотить нас. Однако не след беспокоиться об обществе. Что нас действительно интересует, так это как собрать воедино самое себя.

Как отыскать в глубине себя то, что по-настоящему важно? Как я уже говорил, мифологические системы всего мира говорят в общих чертах об одном и том же. Следовательно, мифологические образы не связаны с историческими событиями. Они приходят из глубин души и с душою говорят; с ней они прежде всего связаны — с душой и с духом, а вовсе не с материальной историей мира.

Нет сомнений, что определенные эмоции вызывают в человеческом теле спонтанные реакции. Мне нет нужды рассказывать вам, что такое сексуальные сигналы; иногда не сказано ни слова, но биологический императив включается как бы сам собой, и все получается просто отлично, а родителям остается только гадать, что происходит. Инструкции здесь не нужны.

Подобным же образом некоторые запахи активизируют деятельность слюнных желез. Сон наступает, когда вы находите место, где можно прилечь. Есть ряд сигна-

лов, на которые реагирует человеческий организм, и это тоже объединяет нас с животными: смена периодов оцепенения и активности, сексуальное поведение, материнская любовь к новорожденным детенышам, агрессия по отношению к носителю угрозы и так далее.

Есть и другие уровни сознания или, если угодно, феномены человеческой психики, которые ассоциируются со следующими чакрами — от сердца до темени. Когда пробуждаются священный трепет, религиозное рвение и жажда познания, возникает новое понимание того, что это такое — быть человеком. Точно так же, как все мы обладаем одинаковыми физическими телами, которые похожим образом реагируют на запахи, так и наши сознания откликаются на одни и те же образы; сама концепция архетипов человеческой психики, в свою очередь, базируется на допущении, что в нашем мозгу и симпатической нервной системе есть структуры, готовые отвечать на определенные сигналы сходным образом. И эти структуры являются общими для всех представителей нашего вида, с теми или иными индивидуальными вариациями на главную тему, которые, тем не менее, не особенно отклоняются от магистрального направления. Задев их с помощью соответствующего раздражителя, вы получите автоматическую реакцию, как, например, на запах бананов — не важно, откуда этот запах исходит: из обеденного горшка где-нибудь в Африке или из корзины с фруктами в моем номере в отеле. На протяжении тысячелетий мы наблюдали за тем, как люди реагируют на духовные символы и как созерцание этих символов способствует перемещению сознания на тот или иной уровень, активизируя глубочайшие духовные

силы человеческой души. У каждого есть свои излюбленные знаки; каждого может ожидать опыт, недоступный всем остальным. Ваша душа ответит именно тому символу, к которому она готова.

И однако же в нашей традиции эти символы с упорством, достойным лучшего применения, всегда пытались связывать с историческими событиями. Наша религия рассматривает образы рождения девственницей младенца, смерти и воскресения, а также вознесения на небеса как явления, имевшие место во времени и пространстве. Если вы позволите себе усомниться в реальности этих эпизодов, ваша вера может оказаться под вопросом. Отвергнув символ, вы его потеряете. Вы получили его, словно какую-нибудь газетную статью с информацией о том, что где-то случилось то-то и то-то; в свое время в школе вы изучали биологию и не станете даже обсуждать, может ли в природе случиться девственное рождение и при каких условиях. Где же тайна? Неужели она сводилась именно к научной нелепице? Нет и еще раз нет; тайна не имеет ни малейшего отношения к тому, что могло или, наоборот, не могло случиться в определенное время в определенном месте. Это тема или мотив, который можно обнаружить в сюжетах мифов по всему миру, и потому она сообщается с нашей душой совершенно иным, внеисторическим образом.

С исчезновением символов мы утратили средство коммуникации между бодрствующим сознанием и глубинными уровнями духовной жизни. И теперь нам нужно возродить символы, вернуть их в нашу жизнь, заново открыть их подлинное значение и тем или иным способом наладить с ними добрые взаимоотношения.

Что же стал делать Юнг, когда решил отыскать свой миф? Его подход представляет для нас особый интерес — прежде всего потому, что он был восхитительно ребяческим. На тот момент Юнгу как раз стукнуло тридцать семь, и он спросил себя: «Что мне больше всего нравилось делать в детстве, когда меня оставляли в покое и позволяли играть во что угодно?» Как выяснилось, больше всего ему нравилось играть с камешками и строить из них целые маленькие города.

Тогда он сказал себе: «Теперь я уже большой дядя и буду играть с большими камешками», — и купил участок земли в прекрасном месте на берегу озера как раз напротив Цюриха. В этом местечке под названием Аскона он затеял планировку и строительство дома, работая своими руками и вовсю используя воображение.

На самом деле использовать воображение — это очень и очень хорошо. Выполняя чьи-то чужие указания, сделать это довольно трудно. Вы должны сами найти нечто такое, за что зацепится ваше бессознательное. Активировав свое воображение, Юнг получил лавину новых образов, нашедших отражение в снах, которые он и принялся подробнейшим образом записывать, а затем препарировать при помощи всевозможных ассоциаций.

Именно так он и приступил к поискам своего внутреннего мифа. Вскоре он обнаружил, что сны его стали очень богатыми и приобрели особую важность; он даже начал вести особый дневник, целиком и полностью посвященный снам. Он тщательно записывал каждую мелкую глупость, каждую тему, хотя бы мельком возникавшую в сновидениях. Целью этих записей было вывести глубинные образы снов наверх, в бодрствую-

щее сознание. Далее он стал рисовать картинки к некоторым из этих образов — всегда в очень мрачной манере. Надо сказать, дневник этот получился из тех, которые ни за что не захочешь опубликовать, — иными словами, он оказался весьма личного свойства. По сути дела, он представлял собой ритуальное знакомство с той удивительной страной, откуда родом была сокровенная тайна его жизни.

Если вы удосужитесь завести дневник снов, то быстро обнаружите, что они от этого как будто становятся ярче и многочисленнее. Вам будет все время хотеться уснуть и посмотреть еще один сон. И там, в сновидениях, словно бы сама собой начнет разворачиваться некая таинственная история. Разумеется, если у вас хватит на все это свободного времени.

В 1954 году мы с моей женой Джин нанесли визит господину и госпоже Юнг в их поместье в Асконе. Вот это, я вам скажу, был дом! Он представлял собой не просто конструкцию; это было скорее нечто органическое. Он словно бы рос из земли. Господин Юнг являл собой швейцарца до мозга костей. Он родился в этой прекрасной гористой стране и был изначально близок к ее земле. Его предки, особенно по материнской линии, были родом из деревни. Другой дедушка, врач по профессии, приехал из Германии, но и Германия в те времена была страной аграрной. Крестьянский мир и его ценности были в нем очень сильны. Однако для большинства из нас это не работает, потому что мы вышли из совершенно иной культуры. Нам предстоит найти свою собственную родину.

Начав вести свой дневник снов, Юнг вскоре обнаружил, что его ночные видения в точности соответству-

ют крупным мифологическим темам, которые он изучал в процессе работы над «Символами трансформации». В них начали появляться мандалы — Юнг был первым, кто обратился к мандале как символическому инструменту психологического самопознания.

У Юнга было два добрых друга, которые немало сделали для разработки и дальнейшего развития его идей: выдающийся индолог Генрих Циммер [84], ставший впоследствии моим другом и учителем, и Рихард Вильгельм [85], знаменитый синолог. Эти два джентльмена были великими специалистами по мифам соответственно Индии и Китая. Именно они помогли Юнгу осознать связь между символическими образами снов, которые он зарисовывал в своем дневнике, и восточными мандалами, а также китайской медитацией Золотого Цветка. Получив столь богатую пищу для воображения, Юнг постепенно пришел к выводу, что сны бывают двух порядков: большие и малые.

Малые сны имеют своим источником так называемое сонное сознание, наполненное образами повседневных проблем и трудностей персонального характера. Они приходят из области бессознательного. Малые сны совершенно автобиографичны, и в них практически нет элементов, которые были бы общими для вас и других людей, — вся образная информация просеивается через систему ваших личных запретов и всевозможных «ты не должен» периода младенчества и раннего детства.

84 См. примеч. 30. — *Примеч. ред.*
85 Рихард Вильгельм (1873—1930) — немецкий синолог, переводчик множества канонических философских книг, в т.ч. знаменитой «Книги перемен» («И цзин»). — *Примеч. ред.*

Далее имеется другой класс снов, в которых вы сталкиваетесь с проблемами, не имеющими прямого отношения к вашей личной жизни, возрасту и социальному положению. Скорее они похожи на величайшие вопросы, когда-либо стоявшие перед человечеством. Эти-то сны Юнг и называл большими.

Вот, например, возьмем вопрос, который я уже задавал вам некоторое время назад: что могло бы поддержать вас перед лицом настоящей большой беды? В такие моменты психика и эго вынуждены сражаться с двумя величайшими тайнами мироздания, чья природа непостижима, — с космосом и смертью. Никакое другое животное, кроме человека, не осознает своей трагической беспомощности перед этими могущественными силами. А кроме того, в глубине вашей души скрыта тайна вашего собственного бытия, и с ней тоже нужно разобраться. Эго оказывается в одиночестве перед тремя великими противниками: космосом, смертью и собственной глубиной. Когда вы сталкиваетесь с подобными вопросами (вместо того чтобы решать, стоит или не стоит вам отправляться в постель с тем или иным человеком), это говорит о том, что вы находитесь в сфере глобальных проблем человечества. По счастливой случайности великие мифологические системы мира тоже занимаются именно этими вопросами.

Как я уже говорил, эти темы носят универсальный характер. Разумеется, в зависимости от времени и региона они встречаются с теми или иными историческими вариациями; более того, в вашей жизни они будут выглядеть совсем не так, как в чьей-то еще. У каждого мифологического символа есть две характерные особенности, два аспекта, по которым ему

можно дать определение: универсальный и локальный. Для обозначения этих двух аспектов Адольф Бастиан ввел термины *Elementargedanken* и *Vųlkergedanken* соответственно.

В Индии, как мне удалось обнаружить, выделяют эти же два аспекта. Там их называют соответственно *марга* и *деши*. Слово «марга» происходит от корня, обозначающего звериную тропу, и буквально означает «путь». Под маргой индийцы подразумевают путь, которым символ может привести вас к личному просветлению; это путь личной духовности. «Деши», в свою очередь, означает «из такой-то области». Все мифологические символы, следовательно, работают одновременно в двух направлениях: в направлении марги и в направлении деши. Деши, или локальный аспект символа, ведет индивидуума не к личному просветлению, но к культурному контексту, связывая человека и общество.

Хорошо укорененная в мифологии культура содержит символы, немедленно пробуждающие в вас сопричастность: они представляют собой живые связи, позволяющие вам одновременно наладить контакт с внутренней тайной и с внешним культурным контекстом. Однако, когда культура использует символы, в которых больше нет жизни, которые больше не работают, она обрывает эту связь. Марга, или *Elementargedanken*, указывает путь назад, к самой сути вопроса. Рассматривая символ скорее с универсальной точки зрения, нежели с локальной, вы получаете смысловые коннотации, которые приведут вас на путь самопознания и просветления.

Чтобы найти свой миф, нужно определить, на какие традиционные символы отзывается ваша душа, и ис-

пользовать их как основу для медитации. Дайте им поработать на вас.

Ритуал есть не что иное, как драматичное, зримое, активное представление мифа. Принимая участие в ритуале, вы попадаете внутрь мифа, и миф начинает работать на вас — при условии, разумеется, что лично для вас его образы значимы.

Но если вы просто выполняете формальные действия без подлинного погружения и живого отклика, ожидая, что они волшебным образом отправят вас на небеса, — потому что вы совершенно твердо знаете, что крещеные детки попадают на небеса, — то используете ритуалы и образы абсолютно неправильно.

Прежде всего вспомните, подобно Юнгу, свое детство. Символы, внедренные в вашу душу в ту пору, остаются наиболее мощными и по сей день. Думайте не о том, как они связаны с социальными институциями, которые, скорее всего, давно уже мертвы и не вызывают особого уважения. Подумайте о том, как символы работают для вас. Позвольте им подействовать на ваше воображение. Соединив силу воображения с древними знаками, вы получите маргу — символическую энергию, открывающую путь в самое сердце тайны.

Мое твердое убеждение, подкрепленное богатым жизненным опытом, состоит в том, что изучение компаративной мифологии — самое лучшее средство для того, чтобы постичь символический образ во всей его полноте и узнать, как можно к нему приблизиться. Символы необычайно красноречивы сами по себе; они охотно говорят с теми, кто умеет слушать. В своих попытках объяснить суть образа, разум никогда не сможет исчерпать все оттенки его смысла, все предоставляемые

им многочисленные возможности. Образы на самом деле ничего не *означают*; они просто *живут*, как живем вы и я. И говорят они с тем зерном личности, которое тоже просто живет.

Спросите художника: «Что означает ваша картина?» Если он в достаточной степени презирает вас, вы услышите ответ.

Суть в том, что, если вы просите автора рассказать вам, что означает его картина, это говорит только об одном: вы ее даже не видели. Что означает закат? Что означает цветок? Вы готовы объяснить мне тайный смысл коровы?

Будду еще называют *Татхагата* — «так пришедший». Он таков, каков он есть. Вот и вселенная тоже «так пришла». Все ее элементы зависят друг от друга и друг друга порождают. В буддизме это называется доктриной взаимного порождения.

С особой остротой я ощутил это, когда побывал в Японии, в Нагасаки, на который мы сбросили вторую атомную бомбу. Если первая была трагедией, то вторая — просто непристойностью. Там есть большая площадка как раз под эпицентром взрыва, а на ней — огромнейшее изваяние, указующее пальцем в небеса, ровно в ту точку, откуда упала бомба. А еще там есть музей всего того, что случилось в Нагасаки и с его жителями в результате взрыва. Там есть настенные росписи, и картины, и обломки того, что некогда было городом, а потом оказалось сметено с лица земли. Потом, конечно, Нагасаки отстроили заново — новый, современный город, за исключением этого вот места, которое превратили в парк, в место для воспоминаний и размышлений.

И вот я, американец, один из тех, кто сбросил на них эту бомбу, — однако в моих отношениях с японцами не было ни чувства вины, ни обвинений. Ибо то, что, по вашему мнению, свалилось вам на голову, вы же сами и создали. То, что вы сделали с другими, случилось с вами. И японцы знают это совершенно твердо. Поверьте, для меня это было подлинное потрясение.

Все эти догматичные разглагольствования о смыслах и моральных ценностях не имеют никакого отношения к сущности тайны. Это бытие, и единственный способ ощутить свою собственную бытийность по отношению к тайне тайн — это работа с базовыми мифическими образами.

Есть такой уровень сонного сознания, который связан непосредственно с вашей глубинной природой, а не с личной биографией. Глубинная же природа двойственна по самой своей сути. Сначала идет животная составляющая, система инстинктов, общая для всех представителей человеческого рода. Далее на сцену выходит духовная жизнь: то, что происходит от шеи и выше.

Ни у одного другого животного нет там, наверху, этой замечательной штуки, которая называется разумом. Когда доктор Фрейд начал рассматривать идеи и побуждения верхнего конца позвоночного столба через понятийную систему его нижнего конца, он совершил кардинальную ошибку. Поскольку назначение всей мифологической образной системы состоит как раз в том, чтобы помочь нам подняться в царство духовного, ее интерпретация в чисто физическом, биологическом ключе сбрасывает нас назад, на землю; она попросту убивает символ. Мы разделяем с животными желание жить, стремление к выживанию и к безопасности. Мы,

как и они, испытываем потребность в сексуальном удовлетворении и жажду победы и престижа. И тем не менее мы несем в себе потенциал для совершенно иного уровня восприятия — уровня, достичь которого можем в мгновение ока.

Данте описал этот момент просветления в своей «Vita Nuova» — момент, когда он обрел Беатриче и превратился из обычного человеческого животного в поэта. Можно было бы рассматривать ее как эротический объект, но Данте видел в ней манифестацию красоты; он воспринимал ее на принципиально ином уровне.

Его постигло то, что Джеймс Джойс называл эстетическим шоком [86]. Вот оно, начало духовной жизни. Как сказал Данте на первых же страницах этой пленительной книги: «Дух моих глаз изрек: "Обрел ты наслаждение свое". Дух жизни в сердце произнес: "Владыку ты обрел". Дух тела возопил: "Отныне страданья твой удел!"» [87]

Престиж, безопасность, социальные взаимоотношения — все эти потребности исчезают. Ее образ блистал на конце луча тайны, исходившего из самой глу-

86 Этот вопрос рассматривается в книге Joseph Campbell, *Mythic Worlds, Modern Worlds: Joseph Campbell on the Art of James Joyce*, Edmund L. Epstein, PhD, ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2004), pp. 19—25. — *Примеч. издателя.*

87 Перед нами свободный перевод Кэмпбелла фрагмента из второй главы «Новой жизни» Данте Алигьери. В оригинале он выглядит так:

> In quello punto dico veracemente che lo spirito de la vita, lo quale dimora ne la secretissima camera de lo cuore, cominciò a tremare sì fortemente, che apparia ne li menimi polsi orribilmente; e tremando disse queste parole: «Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur michi». In quello punto lo spirito animale, lo quale dimora ne l'alta camera ne la quale tutti li spiriti sensitivi portano le loro percezioni, sì cominciò a maravigliare molto, e parlando spezialmente a li spiriti del viso, sì disse queste parole: «Apparuit iam beatitudo vestra». In quello

бины вселенной. Последовав по этому лучу, поэт приблизился к средоточию мировой тайны (в том виде, в каком она являла себя во времена Данте), а именно — к Святой Троице.

Итак, прежде всего вы должны найти внутри себя то, что вами движет. Разумеется, это что-то будет работать именно на человеческом уровне. И работать оно должно таким образом, чтобы это было адекватно той стадии жизненного пути, на которой вы находитесь. Вы должны понять, под знаком какого архетипа проходит эта стадия, и в полной мере прожить его. Попытки жить по архетипу уже пройденной стадии служат одной из основных причин неврозов. Я уже говорил о сорокалетних младенцах, рыдающих на кушетке психоаналитика. Им недостает веры в собственные оценки и суждения, и потому они всегда ищут внешних авторитетов.

То же самое происходит и когда человек пытается удержаться в наивысшей точке жизни. Путь уже идет

punto lo spirito naturale, lo quale dimora in quella parte ove si ministra
lo nutrimento nostro, comincið a piangere, e piangendo disse queste
parole: "Heu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps!"— Примеч. издателя.

Русский перевод этого фрагмента, выполненный И.Н. Голенищевым-Кутузовым, таков: «В это мгновение — говорю поистине — дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении. И, дрожа, он произнес следующие слова: "Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi" (1). В это мгновение дух моей души, обитающий в высокой горнице, куда все духи чувств несут свои впечатления, восхитился и, обратясь главным образом к духам зрения, промолвил следующие слова: "Apparuit iam beatitudo vestra" (2). В это мгновение природный дух, живущий в той области, где совершается наше питание, зарыдал и, плача, вымолвил следующие слова: "Heu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps"(3)».

(1) «Вот пришел бог сильнее меня, дабы повелевать мною».

(2) «Ныне явлено блаженство ваше».

(3) «О, я несчастный, ибо отныне часто буду встречать препятствия». — *Примеч. перев.*

под уклон, но он продолжает думать, что находится на самом верху. И, как мы уже видели, отправляется на рыбалку. Мужчина под семьдесят уже должен научиться подцеплять на крючок что-то получше форели. Хотя бы русалку... или двух. И он сам это знает.

Когда маска, которую вы носили большую часть жизни, трескается, когда вы теряете веру в нее, вне зависимости от стадии жизни может наступить психическая регрессия. Когда целое сообщество лишается своих мифологических представлений, оно оказывается в ментальном тупике. Именно это и происходило с нами на протяжении последней пары веков. Ничто уже ничего не означает, ибо образы нашей религии связаны с тем, что происходило тысячелетия назад, и не в силах пробудить мир, в котором мы с вами живем. Это задача наших современных поэтов и художников.

Один из наиболее ярких примеров того, что происходит, когда система символов оказывается уничтоженной, можно найти в истории американских индейцев. На протяжении второй половины XIX века их культура была практически стерта с лица земли. Духовная жизнь и религиозные культы охотничьих племен Великих равнин центральной части североамериканского континента основывались на поклонении бизону и связанных с этим обрядах. Бизон был главным символом этой культуры. Животное, которому предстояло быть убитым, предлагало себя в добровольную жертву ради нужд человеческого сообщества с условием, что будет проведен специальный обряд, долженствующий вернуть его кровь и его жизнь земле, после чего оно сможет возродиться. Мы уже встречались с этим сюжетом в легенде племени сиу о девуш-

ке, вышедшей замуж за вожака стада бизонов. Это был договор о взаимопонимании, заключенный между человеческим и животным сообществами; в этом и заключалась суть бизоньего культа, распространенного среди всех равнинных племен. Все общинные представления о мире были так или иначе задействованы в этом ритуальном цикле.

В последней трети XIX века происходило массовое избиение американских бизонов. Причин тому было две: во-первых, чтобы они не попадали под поезда, которые пересекали континент во всех направлениях; и во-вторых, что более важно, чтобы индейцам стало не на кого охотиться и они были вынуждены уйти жить в специально для этого отведенные резервации. Ба-бах! Мифология целого социума лишилась своего центрального образа. Ритуалы, песни и танцы — все они утратили реальность, ибо восходили к тому миру, которого больше не существовало.

Что же случилось дальше? Как раз в это время с юго-запада проник культ пейота, распространившийся по равнинам наряду с ритуальными танцами духов. Индейцы утратили внешний образ своего сообщества и обратились внутрь, чтобы обрести в его формах содержание, которого они были, увы, лишены.

То же самое происходит сейчас и в нашем мире. Когда внешний мир не в силах вызвать у вас чувство психологической сопричастности, вы естественным образом обращаетесь внутрь. Можно уйти внутрь при помощи пейота, мескалина, ЛСД или тому подобных вещей; можно использовать для этого медитацию иного свойства.

Лучший метод медитации — взять какой-либо религиозный символ, нимало не беспокоясь о том, реа-

лен ли он с исторической точки зрения, и помня, что он указывает исключительно на внутренний план реальности. Выберите образ, на который собираетесь медитировать. Наша теперешняя культура представляет собой ледниковые отложения останков мифологических традиций. Все мифологические образы человечества собраны в наших музейных экспозициях. И наши современники берут египетские, ацтекские или любые другие символы и используют их как ресурс для внутренней работы. Что может быть лучше?

У Уильяма Батлера Йейтса есть потрясающая работа «Видение»[88]. Он был уже порядком в летах, когда женился на молодой женщине по имени Джорджи Хайд-Лиз. Вскоре после замужества она стала писать автоматически — то есть записывать то, что само собой сходило с пальцев, не пропуская информацию через голову. Так она умудрилась записать всю философскую систему Йейтса, о которой он сам покамест не имел ни малейшего понятия. Вот это, я понимаю, девушка, на которой стоит жениться!

А писала она вещи весьма таинственные — вернее, позволяла им самостоятельно выходить из-под ее пера. Йейтс воспринимал эту информацию как ниспосланную духовными сущностями — он был в своем роде оккультистом. «Видение» — книга весьма сложная, но есть в ней одна система образов, которая представляется мне весьма важной ввиду темы нашей сегодняшней беседы. Она имеет отношение к тому, что Йейтс называет маской — маской, которую мы вынуждены носить, что-

88 Уильям Батлер Йейтс (1865—1939) — ирландский поэт, драматург, мистик, лауреат Нобелевской премии, член герметического ордена Золотой Зари. — *Примеч. перев.*

бы жить [89]. Эта идея очевидным образом пересекается с юнговским понятием персоны. Вы должны надевать маску; вы должны носить костюм; вы должны что-то собой представлять или, по крайней мере, чем-то казаться. Но и это еще не все.

В «Видении» Йейтс выделяет два типа маски — первичную и антитетическую [90]. Первичная маска представляет собой роль, которую общество вынуждает вас играть. Когда вы рождаетесь на свет, ваши родители начинают передавать вам жизненные модели, определяющие общественный порядок, к которому они принадлежат, надеясь при этом, что усвоенные в детстве доктрины смогут провести вас по тернистым путям жизни. Первая половина жизни обычно посвящена налаживанию отношений с миром. Здесь работает деши — образная система локальной культуры, привязывающая вас к миру и побуждающая стать его частью. Общество и родители ожидают, что вы станете жить в соответствии с теми представлениями, которые они имеют на ваш счет.

Когда я был маленьким, мы играли в такую забавную игру с пуговицами: «Богач, бедняк, нищий, вор». «А ты кто будешь?» «А я буду мусорщиком!» Вот они, жизненные перспективы, сиречь первичная маска, которую вы принимаете от общества.

89 Здесь и далее Кэмпбелл неправомерно смешивает йейтсовскую маску с юнговской персоной, что концептуально неверно. У Йейтса маска, представляющая собой одну из четырех Способностей (Воля, Маска, Творческий ум и Тело судьбы), есть объект приложения воли, цель устремлений индивидуума. — *Примеч. перев.*

90 *Первичными* у Йейтса называются все рациональные, объективные, «солнечные» качества; *антитетическими* — природные, субъективные, «лунные». — *Примеч. перев.*

Существует и вторая разновидность маски, которую Йейтс и его жена называли антитетической. Здесь начинается самое интересное. В конце отрочества, когда вы приближаетесь к зрелости, перед вами начинает брезжить иная жизненная перспектива, весьма отличная от той, что предлагает вам общество. «Они меня совершенно не знают! Я уникален. Во мне скрыты великие таланты, и, черт возьми, я намерен выяснить какие!» И тут-то вы и оказываетесь перед проблемой поисков своего личного мифа.

Мистер и миссис Йейтс метафорически передали этот конфликт между первичной и антитетической маской через образ двадцати восьми дней лунного месяца. В первый день цикла, когда совершенно темно, вы рождаетесь на свет. Ваш рост начинается в темноте. Природа и общество заставляют вас надеть первичную маску и идти вперед. В конце первой недели — то есть на восьмой лунный день — наступает первая четверть, время отрочества и, что более важно, пробуждение потенциала полной луны, или антитетической маски. Внезапно в вас разгорается желание узнать свою судьбу, отыскать собственный путь и пройти его до конца. Возникает чувство отторжения первичной маски и протеста против общества, которое ее на вас надело. Вас охватывает стремление вырваться из его тенет: «Дайте мне *быть*!» Вы вступаете в битву — а дальше все зависит от удачи.

На пятнадцатый день цикла наступает полнолуние. Антитетическая маска достигает полной реализации: пик карьеры, середина жизни. Если вы намеревались чем-то стать, знайте: сейчас вы в зените.

Далее тьма начинает прибывать снова. К двадцать второму дню снова берет верх первичная маска; приро-

да вступает в свои права. Проявления индивидуальной жизни все уменьшаются и уменьшаются; вы все больше времени тратите на докторов, на сон и тому подобные почтенные занятия.

А на двадцать восьмой день нить обрывается.

Такова тайна жизни и ее маски. Что делать, когда вершина пройдена и дорога начинает петлять по склонам вниз? Превратитесь ли вы в старика, который просто потихоньку дряхлеет, прислушиваясь к тому, как медленно разрушается его организм? Или в момент полнолуния вы успели совершить качественный скачок и обратиться к свету солнца?

На Великих равнинах центральной части североамериканского континента такое происходит каждый месяц. Ровно в пятнадцатый день лунного цикла солнце садится на западе в тот самый момент, когда луна восходит на востоке. Они примерно одного размера, почти одинаковы по цвету, и видеть их можно одновременно. Это момент полноты всех жизненных сил, наступающий в середине пути; в нем стремление жить своей собственной жизнью достигает апогея. Отныне фокус начинает постепенно перемещаться в сторону духа, сознания. Луна символизирует жизнь тела, которое несет внутри себя свою смерть. Только чистый дух может с любовью и состраданием созерцать, как ваше тело повторяет судьбу прочих земных тел, прозревая в этом великий цикл жизни, общий для всех живых существ.

Я часто прошу своих студентов во время лекции поднять глаза и посмотреть на источник освещения в классной комнате. Источник света может быть один или несколько. Так или иначе, все они описываются общим термином «свет».

Когда лампочка перегорает, никто не станет причитать: «Ах, бедная лампочка, мы так ее любили! Это трагедия, подлинная трагедия!» Если лампочка вам особенно нравится — если у нее какая-нибудь особенная форма или что-то вроде того, — вы не станете вворачивать ее в плафон, а положите на каминную полку, но так или иначе особых проблем это вам не доставит; на ее место вы просто ввернете другую.

О мире можно думать двумя разными способами: или как об отдельных лампочках, или как о свете в целом, являющем себя через посредство этих лампочек. Теперь, если перевести взгляд на людей в комнате, вы увидите не лампочки, а головы. Что находится в головах? Сознание. Каждая голова есть вместилище сознания. Тогда я задам вам вопрос: с чем вы идентифицируете себя — с лампочкой или со светом? С телом или с сознанием? Я сейчас говорю о базовых мифологических мотивах. Задача юности — достичь к зрелому возрасту полного осуществления возможностей вместилища (то есть тела) наилучшим для сознания образом. И вот в точке зенита внутренний центр тяжести переносится от забот о состоянии вместилища сознания к идентификации с самим сознанием. Когда средоточием вашей жизни станет сознание, вы с удивлением обнаружите, что можете спокойно отпустить тело. И это — великое испытание полнолуния.

Это тот кризис, который испытал Данте на тридцать пятом году жизни; это видение «Божественной комедии», в котором вся вселенная предстает в виде манифестации не столько сознания, сколько, словами Данте, любви. Он идентифицировал себя с этой трансцендентной любовью, проистекающей от выс-

ших престолов и являющей себя в прекраснейших формах, одной из которых и была для него Беатриче. Ни одна культура, за исключением современной и той, что бытовала в Европе в эпоху позднего Средневековья, не позволяла индивидуумам развивать антитетическую маску. В западном мире все мифологические образы нацелены на то, чтобы пробудить в человеке именно йейтсовскую антитетическую маску. Это поистине замечательный мир, потому что в определенном смысле он по природе своей антитетичен — антитетичен по отношению к первичной маске. Антитетическая маска, так же как и бессознательное «я» в юнговской модели устройства сознания, представляет возможности вашего развития и самоосуществления.

Все ориентальные культуры ожидают от человека, что он будет жить согласно тем моделям, которые предлагает ему общество. Иными словами, они предполагают идентификацию с первичной маской, которую Фрейд называл суперэго. В Индии ее именуют *дхармой*, или долгом; в Китае — *дао*, или путем. В любом случае концепция подразумевает отождествление себя с культурным образом.

Таким образом, если продолжить логическую линию до конца, в восточной культуре нет того, что люди Запада могли бы назвать человеческими существами в полном смысле этого слова, а есть лишь повторения того, что было до них. Одни умирают, и им на смену приходят другие, делающие все то же самое: совершенно статичный социум, достигший своей полной реализации. Сущность и характер западной культуры побуждают нас, напротив, идентифицироваться с антитетической маской.

Нам все время и со всех сторон твердят о революции. Революция подразумевает не столько разрушение чего-то старого, сколько привнесение чего-то нового. Если вы будете все время думать о том, что ненавидите, оно возьмет вас в плен, и вы окажетесь связаны своими негативными мыслями. Найдите внутри себя подлинное стремление и достаньте его наружу. Это то, что вам дано: одна-единственная жизнь, которую нужно прожить. Маркс учил нас винить общество в своей слабости и недолговечности; Фрейд настаивал, что вина за них лежит на наших родителях; астрология считает, что во всем виновато мироздание. Но единственное место, где на самом деле можно искать виноватых, — это внутри; это у *вас* кишка оказалась тонка, чтобы воплотить свое полнолуние и прожить жизнь, на которую вы были способны.

Функции мифологии в традиционном обществе и в наши дни

Позвольте мне еще раз очень кратко охарактеризовать те функции, которые исполняла мифология в традиционном обществе. Давайте попробуем выяснить, осталось ли что-нибудь от этой мифологии (и ее функций) в нашем теперешнем мире.

Первой функцией, напомню, является пробуждение в индивидууме чувства священного трепета и глубокой благодарности перед лицом великой тайны бытия. В старых традициях — я хочу сказать, в самых древних, — делался акцент на приятии мира таким, каков он есть. Это вовсе не легко: вы смотрите на мир, видите, как одни создания убивают других, и понимаете, что жизнь вечно пожирает самое себя.

У вас может появиться чувство, как появлялось оно у многих до вас, что подобный каннибализм слишком ужасен, чтобы его можно было вынести: «Я в этом участвовать не буду. Я так не играю!» Эту перемену в образе мышления я называю Великим Переворотом. В истории человечества он произошел в VI веке до н.э., когда Будда заявил: «Вся жизнь — страдание». А от страдания всегда можно спастись.

— Я так не играю.

— Отлично. Выходи из игры. Забирай мяч и биту и отправляйся домой.

Итак, перед нами два основных подхода к той ужасающей тайне, что лежит за пределами добра и зла: принятие и отрицание.

Зороастризм предложил третий способ обращаться с загадкой бытия, введя идею о двух равноправных божествах: злом и добром. Один бог представлял свет и истину, а другой — тьму и ложь. Хороший бог создал хороший мир, а плохой его испортил. То есть мир, в котором мы с вами живем, есть мир испорченный, искаженный. Между силами добра и силами зла идет непрерывная борьба, и каждый приглашен принять в ней участие на стороне первых и помочь восстановить первоначальный хороший мир. Здесь нет ни безоговорочного приятия, ни огульного отрицания жизни, а есть некий компромиссный — своего рода прогрессивный — взгляд на мир.

Насколько я могу судить, таковы три основных способа мировосприятия. Можно жить в абсолютном приятии. Как изумительно сформулировано в одном буддийском афоризме: «Этот мир — со всеми его ужасами, тьмой и жестокостью — есть золотой лотос, исполненный всяческого совершенства». Если вы не в состоя-

нии увидеть его таким, мир в этом не виноват. Невозможно улучшить то, что и так совершенно. Можно лишь созерцать это и через созерцание прийти к осознанию своего собственного совершенства. Другими словами, можно в себе самом обрести невиданную доселе глубину, лежащую за пределами боли и страданий. В буддизме есть божество, именуемое *бхайравананда* и воплощающее «блаженство и экстаз ужаса»[91]. Да, такова жизнь — поистине ужасное испытание.

Те, кто отрицает жизнь, взыскуют чистоты: «Я исполнился духа; я пройду сквозь врата солнца и не стану пятнать себя тьмой лунного цикла. Прощайте все. Я не вернусь».

Прогрессивный или, лучше сказать, мелиоративный подход утверждает: «Пошли туда, мы все исправим». Это похоже на брак с целью исправить своего супруга, и такой подход, как правило, ставит вас в позицию превосходства: «Если бы Господь спросил меня, я бы дал ему парочку советов».

Вторая функция мифологии — представить вам стройную картину мира, проникнутую священной тайной в том виде, в каком вы ее понимаете.

Задача художника — представить для вас реальность так, чтобы она излучала свет. Пропущенный через призму взгляда мастера предмет, мимо которого вы прошли бы, не заметив, озаряется внутренним смыслом и повергает вас в эстетический шок.

Наша сегодняшняя космология предлагает нам образ невероятно богатой и разнообразной вселенной, не имеющей ничего общего с тем детским садиком, о ко-

91 Бхайравананда — один из эпитетов Шивы. Также одна из степеней посвящения в некоторых тантрических сектах. — *Примеч. издателя.*

тором говорится в христианском Писании. Взять хотя бы полет человека на Луну. По мне, так высадка астронавтов на Луну была самым главным мифологическим событием XX века. На глазах у всего человечества одно-единственное событие полностью перевернуло все наши тысячелетние представления о вселенной и о нашем в ней месте. Раньше господствовало представление, что эти небесные огоньки — Луна, Марс, Венера, Меркурий и все прочие — являют нам свет иного уровня бытия, гораздо более высокого, чем мы можем себе представить на этой несчастной маленькой Земле. Когда Галилей распознал в наших земных законах баллистики те же великие законы, что движут солнце и светила, он первым вступил на путь, завершившийся вот этими следами гусениц на лунном грунте.

Помню, перед тем как была произведена посадка «Аполлона-10» на Луну, я услышал по радио удивительную, потрясающе глубокую с космологической точки зрения фразу. Когда астронавты обогнули лунную орбиту — как раз после того, как они прочитали первые строки Книги Бытия, — их спросили, кто в данный момент пилотирует корабль. И ответ был: «Ньютон!»

В своем введении к «Метафизике» Кант задал вопрос: «Как так получается, что мои математические вычисления, сделанные *здесь*, внизу, являются абсолютно верными *там*, наверху, причем я могу это утверждать с аподиктической точностью?»[92] Как я могу быть уверен в целостности пространства и знать при этом, что те законы, которые рождает моя мысль, действуют повсюду в мыслимой вселенной? Когда дело дошло до

92 Emmanuel Kant, *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird aufireten können*, par. 36—38. — *Примеч. издателя.*

высадки на Луну, никто и представить себе не мог, насколько глубоким там окажется слой пыли. Я никогда не забуду тот ужасный момент, когда нога человека в первый раз должна была ступить на лунную поверхность: кто победит — человек или Луна? Никто не знал, на что это будет похоже, зато все знали, сколько топлива сожгут двигатели, чтобы доставить все оборудование назад, на корабль, ждущий на Земле в Тихом океане.

Иными словами, законы пространства, массы и энергии были уже в точности известны человеку; он носит эти законы в собственной голове. Законы пространства, времени и причинности заключены в нас самих, и все, с чем мы можем столкнуться в окружающей реальности, будет действовать по этим законам. Что такое вселенная? Пространство. Из пространства когда-то образовалась туманность, а из туманности — миллионы галактик, в одной из которых оказалось наше Солнце с носящейся вокруг него маленькой планеткой, на которой мы все живем. Потом на планетке появились мы — глаза, уши и сознание, дыхание самой Земли. Мы — дети Земли, а поскольку она образовалась из окружающего пространства, стоит ли удивляться, что законы этого пространства живут внутри нас? Между внешним и внутренним миром наблюдается потрясающее согласие, и это вовсе не похоже на то, как если бы некий Господь что-то такое в нас вдохнул; наоборот — все известные нам боги суть проекции наших фантазий, нашего сознания, глубочайшей сути нашего бытия. В чем-то боги — ровня нам.

Из моих речей вы можете понять, что у нас с вами сейчас есть другая, не похожая на прежнюю мифология, выраженная языком других космологических пред-

ставлений. Всякий раз, глядя на луну, попробуйте думать о ней в этом ключе, и, уверяю вас, ощущения будут совершенно другими.

Третья, социологическая функция мифологии дает нам законы, по которым нужно жить в обществе. Разумеется, ни одно общество в наши дни не осмелится заявить, что в точности знает, каковы будут эти самые законы на ближайшие десять лет. Все, что мы считаем хорошим, рано или поздно превращается в свою противоположность. Вследствие этого мы сейчас оказались перед лицом экологической катастрофы. Каждый день мы снова и снова убеждаемся в том, что законы должны меняться вместе с образом жизни. Мы больше не знаем, что такое безопасность. И должны сами ее себе обеспечивать.

Последняя, педагогическая функция мифологии предоставляет индивидууму возможность связать внутренний психологический мир с внешним, феноменальным. Мне представляется, что педагогические системы унаследованных нами от предков традиций просто не в состоянии работать для всех, так что перед каждым встает задача разработать свою собственную педагогику. А теперь позвольте мне сделать краткий обзор того, как, согласно воззрениям Юнга, мифологические образы работают в нашей жизни.

Однажды мне довелось читать лекцию на северо-западе Тихоокеанского побережья. Я говорил о том, как Данте воспринимал возрасты человека, — у него была своеобразная астрологическая схема великого цикла жизни.

В отличие от четы Йейтс с их лунными метафорами, он уподоблял человеческую жизнь дневному пути солнца. Он выделял четыре основных возраста, или периода жизни, соответствующих четырем частям дня, для

каждого из которых был определен должный набор добродетелей. Первым из них считается детство, которое продолжается — вы не поверите! — до двадцати пяти лет. Свойствами детства являются послушание, чувство стыда, привлекательная внешность и приятность в обращении. Это, так сказать, утро жизни.

С двадцати пяти и до сорока пяти следует период зрелости. Это вершина жизни, и для нее Данте определяет добродетели, достойные средневекового рыцаря: умеренность, храбрость, любовь, учтивость и верность. Если вы живете так, как того требует от вас общество, то в возрасте примерно лет тридцати пяти вы уже прожили и избыли все, чему вас учили, и, следовательно, сами обретаете способность учить. Это, собственно, день.

Промежуток от сорока пяти до семидесяти лет Данте называет возрастом мудрости. В Индии мудрецы в обязательном порядке удаляются в лес, но не у нас, на Западе. Здесь пожилые остаются в обществе, наблюдая за ним критическим взглядом и делясь с молодыми своим опытом. Для этой стадии пути должны быть характерны мудрость, справедливость, щедрость, жизнерадостность и юмор. В конце концов, вам уже нечего терять; в жизни наступил вечер.

Период от семидесяти и до конца Данте зовет дряхлостью. Ее качества: умение смотреть назад, на жизнь, с благодарностью, а вперед, на смерть — как на возвращение домой. Наступает ночь.

Это маленькое расписание, эта модель — пример чистого мифа.

И вот, когда моя лекция в Сиэтле завершилась, ко мне подошла одна молодая леди и очень серьезно заявила:

— Ах, мистер Кэмпбелл, вы ничего не понимаете в современной молодежи. От детства мы теперь переходим прямиком к мудрости.

— Отлично, — ответил ей я. — Единственное, что вы при этом упускаете, — это сама жизнь.

Итак, суммируем: чтобы найти свой миф, нужно постичь свои подлинные стремления, отыскать источник силы и поддержки и четко знать, на какой стадии жизни вы находитесь. Проблемы юности и проблемы старости — вещи разные. Не пытайтесь прожить свою жизнь слишком быстро. Если слишком много слушать всяких гуру, вы перепрыгнете ее одним махом в попытке обрести мудрость, минуя опыт. Мудрость должна быть собственной, а не заимствованной, и приходить постепенно.

Наш мозг состоит из восемнадцати миллиардов клеток или что-то около того. На свете нет двух одинаковых мозгов; нет двух одинаковых рук; нет двух одинаковых людей. Можно принимать советы и наставления от других, но ищите свой собственный путь, подобно рыцарям короля Артура в темном лесу.

Именно это свойство западного духа, столь глупое и романтичное, поражает людей других культур. Чего мы ищем? Реализации неповторимого потенциала, скрытого в каждом из нас. Этот квест вовсе не игрушка для эго; это настоящее приключение, цель которого — в том, чтобы принести миру великий дар — самого себя.

В жизни нет ничего важнее самореализации. Через нее вы превращаетесь в знак, в символ, проницаемый для трансцендентного; именно так вы отыщете и проживете свой личный миф и сами станете его воплощением.

Часть третья. Путешествие героя

Глава шестая. «Я» в качестве героя[93]

У нас на Западе индивидууму предоставляется полное право — оно же почетная обязанность — самому искать свою судьбу[94]. И не только искать, но и определять. Но станете ли вы это делать?

Конечно, кому не понравится иметь много денег, надежный тыл и кучу свободного времени? Однако позвольте заметить: те, у кого денег нет, часто обладают смелостью, достаточной, чтобы поставить на кон собственную жизнь, а иногда действительно так и делают. Деньги в расчет не принимаются, ибо в нашей культуре их ценность не столь уж велика.

Мне случалось преподавать студентам из финансовых слоев общества, и могу сказать, что самыми счастливыми из них далеко не всегда были самые обеспечен-

93 Материалами для этой части книги послужили записи двухдневного фрагмента более продолжительного симпозиума под названием «Исследования», который Кэмпбелл провел в Эсаленском институте в Биг-Сюр (Калифорния) с 16 ноября 1972 г. по 20 марта 1973 г. (L1183 — L1185). — *Примеч. издателя.*

94 Начало этой главы взято из единицы хранения L472. — *Примеч. издателя.*

ные. На самом деле они, как правило, наименее счастливы и удачливы, потому что их ничто не трогает, ими ничто не движет. Очень часто случается так, что студент, обладающий всеми талантами и возможностями и вдобавок не имеющий недостатка в деньгах, так никем и не становится, оставаясь на всю жизнь простым дилетантом. Ничто не заставляет его принимать решения, искать свой путь, заявлять: «Я так хочу, и я это сделаю». Как только то, чем он занимается, становится трудным, как только начинает требовать усилий, он бросает начатое дело и обращается к новой цели, а потом еще к одной, и так далее, и так далее. Они разбрасываются и так никогда ни к чему и не приходят. А молодые люди без средств нередко ставят себе блестящие цели и отважно их достигают.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что мы тут в Штатах или вообще на Западе совершенны. Наша культура лишь предоставляет каждому возможность найти свою судьбу. Чтобы сделать это, существует несколько путей.

Первый из них — ретроспекция. В своем замечательном эссе под названием «Об очевидной цели в судьбе индивидуума» Артур Шопенгауэр указал, что, достигнув почтенного возраста — например, моего — и оглянувшись на свою жизнь, вы сможете различить в ней некий сюжет, словно бы придуманный автором-романистом [95]. События, которые, казалось, произошли по

95 Arthur Schopenhauer, «Über die anscheinende Absichtlichkeit im Schicksale des Einzelnen» (Leipzig: Ed. Frauenstaedt, 1851). Кэмпбелл читал эту работу в оригинале, поэтому приведенное в тексте ее название представляет собой его собственный перевод с немецкого. Английский перевод этого эссе можно найти в E.F.J. Payne, ed., *Six Long Philosophical Essays*, vol. 1, *Parerga and Paralipomena* (Oxford: Clarendon Press, 2000) pp. 199ff. — *Примеч. издателя.*

счастливой или досадной случайности, вдруг оказываются центром всей композиции.

Так кто же придумал этот сюжет? Шопенгауэр полагал, что наша жизнь, как и наши сны, направляется *волей* — или тем «я», которого мы, как правило, не осознаем. Мы видим во сне свою жизнь, говорил Шопенгауэр, подобно Вишну, спящему на семиглавом змее[96].

Моя книга «Мифы, в которых нам жить» была составлена по материалам лекций, которые я давал в Куперовском союзе[97] на протяжении двадцати четырех лет[98]. Относительно себя самого могу сказать, что за это время я очень вырос и дальше ушел по пути личностного развития, а мои идеи претерпели значительные изменения. Однако, сведя воедино все свои записи за истекший период, я с удивлением обнаружил, что все эти годы писал об одном и том же. Это помогло мне лучше понять, что мною движет. Я не имел четкого представления о том, что это такое, пока не осознал сквозную тему, красной нитью проходившую через всю книгу. Двадцать четыре года — довольно значительный промежуток времени, за который успело произойти множество разных событий. А я — все там же и стучусь в ту же дверь. Там, внутри — мой миф.

Еще один способ заглянуть в прошлое — отыскать старые дневники или записи, которые вы вели много

96 Согласно популярным вишнуитским воззрениям, бог Вишну, спящий посреди молочного океана на тысячеглавом мировом змее Шеше, видит во сне мироздание, которое существует только благодаря этому. — *Примеч. перев.*

97 См. примеч. 3. — *Примеч. ред.*

98 Joseph Campbell, *Myths to Live By* (New York: Penguin, 1983). — *Примеч. издателя.*

лет назад. Уверяю, вас ждет не один сюрприз. В них обнаружатся потрясающие прозрения о сути бытия, осенявшие вас в те времена. Все это — движущие силы вашей тогдашней жизни.

Но как быть, если вам непременно захотелось узнать свой миф прямо в процессе его проживания? Что ж, другой способ определить свою судьбу (или свой миф) — это последовать примеру Юнга: наблюдать за своими снами, делать осознанный выбор, вести дневник и подмечать, какие темы снова и снова всплывают на поверхность. Изучать эти темы и символы и смотреть, на какие из них отзывается душа.

Сейчас мне хотелось бы сделать обзор архетипического мифа о путешествии героя, с которым я работал в книге «Тысячеликий герой»[99]. Перед нами то, что Джойс называл мономифом: архетипическая история, источником которой служит коллективное бессознательное. Этот мотив может проявляться не только в литературе и мифах как таковых, но — если вы способны его почувствовать — в разработке сюжета вашей собственной жизни. Схематичный план путешествия героя включает уход из привычного мира, разнообразные приключения, некую символическую реализацию и возвращение к нормальной жизни.

На первой стадии путешествия герой оставляет свое привычное окружение, каким бы оно ни было. Возможно, вы хотите уйти, потому что оно слишком подавляет, и таково ваше осознанное решение. А быть может, вы вдруг слышите *зов к приключениям*, плени-

99 Joseph Campbell, *The Hero With a Thousand Faces* (Princeton, N.J.: Princeton University, 2004, centennial ed.). — *Примеч. издателя.*

тельный и искушающий — и покидаете родное гнездо. В европейских мифах этот зов нередко воплощен в образе животного, например, оленя или вепря, за которым охотник бросается в погоню, мчится, не разбирая дороги, и оказывается в незнакомой части леса. Он больше не знает, где он и куда идти дальше. И тогда начинается приключение.

Еще один типичнейший случай зова к приключениям — это когда у героя отбирают что-то или кого-то и он отправляется на поиски, полагаясь на волю неизвестных и могущественных сил.

С другой стороны, герой может и отвергнуть зов — он слышит или чувствует его, может быть, даже обдумывает, но по той или иной причине отказывается ему следовать. Он придумывает себе основания не ходить, или просто чего-то боится, или сомневается, но результат все равно один — он остается. Финал у мифа получается принципиально иной, чем в случае если герой принимает вызов неизвестности.

Я думаю, что так называемая шаманская болезнь — один из наиболее ярких и интересных примеров зова, встречающихся в реальной жизни. Собирая материал для первого тома моего «Исторического атласа мифов народов мира» [100], я наткнулся на множество упоминаний этого недуга у самых разных племен мира. Обычно молодой человек отправляется в одиночку на морской берег, в горы или в лес и слышит там неземную музыку, вслед за которой перед ним являются видения, что само по себе равноценно зову.

100 Joseph Campbell, *The Historical Atlas of World Mythology*, vol. 1, *The Way of the Animal Powers* (New York: Alfred van der Marck Editions, 1983). — *Примеч. издателя.*

В любом из этих сообществ быть шаманом — доля далеко не простая, и многие молодые люди вовсе не рады своему жребию. К сожалению, те, кто решил отвергнуть зов, долго не живут. Они либо умирают, либо, пытаясь вести нормальную жизнь, превращаются в полных ничтожеств, которых Томас Элиот называл «полыми людьми»[101].

Ранее я уже говорил о женщине из Западной Вирджинии, которая на склоне лет решила пройти курс психоанализа. Ее переполняло чувство, что она потратила свою жизнь зря, что она — всего лишь пустая оболочка, лишенная содержания. В процессе анализа она вспомнила, как гуляла по лесу и услышала прекрасную музыку; к сожалению, она не знала, что делать с этим опытом. Она так и не прожила ту жизнь, к которой звала ее музыка. Если бы она жила в первобытном сообществе, ее семья и шаман племени прекрасно знали бы, что делать. Если зов пропадет втуне, ваша душа иссохнет, а смысл жизни окажется утрачен навеки.

Если же вы откликнулись на зов, вас ожидают опасные приключения. Да, они всегда опасны, ибо индивидуум вынужден покинуть знакомый мирок своего родного сообщества. В мифологических сюжетах это тема выхода за пределы сферы известного в великое неизвестное. Я называю это переходом порога. Это переход из мира сознательного в бессознательный, который может быть представлен многими и многи-

101 T. S. Eliot, «The Hollow Men», *The Waste Land and the Other Poems* (New York: Signet, 1998). — *Примеч. издателя.*

Имеется в виду поэма английского поэта Томаса Стернза Элиота (1888—1965) «Полые люди», выражающая отчаяние современного человека, осознающего, что мир утратил связь с истинными культурными ценностями и идет к саморазрушению. — *Примеч. ред.*

ми образами в зависимости от культурного контекста и места бытования мифа. Герой может уплыть в океан, уйти в пустыню, заблудиться в лесу или оказаться в странном незнакомом городе. Это может быть восхождение в верхний мир или нисхождение в нижний, или путешествие за горизонт — но так или иначе это всегда приключение, путь в неизвестность, ведущий сквозь пещеру, заколдованные врата или сталкивающиеся скалы.

Вы спросите: в чем значение этого символа сталкивающихся скал? Это совершенно замечательный образ. Мы с вами живем по сю сторону тайны, в мире, состоящем из бинарных оппозиций: правда и ложь, свет и тьма, добро и зло, мужское и женское — и все остальное, что составляет основу рационалистического мировоззрения.

Однако у нас еще есть интуиция, способная проникнуть за пределы добра и зла, — именно так и открываются врата в тайну. Но интуиция работает краткими вспышками, после чего сознание возвращается и вновь закрывает дверь. Суть путешествия героя состоит в том, чтобы физически переступить порог, пройти через дверь непознанного в тот мир, где дуалистические законы больше не действуют.

Будучи в Индии, я очень хотел познакомиться с настоящим первоклассным учителем. Но слушать опять всю эту чушь про майю, и необходимость отвергнуть мир, и все такое прочее я был совершенно не намерен. Мне этого вполне хватило за предыдущие пятнадцать или двадцать лет. Поэтому я долго и методично прочесывал окрестности, пока кто-то не рассказал мне об одном учителе из Тривандрума, небольшого городка,

расположенного в юго-западной части Индии. Звали его Шри Кришна Менон [102].

После целой серии приключений мне наконец удалось добиться встречи с этим замечательным человеком. Мы сидели на стульях друг напротив друга — это выглядело как откровенное противостояние. Разумеется, первыми его словами были: «Что вы хотите у меня спросить?»

По удивительной случайности, как я узнал потом, мне удалось задать ему тот же самый вопрос, который *он* задал своему гуру, когда встретился с ним в первый раз. Вот что я спросил: «Если все есть *Брахман*, если все, что нас окружает, — это божественный свет, как мы можем отвергать хоть что-то? Как мы можем отвергать невежество? Как можем отвергать жестокость? Как можем говорить "нет" хоть чему-то в жизни?»

«Ну, между нами, мы говорим всему этому "да"», — ответил он на это. А потом дал мне небольшую медитацию — отыскать себя между двумя мыслями. Мы все время заняты мыслями о себе. У нас имеется также некий образ себя — наше эго. Что же происходит между двумя мыслями?

Вкус этого состояния дают нам почувствовать те самые вспышки интуиции. Одна мысль, другая мысль, рябь на воде сознания... Случались ли у вас когда-нибудь мгновенные озарения, далеко превосходившие все, что вы могли о себе подумать? Это та таинственная область, которая служит источником всей вашей силы и энергии. И подобно этому, когда герой переступает порог, он про-

102 Об этой встрече рассказывается в записках Кэмпбелла о путешествии в Индию «Baksheesh and Brahman: Asian Journals — India», pp. 277—278. — *Примеч. издателя.*

сто оказывается за пределами бинарных оппозиций, выходит из-под власти добра и зла. В этом суть образа сталкивающихся скал, и сомнений в том быть не может.

Этот же мотив встречается в мифах как живая дверь. Ее можно обнаружить в сказаниях американских индейцев, у древних греков, у эскимосов и во многих других частях света. Это архетипический образ, символизирующий прохождение суда.

Еще одним испытанием на пороге может стать встреча со своим темным двойником, с тенью. В мифе это битва светлого героя с темным, который может явиться как в облике дракона, так и под видом злого и хитроумного врага. В любом случае герой должен уничтожить его и целым и невредимым попасть в иной мир.

Еще один образ ритуального перехода — расчленение, разделение тела героя на части. В этом случае вы вступаете на путь приключений мертвым. Именно это происходит в мифе о египетском боге Осирисе, где его убивают, разрубают на части, а затем собирают вновь. Это типичнейший сюжет в такого рода историях. Вспомните отца невесты бизона в легенде блэкфутов, которого тоже затоптали до смерти, а потом оживили.

После того как суд пройден, герой воскресает к новой жизни. Есть много вариантов отображения этого сюжета и много способов прожить его. Иногда герой встречается с персонифицированными демонами или богами — как, например, в Тибетской книге мертвых, — а иногда в мифах и снах он предстает в виде долгого пути через высокие горы или темные морские воды.

В том или ином случае — разрубленный на части, прибитый к кресту или проглоченный гигантским китом — вы оказываетесь в царстве смерти. Христос тоже

совершил этот переход: распятие стало тем порогом, за которым его ждало воссоединение с Богом-Отцом.

Если вы уже пересекли порог и если это действительно ваше приключение — если вы готовы к нему и оно отвечает вашим глубинным духовным потребностям, — на пути вам обязательно встретятся существа, готовые оказать магическую помощь. Это может быть маленький лесной эльф, или мудрый старик, или фея-крестная, или дух в образе животного, который станет вашим спутником и советчиком и будет предупреждать об ожидающих на пути опасностях и рассказывать, как можно их преодолеть. Вы получите волшебные предметы и образы для медитации, узнаете священные мудры (жесты и положения рук) и мантры (слова, которые нужно произносить или просто держать в голове), которые помогут вам не сойти с пути. Путь ваш часто узок, как знаменитый мост из лезвия меча, и, если вы соскользнете с него, никто не сможет помочь вам и вы навек останетесь блуждать в дебрях нижнего мира.

Получив магическую помощь, вы должны будете пройти серию чрезвычайно опасных и трудных испытаний. Чем глубже вы забираетесь, тем сильнее сопротивляется среда. Причина в том, что вы вступили в те области бессознательного, которые некогда были подавлены. Здесь обитают тень, анима с анимусом и другие неинтегрированные части «я». Это область тотального подавления, и вам предстоит преодолеть ее. Именно на этой стадии пути вам отнюдь не помешает магическая помощь.

Эти испытания символизируют процесс самопознания и инициации в тайну жизни. На пути индивидуации вас поджидают четыре типа препятствий.

Первое из них — эротического толка. Это свидание с совершенной возлюбленной; я называю это встречей с богиней. Перед героем стоит задача интегрировать свою аниму. В алхимической традиции это мистическое событие называется священным браком, иерогамией. Юнг очень много писал об этом [103]. В мифах о путешествии героя священный брак — это союз с мировой богиней или иным воплощением ее силы, рангом пониже. Это история о принце и Спящей красавице или о женитьбе героя «Рамаяны» царевича Рамы на царевне Сите.

Однако, если вы не готовы, богиня может появиться и не в столь благожелательной форме. Актеон, лишенный контакта со своей анимой, увидел Артемиду, купающуюся в пруду, и эта встреча имела для него совершенно фатальные последствия. Богиня превратила его в оленя, и его до смерти затравили собственные собаки. Также анима может явиться в образе коварной соблазнительницы, суккуба, увлекающего героя прочь с выбранного пути.

Для женщины священный брак проявляется в форме любовного союза с богом. В «Метаморфозах» Овидия полно богов, преследующих нимф; вам является прекрасный бык или золотой дождь, и вот уже ситуация разрешается ко всеобщей радости. Получившееся в результате дитя становится знаком примирения противоположностей, союза женского и мужского начал. Именно в этом подлинное значение мифологемы Девственного Рождения. Она символизирует женщину,

103 Любопытно, что последняя завершенная работа Юнга была посвящена как раз исследованию символизма иерогамии в мифах и алхимической традиции: *Mysterium Conjunctionis*, 2d ed., vol. 14, *The Collected Works of C.G.Jung* (Princeton N.J.: Princeton University Press, 1977). — *Примеч. издателя.*

получившую вдохновение для новой жизни через вмешательство божественных сил. В мифах такого рода следующим этапом пути является вынашивание, а затем и рождение ребенка, как это случилось, например, с Иохаведой, давшей жизнь Моисею. Помните, что ребенок здесь в любом случае символизирует не физическое дитя, а новую духовную жизнь.

Итак, следующий этап нашего пути — священный брак. Им всегда заканчиваются волшебные сказки: жених поцеловал невесту, и они жили долго и счастливо до конца своих дней. Как человек, проведший почти полвека в счастливом браке, могу вам сказать, что «жили долго и счастливо» — это только начало. Для многих мифов это всего лишь первая строка — как и для самой жизни.

Еще один момент самореализации, ждущий героя на этом пути испытаний, — примирение с отцом, которое, вне всяких сомнений, представляет собой мужской ритуал перехода. Сын отделяется от отца и ведет жизнь, не соответствующую наследию рода и своему истинному положению. Возможно, он живет где-то под видом девочки, как Ахилл, или крестьянского мальчика, как Парсифаль. Быть может, его приняли за царевича, но он оказался в неподобающем окружении, как это случилось с Моисеем. И вот во время путешествия герой находит отца, пребывающего в глубинах иного мира далеко от матери, — можно сказать, что герою приходится пройти весь материнский мир, чтобы попасть в отцовский.

В мифах о примирении с отцом женщина играет роль либо проводника, либо соблазнительницы, которая препятствует герою в достижении его целей. В индуист-

ской традиции майя женский принцип, олицетворяющий феноменальный мир, обладает властью как освобождать, так и скрывать и туманить путь. Во втором случае она выступает в ипостаси коварной колдуньи, а в первом является в виде мудрой женщины, окутанной сиянием, своего рода Владычицы Озера.

В христианском символизме тема примирения с отцом является ключевой; через распятие Христос попадает прямо к Отцу. У подножия креста на христианских религиозных картинах изображается Мария. Во многих культурах знак креста символизирует одновременно землю и женское начало. Сама Мария есть крест; она была вратами, приведшими Христа из вечности в земную реальность, и она же теперь провожает его обратно. Рождение в мир есть распятие духа, а распятие тела освобождает дух и позволяет ему вернуться домой, в вечность.

В фильме Джорджа Лукаса «Возвращение джедая» Люк Скайуокер рискует жизнью, чтобы спасти своего отца Дарта Вейдера. Перед нами мотив примирения с отцом, отыгранный с поистине трагическим размахом: сын спасает отца, а отец спасает сына.

Третьей станцией на пути самореализации является апофеоз, когда герой понимает, что он уже есть то, чем хочет стать. Лучший пример этого — когда Гаутама Шакьямуни достигает состояния просветления и осознает, что он — Будда.

Таковы три основных аспекта самореализации: иерогамия, священный брак, интеграция анимы или анимуса; примирение с отцом; апофеоз, осознание себя во всей полноте — так Гаутама, сидя под деревом бодхи, внезапно осознал себя воплощением вселенского сознания Будды.

Четвертый тип самореализации в значительной степени отличается от первых трех. Это не медленное продвижение по пути тайн, а отважный и жесткий рывок, сокрушающий все препятствия, и овладение желанной целью: так Прометей похитил у богов огонь. Вариация той же темы — поиски невесты: герой потерял свою возлюбленную и намерен найти ее и отобрать у чудовища, которое ее похитило. Супругу Рамы Ситу украл царь демонов Равана. Большая часть «Рамаяны» посвящена как раз тому, как Рама возвращал ее назад. Перед нами типичнейший пример мифа о поиске невесты.

В любом случае, как только герой завладел сокровищем, примирение с силами нижнего мира уже невозможно — не будет ни священного брака, ни возвращения к отцу, ни апофеоза. Вся структура бессознательного яростно сопротивляется деянию героя, и ему приходится спасать свою жизнь.

Это уже состояние психоза. Вы добыли некое знание из глубочайших бездн бессознательной части своего «я», и теперь тамошние демоны вырвались на волю и алчут мести. Далее следует замечательный мотив волшебного полета, который часто встречается в волшебных сказках и в мифах американских индейцев.

Бегущий от опасности герой бросает назад через плечо гребенки, превращающиеся в леса, камушки, поднимающиеся горами, и зеркальца, разливающиеся озерами на пути преследователей. За ним по пятам несется чудовище — как правило женского пола, ибо бессознательное нередко является как воплощение материнской силы в ее жестоком, негативном аспекте.

Далее герой снова пересекает границу миров, теперь уже в обратном направлении. Я называю это возвраще-

нием через порог, ибо герой всегда возвращается из бездны тем же путем, каким он в нее спустился. Но так ли легко вернуться назад, в мир солнечного света? Возникает естественный вопрос: ожидает ли вернувшегося, так сказать, спонтанная ремиссия или силы нижнего мира будут преследовать его и дальше?

Кризисы нисхождения в нижний мир и возвращения оттуда сто2ят друг друга. Если в первом случае вас проглотил кит (как, например, Иону), он же и извергнет вас в конце концов обратно. Если в мир приключений привела вас вода (как Иосифа — колодец в пустыне или Одиссея — винноцветное море), по воде вы и вернетесь (как вернулся подлинный герой Ветхого Завета — *народ* — через море Чермное или Одиссей к берегам родной Итаки). Если вратами к индивидуации стали для вас Симплегады — сталкивающиеся скалы из мифа об аргонавтах, то и на выходе вас будет поджидать что-то подобное.

Суть мифа в следующем: вы должны вынести на солнечный свет то, за чем отправлялись в подземное царство, — неосознанный и неиспользуемый потенциал своей души. Подлинная цель всего путешествия героя — вернуть этот потенциал в мир, то есть себе, живущему в этом мире. Обретенное сокровище понимания вы должны принести назад и интегрировать в рациональную жизнь. Не будем даже и говорить, насколько это трудно. Вернуться с обретенным даром подчас куда сложнее, чем спуститься за ним в бездны бессознательного.

Вот, скажем, молодой человек приезжает в Нью-Йорк, чтобы изучать искусство. Из своего родного Висконсина он попадает в потусторонний мир Гринвич-виллидж, населенный таинственными нимфами,

которые вдохновляют и соблазняют его, и находит там мудрого учителя, и в конце концов с их помощью и после долгой и тяжелой работы создает свой собственный художественный стиль, в котором находит выражение его талант.

Первый кризис для него связан с тем, чтобы не скопировать стиль своего учителя; а найти свой собственный. В любой творческой работе этот момент чрезвычайно важен. На своем веку мне довелось видеть немало забавных эпизодов. Некоторые учителя совершенно не хотят, чтобы у их учеников был какой-то свой стиль; в результате творческий дух студента начинает бунтовать, и это выливается в яростную ненависть к наставнику.

Далее, обретя неповторимый индивидуальный стиль, молодой человек отправляется на 57-ю улицу продавать свои работы, и его встречает холодный взгляд дилера. Нужно, чтобы миру недоставало именно того, что вы готовы ему предложить, — только тогда у вас есть какие-то шансы. А миру, как правило, совершенно невдомек, что ему позарез нужен именно тот дар, который вы ему принесли. Итак, вы пришли из нижнего мира, неся миру потрясающий новый дар, и готовитесь переступить порог во второй раз. Есть три возможных варианта развития событий.

Первый: мир отказывается вас принимать. Никому нет никакого дела до ваших великих сокровищ. Что вы будете делать в таком случае? Можно сказать себе: «А ну его все к черту. Я возвращаюсь обратно в Висконсин». Потом вы купите себе собаку и трубку и будете жечь сорняки у ворот и писать себе картины, которые обнаружат две тысячи лет спустя и назовут лучшим, что было в живописи XX века. Иными словами, вы уходите в глу-

бину своего обретшего новую цельность «я», а мир пускай катится к черту.

Второй вариант: можно задаться вопросом, а чего они, собственно, хотят? Вы теперь владеете всеми необходимыми навыками и можете предложить обществу то, что оно попросит. В результате получается то, что называется коммерческим искусством. Вы продолжаете твердить себе: «Когда у меня будет достаточно денег, я брошу это безобразие и займусь наконец настоящим искусством». Разумеется, этого никогда не произойдет, поскольку вы приняли все возможные меры, чтобы не дать себе выпустить свой потенциал наружу, и со временем он просто иссяк от полного неупотребления. Однако у вас остались карьера и положение в обществе, а это уже что-то.

Третий путь состоит в том, чтобы попытаться найти какую-то, возможно, достаточно узкую сферу применения своего дара, какой-то сегмент социума, в котором он может быть востребован. Это педагогический подход, при котором вы можете помочь обществу осознать его подлинные потребности.

Таковы три дороги назад, в солнечный мир, и иных нам не дано.

Перечислим их еще раз. Первый вариант — отказ возвращаться. Второй — возвращение на условиях, продиктованных обществом, так что вы на самом деле ничего не можете ему дать: оно берет только то, что хочет само. И третий, педагогический путь — попытаться найти средства, приемы или что-то еще, что позволит вам поделиться с обществом своими находками хотя бы в том виде и в тех количествах, которые соответствуют возможностям его восприятия. Это можно сделать всегда, хотя такой вариант требует большого терпения и сострадания.

Если же вообще ничего не получится, вам еще остается преподавание.

И все же если вам удалось закинуть обществу хотя бы маленький крючок, возможность передать свое послание рано или поздно представится. Я знаю это наверняка.

Художник, обретший свой собственный голос, выработавший неповторимый стиль, возвращается в мир и берется за преподавательскую работу, начиная обучать других искусству. Быть может, он и не использует свой потенциал на полную катушку, но его род занятий позволяет оставаться верным себе и нести свой дар обществу в той мере, в какой оно готово его воспринять. Преподавание дает ему достаточно средств для жизни; он продолжает писать для себя и постепенно завоевывает зрительскую аудиторию.

Я сам посреди Великой Депрессии оказался в глухом лесу; других занятий, кроме чтения, у меня не было, и я прочитал пять лет напролет, сидя без работы и денег. В годы моей молодости — а именно на них пришлась Депрессия — те, кого можно было бы назвать представителями контркультуры, были совершенно отрезаны от общества. Им просто не находилось в нем места. Это вовсе не то же самое, что отвергнуть общество добровольно — из духа противоречия или с намерением изменить существующие порядки.

Итак, что же я делал? Я читал. Я переходил от одной книги к другой, от одного мыслителя к другому. Я шел по пути своего счастья, хотя совершенно не имел понятия, что занимаюсь чем-то подобным.

А потом я нашел работу. Я с головой погрузился в Шпенглера, Юнга, Шопенгауэра и Джойса, и вот в один

прекрасный день пришло письмо: «Не согласитесь ли Вы занять должность преподавателя литературы в колледже Сары Лоуренс?» Когда я увидел этих молодых леди, то понял — я хочу эту работу. Зарплата тогда была две тысячи двести долларов в год.

Я горел желанием вернуться в мир и поделиться с ним тем, что узнал. Я следовал за своей путеводной звездой. Все, чему я учу вас, я узнал за те пять лет в лесу.

Примерно в то же время, когда я начал преподавать, увидела свет эта потрясающая книга — «Поминки по Финнегану». И никто ее не понял — никто, кроме меня и еще пары таких же сумасшедших ирландцев. Все, о чем говорил Джойс, для меня уходило корнями туда, в пять лет моего затворничества. И тогда я пришел к другому такому же ненормальному, моему коллеге Генри Мортону Робинсону [104], и сказал: «Какие-нибудь дураки обязательно должны объяснить миру, про что это все написано. Давай это будем ты и я?» Так появилась моя первая книга «Отмычка к “Поминкам по Финнегану”» [105].

Следует отметить, что мы работали над этой книгой пять лет — и не смогли ее продать ни одному издателю. Мы уже были готовы опубликовать ее за свой счет, а это стоило бы совершенно чертову кучу денег, когда мне случилось отправиться в театр на пьесу Торнтона Уайлдера «Кожа наших зубов» [106], которая была тогда на

104 Генри Мортон Робинсон (1898—1961) — американский писатель и поэт, получивший известность благодаря роману «Кардинал» (1950). — *Примеч. ред.*

105 Joseph Campbell and Henri Morton Robinson, *A Skeleton Key to Finnegans Wake* (San Francisco: Harcourt Brace Jovanovitch, 1988). — *Примеч. издателя.*

106 Торнтон Уайлдер (1897—1975) — американский писатель. В русском переводе пьеса известна как «На волосок от гибели» (1942). — *Примеч. перев.*

Бродвее настоящей сенсацией. И со сцены я услышал именно «Поминки по Финнегану». Я был единственным человеком в городе, который знал это, и ловил сыпавшиеся со сцены цитаты буквально на лету. Вот так и возвращаются в мир.

Я позвонил Робинсону и завопил в трубку: «Святые угодники, этот Уайлдер делает кучу денег и купается в славе, а ведь это всего лишь "Поминки по Финнегану"!»

Джойс как раз недавно умер, и его семья сильно нуждалась.

— Думаю, мы должны написать письмо в «Нью-Йорк таймс», — заявил я Робинсону и просто пересказал ему, что услышал со сцены, потому что пьесу еще не опубликовали.

Он позвонил Норману Казинсу[107] из «Сатэдэй Ревью» и сказал:

— «Кожа наших зубов» — это «Поминки по Финнегану» в чистом виде. Тебе это интересно?

— Привези мне статью к вечеру, — ответил тот.

Мы написали Казинсу статью, он прочитал ее и предложил назвать «И чьих же зубов кожа?». Все передовицы Соединенных Штатов были наши[108].

А потом все колумнисты Америки набросились на нас, словно эскадрилья истребителей. Началась настоящая война! Уайлдер превратился в капитана Уайлдера, потом

107 Норман Казинс (1912—1990) — американский журналист, писатель, психолог, основатель гелотологии («смехотерапии»), автор сенсационной книги «Анатомия болезни с точки зрения пациента»; на протяжении сорока лет работал редактором литературного обозрения «Сатэдэй Ревью». — *Примеч. ред.*

108 Ознакомиться со статьей, с ее продолжением «И чьих же зубов кожа? Часть II», а также с размышлениями Кэмпбелла по поводу романов Джеймса Джойса можно в книге Joseph Campbell, *Mythic Worlds, Modern Worlds*. — *Примеч. издателя.*

в майора, едва не дойдя до генерала. Да кто они такие — эта пара ирландцев? И еще один, из-за океана, этот ваш Джойс со своими Улиссами и Финнеганами — разве за это мы воевали, за это проливали кровь? Явно не за это. Однако «Поминки» никто прочитать не мог, и потому никто не знал, правду мы говорили или нет.

Тогда все шумною толпою отправились к Уайлдеру, и этот щукин сын сказал им:

— Посмотрите мою пьесу и прочитайте «Поминки по Финнегану», тогда посмотрим, что вы скажете.

Разумеется, они не смогли их прочитать.

Они утверждали, что Уайлдер — великий американский писатель и его пьеса имеет фольклорные корни, уходящие глубоко в плодоносную американскую почву. Сам он заявил, что все случилось на совершенно дурацком мюзикле под названием «Hellzapoppin»[109]; пьеса просто шлепнулась ему на колени, словно новорожденная Афина прямо из Зевсовой головы.

Разумеется, все это была полная чушь.

— Успокойся. Давай просто подождем, — сказал я Робинсону. — Пусть они как следует накричатся.

Затем «Кожа наших зубов» была напечатана и номинирована на Пулитцеровскую премию и на «Тони»[110]. Я тщательно прочесал пьесу и обнаружил около двухсот пятидесяти аналогий — персонажи, темы — и даже одну дословную цитату на целых четыре строчки.

109 Бродвейский мюзикл, поставленный в 1930-е гг. Также известен фильм 1941 г. выпуска под тем же названием, известный в русском переводе как «Ад раскрылся». — *Примеч. перев.*

110 Пулитцеровская премия — одна из самых престижных наград США в области литературы, журналистики, музыки и театра; вручается ежегодно с 1917 г. «Тони» — престижная театральная премия; вручается с 1947 г. — *Примеч. перев.*

Мы написали еще одну статью — «И чьих же зубов кожа? Часть II», выложив параллели для пущей наглядности в два столбца. И это сработало. Награды критиков Уайлдер не получил.

Дальше Казинс спросил нас: «Ну что, ребята, вам еще есть что сказать?» И мы подумали: а что, если дать ему первую главу нашей «Отмычки»? Казинс передал главу в издательство «Хэркорт Брэйс», которое раньше уже отказалось публиковать книгу. Они в свою очередь послали ее Томасу Элиоту, который ответил: «Немедленно покупайте!»

Вот так мы ее и продали. Это снова о возвращении в мир — было много работы, но в конце концов все увенчалось успехом.

Есть и другая возможность. В Вудстоке, где я провел большую часть Депрессии, я знавал одного художника. У него была хорошая аудитория, галерея, охотно его выставлявшая, и потрясающе типичный коммерческий стиль. И вот однажды с ним вдруг произошла метаморфоза. Случился какой-то психологический прорыв, и в результате у него появился куда более блестящий, индивидуальный и дерзновенный стиль письма. Он принес новые работы в свою галерею и услышал там: «Что вы принесли? Нам такое не нужно. Ваша публика хочет видеть картины вроде тех, что вы писали до сих пор. Так что, пожалуйста, без фокусов».

Успех может стать коварной ловушкой. В Соединенных Штатах это действительно так — и, мне думается, в большей степени, чем где бы то ни было. Все романисты, которых публиковали на протяжении XX века: Синклер Льюис, Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фитцджеральд и другие — прошли через одну

и ту же модель. Они писали свою первую работу, в которой ярко проявлялся их талант, потом еще одну, показывающую мастерство работы с формой, потом еще — дальше совершенствующую форму произведения, и еще, и еще... и вот эта последняя вдруг совершенно неожиданно привлекала внимание публики. Автор тут же пытался удержать успех — и качество работы начинало неудержимо падать. Синклер Льюис явил ярчайший пример такой закономерности. Его ранние работы поднимаются все выше и выше, а потом, после «Эроусмита», — полный коллапс. То же самое произошло и с Хемингуэем. Ранние его вещи просто бесподобны. А после «Прощай, оружие!» — куда что девалось?

Те же закономерности наблюдаются и у художников. К чему плодить картины, повторяющие то, что ты уже делал раньше? Суть картины не в изображенных на ней объектах, а в исследовании природы формы. Привязавшись к единственной ее разновидности, вы каменеете в творческом плане, и жизнь уходит из ваших работ.

А теперь позвольте мне рассказать вам парочку историй, иллюстрирующих архетип путешествия героя. Воспринимайте их как образы для медитации.

Первая история, которую мне хотелось бы рассмотреть, это сказка про принца-лягушонка — самая первая в сборнике сказок братьев Гримм. И начнем мы с маленькой девочки с золотым мячиком — разумеется, принцессы.

Золото — нержавеющий металл, а сфера — образчик совершенной формы. Мячик — это круг ее души; перед нами символ самой принцессы. Эта милая девочка любит гулять по самой кромке леса. В Германии лес — это бездна непознанного, и мы с вами об этом уже говори-

ли. И вот сидит она там, играет с мячиком, а рядом — маленький колодец, питаемый подводным ключом, иначе говоря, вход в подземный мир. Именно это замечательное место принцесса и выбрала, чтобы баловаться с собственной душой. Она подбрасывает мячик и ловит, подбрасывает и ловит, подбрасывает и ловит, пока вдруг — ах, какая неожиданность! — не роняет его прямо в колодец. И почему бы это?

И вот «я» нашей девочки, ее душевный потенциал поглощен внезапно распахнувшейся и так же быстро захлопнувшейся пастью нижнего мира. Когда это происходит, обитающие внизу силы посылают ей навстречу дракона, стража порога — да-да, именно! — в образе маленького гадкого лягушонка. Лягушка на дне колодца в данном случае ничем не хуже сказочного дракона.

Девочка потеряла мячик и, естественно, ударяется в слезы: она же потеряла собственную душу. Это депрессия, потеря сил и радости жизни; что-то очень важное оказалось утрачено. Подобную же потерю понесли и древние греки, о чем рассказывается в «Илиаде»: похищение Елены Прекрасной стало началом всех этих эпических приключений, ибо царевичи и герои Эллады были связаны клятвой вернуть ее назад.

Но вернемся к нашему мячику. Он исчез в пучине, зато ему на смену появился житель подземного мира, лягушонок, который приветливо спросил:

— Ну и что у тебя стряслось, красавица?

— Я потеряла свой золотой мячик, — честно ответила девочка.

— Давай я тебе его достану, — любезно предложил лягушонок.

— Ой, это было бы очень мило с твоей стороны!

— А что ты мне за это дашь? — спрашивает здравомыслящий лягушонок.

Ради того чтобы овладеть потерянным сокровищем, всегда нужно пожертвовать чем-то еще; в таких ситуациях непременно должен происходить обмен. Поэтому принцесса говорит:

— Ну, я отдам тебе мою золотую корону.

— Не нужна мне твоя золотая корона, — качает головой лягушонок.

— Я отдам тебе мое красивое шелковое платье.

— И что я, по-твоему, буду с ним делать?

— Ну хорошо, — сдается она. — Чего же ты хочешь?

— А хочу я есть с тобой за столом из одной тарелочки, и спать с тобой в одной постельке, и чтобы ты со мной все время играла.

— О'кей, — сказала принцесса, явно недооценившая лягушонка, — я на это согласна.

Тот ныряет в колодец и достает ей мячик. Здесь забавно то, что лягушонок по всем параметрам — тоже герой, переживающий приключения. Итак, он уходит в иной мир и возвращается оттуда с игрушкой.

В ответ дева, не затруднив себя изъявлениями благодарности, схватила мяч и была такова.

Лягушонок неуклюже прыгает следом, крича: «Не беги так! Подожди меня!» К несчастью, он скачет очень медленно, и она врывается домой и захлопывает дверь, думая, что оставила его далеко позади.

Следующий кадр. Тем же вечером принцесса, король-папа и королева-мама вкушают ужин. Кажется, в этом дворце стол стоит довольно близко к входной двери, потому что оттуда все прекрасно слышно. И вот они наслаждаются изысканной кухней, когда вдруг на

крыльце раздается мокрое «шлеп-шлеп-шлеп», а девочка вдруг почему-то бледнеет.

— Что случилось, дорогая, что там такое? — спрашивает папа.

— А, это всего лишь маленький лягушонок, которого я встретила в лесу, — отмахивается принцесса.

Мудрый папа на всякий случай спрашивает:

— Ты ему ничего не обещала, дочка?

Тут на сцене появляется кордебалет моральных принципов, или комплекс персоны: одно всегда влечет за собой другое.

Разумеется, принцессе приходится признаться, что да, она кое-что пообещала.

— Открой дверь и впусти его, — велит король.

И вот в пиршественную залу запрыгивает лягушонок. Принцесса совершенно сбита с толку и пытается устроить его под столом, но у него совершенно другие намерения.

— Нет, — говорит он, — я хочу сидеть с тобой за столом и кушать с твоей золотой тарелочки.

Как вы можете легко себе представить, для юной леди ужин оказывается испорчен.

Трапеза подходит к концу, и несчастная девочка отправляется в постель.

Но и тут откуда ни возьмись является лягушонок — шлепает за ней следом вверх по ступенькам и стучится в дверь с криками:

— Впусти меня немедленно!

Она открывает дверь и впускает его.

— Я хочу спать с тобой в твоей хорошенькой постельке, — заявляет скользкий визитер.

Ах, как фрейдисты любят эту сказку!

Однако это уже слишком! У этой сказки есть несколько вариантов окончания; в наиболее известном принцесса целует лягушонка, и он превращается в прекрасного принца. Но мне больше нравится тот, где она хватает его за лапку и кидает со всей силы об стену. Лягушонок, естественно, разбивается вдребезги, и вместо него там оказывается прекрасный принц с ресницами, как у верблюда.

Оказывается, что и у него жизнь сложилась не лучшим образом. Старая ведьма прокляла его и превратила в лягушку. Перед нами маленький мальчик, боявшийся повзрослеть. А принцесса — такая же маленькая девочка на пороге взрослости; оба отказываются переходить в новое качество, но каждый смог помочь другому преодолеть этот невротический стазис. Ясное дело, они тут же влюбляются друг в друга, меняя аниму на анимуса.

А на следующий день после того, как принцесса представила своего избранника мамочке и папочке и вышла за него замуж, перед воротами дворца останавливается королевская карета. Выясняется, что бывший лягушонок — действительно самый настоящий принц и это его карета, которая явилась, чтобы увезти его назад, в родное королевство, которое со времен его превращения в лягушку пребывало в разрухе и запустении. Этот мотив запустения является центральным образом многих средневековых романов в святом Граале. Король — сердце своей страны, и, когда с ним что-то не так, королевство приходит в упадок.

И вот жених и невеста садятся в карету и едут домой. Вдруг раздается грохот.

— Что это такое, Генрих? — спрашивает принц у кучера. — Что там случилось?

— С тех пор как вы пропали, милый мой принц, — отвечает ему верный Генрих, — мне пришлось оковать свое сердце четырьмя железными обручами, и вот один из них только что лопнул.

Потом, пока они едут, грохот раздается еще четыре раза, и лишь после этого сердце кучера начинает биться нормально. Сам по себе кучер очевидным образом символизирует страну, нуждающуюся в принце как образующей и управляющей силе. Но молодой герой не исполнил свой долг перед ней и не ответил на зов, в результате чего ему и пришлось сойти в нижний мир против своей воли. Однако там, в нижнем мире, он нашел свою маленькую невесту. Так что все кончается хорошо.

Я особенно люблю эту сказку, потому что оба ее героя оказываются в беде — на дне метафорического колодца — и помогают друг другу спастись. А средний мир тем временем ждет, чтобы в него вернулся его принц.

Еще одна история, раскрывающая ту же самую модель, встречается у индейцев-навахо. Она называется «Когда двое пришли к отцу», и ей была посвящена самая первая книга, над которой я работал, редактируя труд антрополога Мод Оукс и составляя к нему комментарии.

В легендах американских индейцев вроде этой часто появляются герои-близнецы. Один из них, как правило, более активен, а другой — более созерцателен: экстраверт и интроверт.

Первого юношу зовут Убийцей Врагов. Это экстраверсивный, агрессивный тип личности. Имя второго — Сын Воды. Он волшебник. Их мать, Изменчивая Женщина, зачала их обоих, когда ею овладело Солнце, прервав свой небесный путь.

Кругом рыщут всякие чудовища, и мать говорит им: «Не уходите слишком далеко от дома. Можете свободно гулять в восточном, западном и южном направлениях, но ни в коем случае не ходите на север».

Разумеется, первым делом ребята отправляются на север. А как еще можно выйти за пределы ситуации, если не нарушать правила? Материнский запрет сам по себе и есть зов к приключениям.

Юноши решают отправиться к отцу и добыть у него оружие, чтобы помочь матери и перебить всех чудовищ. Человек Радуги приводит их к пределам известного людям мира, к порогу тайны. Дорога в направлении каждой стороны света перекрыта одним из стражей порога: Отроком Синих Песков, Отроком Красных Песков, Отроком Черных Песков и Отроком Белых Песков. Лестью и обманом наши герои прокладывают себе путь и сообщают стражам, что намерены пойти к своему отцу-Солнцу и получить у него волшебное оружие. В конце концов стражи пропускают их.

И вот братья оказываются за пределами знакомого мира, в чем-то вроде пустыни, где у пейзажа нет вообще никаких примет. Там они встречают маленькую старушку, имя которой — Преклонный Возраст.

— Что вы тут делаете, малыши? — спрашивает она их.

Они отвечают, что идут к своему отцу-Солнцу.

— Вам предстоит долгий путь, — говорит она. — Вы успеете состариться и умереть, прежде чем попадете туда. Вот что я вам посоветую: не идите моей дорогой. Сойдите с нее и ступайте направо.

Мальчики идут дальше и, конечно же, забывают наставления старушки и ступают на ее дорогу. Тут же они чувствуют, что очень устали и постарели; им приходит-

ся найти себе палки, чтобы опираться на них, и вот они уже не могут идти совсем.

Тут снова появляется старушка и говорит:

— Ай-яй-яй, мальчики, а ведь я вас предупреждала!

— Бабушка-бабушка, вылечи нас, пожалуйста! — молят ее мальчики.

Та проводит рукой у себя под мышками и между чресел и натирает своим потом тела ребят. Это возвращает им жизнь.

— Теперь идите и на этот раз держитесь подальше от моей дороги, — говорит им Преклонный Возраст.

И вот мальчики идут по обочине дороги и видят дымок, поднимающийся из-под земли. Это горит огонь, который развела Женщина-Паук — еще один магический помощник, воплощение самой матери-земли.

Она приглашает их в свою земляную норку и кормит особой пищей, которая должна придать им сил. Затем Женщина-Паук рассказывает о том, какие опасности поджидают их по дороге; она вручает им волшебный предмет — перо — и посылает их дальше.

На пути у них встают три препятствия: колючий кактус, сталкивающиеся скалы и острый, как лезвие, тростник. Но волшебное перо, которое дала им Женщина-Паук, помогает преодолеть все трудности.

Наконец братья приходят на берег океана, опоясывающего собою мир, — как видите, и у нижнего мира есть свои градации таинственности. Теперь нужно как-то пересечь водную преграду — и они успешно справляются с задачей, переправляясь все на том же волшебном пере. Есть такое особое место, где океан и небо сливаются воедино; там, в этой голубой стране на востоке, и стоит дом Солнца. Именно там мальчи-

ков и ожидают главные испытания и приключения — все, что случилось до сих пор, было всего лишь прелюдией.

Перед домом Солнца их встречает его дочь; самого Солнца, разумеется, нет дома — оно совершает свой дневной путь по небосклону.

— Кто вы такие, мальчики? — спрашивает их дочь Солнца.

— Мы — сыновья Солнца, — гордо отвечают те.

— Да ну? — удивляется дочь Солнца. — Не уверена, что отцу это понравится. Когда он вернется домой, то наверняка сильно разозлится, так что давайте-ка я вас лучше спрячу.

Она укутывает их облаками четырех разных цветов и прячет за двумя разными дверьми.

Вечером приезжает Солнце и слезает со своей лошади. Щитом ему служит солнечный диск. Он вешает его на стену, и тот принимается жутким образом об нее лязгать. Тогда Солнце поворачивается к своей дочери и спрашивает:

— И кто же эти двое юношей, которые вошли сюда днем? Я видел их с неба.

— Ты всегда говорил мне о том, — отвечает рассудительная девушка, — как важно держать себя в руках. Эти двое юношей — твои сыновья.

— Ну, это мы еще посмотрим, — говорит на это Солнце.

И вот он находит ребят, вытаскивает из укрытий, и дальше начинается то, о чем говорится во многих сказках такого типа: отец подвергает сына или в данном случае сыновей жесткой проверке на выживаемость. Он обращается с ними совершенно безобразно: бро-

сает их на острые скалы — они лишь крепче сжимают перо Женщины-Паука; дает им курить отравленный табак — они знай держатся за свое перо; запирает их в раскаленной бане, чтобы изжарить до смерти, — им все нипочем, у них есть перо. В конце концов отец говорит им:

— Воистину, вы — мои сыновья. Пойдемте-ка, ребятки, в другую комнату.

Там он кладет на пол два одеяла из шкуры бизона и ставит мальчиков на них. Сверкает молния, раздается страшный удар грома, и сыновья Солнца обретают свои настоящие имена, а заодно с ними и оружие, за которым они сюда пришли.

Так происходит примирение с отцом и обретение дара. Мальчикам пора возвращаться домой. Солнце приводит их к дыре в небесах и там, на краю своего мира, устраивает им последнюю проверку: каковы ваши имена? Каково имя Северной Горы? Каково имя Восточной Горы? Каково имя Срединной Горы?

Они правильно отвечают на вопросы, потому что два маленьких духа шепчут им на ухо все ответы. Одного духа зовут Черная Муха, а другого — Ветерок. Мне кто-то рассказывал, что, когда вы путешествуете по пустыне, в какой-то момент прилетает большая муха и садится вам на плечо. Может быть, вы такое видели. Она считается воплощением Святого Духа и может нашептать вам ответы на любые самые важные вопросы.

Тем временем мальчики проходят это испытание и спускаются с неба на Срединную Гору — представляющую собой *axis mundi*, мировую ось, — которая у навахо отождествляется с горой Тейлора, что в Нью-Мексико. У подножия горы располагается большое озеро, на бе-

регах которого обитает архетипическое чудовище, — а надо вам сказать, что невозможно убивать простых нормальных чудовищ, пока вы не покончите с архетипом. Зовут этот архетип Большим Одиноким Монстром. И, что забавно, он тоже сын Солнца.

У чудовищ есть одно важное свойство — они путают тень и отбрасывающий ее предмет. И вот наш Одинокий Монстр видит отражение мальчиков в озере и думает, что его враги — там, в воде. Он решает выпить озеро и погубить их посредством переваривания. Монстр выпивает озеро и тщательно переваривает, затем выплевывает его обратно в берега... и с ужасом понимает, что враги никуда не делись. На самом деле мальчики стоят на другом его берегу и отражаются в воде. Всю последовательность действий несчастный Монстр повторяет четыре раза и под конец совершенно выбивается из сил, несмотря на свои впечатляющие размеры.

Тогда наши герои бросаются в атаку и с помощью Солнца убивают Большого Одинокого Монстра — судя по всему, папа всегда любил их больше.

Покончив с ним, ребята наконец-то отправляются домой и возвращаются в нормальный мир.

Дальше появляется очень интересный мотив, который также встречается во многих мифологических системах мира: герои теряют с трудом обретенное сокровище. Для того чтобы вернуться домой, им нужно пересечь порог в обратном направлении. Из отцовского мира яростного солнечного света они возвращаются в мир женских энергий, где сила солнца укрощена и смягчена до степени, пригодной для жизни.

Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему Зевс всегда скрывал свое истинное обличье, когда наведы-

вался к смертным женщинам? Явление бога в полной славе уничтожило бы все живое в округе. Сила воды должна усмирить солнечный огонь.

В мире, куда приходят мальчики, героям делать нечего; свершив свои геройские деяния, они теперь вынуждены вернуться к простым повседневным делам. Переступая порог, мальчики спотыкаются и роняют подаренное им отцом волшебное оружие, которое разбивается вдребезги.

Тут на сцене появляется Болтающий Бог. Это мужской предок женской линии богов, представляющий таким образом и мужчин, и женщин. Нос его сделан из стебля кукурузы; верхние веки — из обладающего мужским началом дождя, а нижние — из имеющего женскую природу тумана, так что перед нами андрогинный персонаж. Он дает братьям новое оружие и новые советы, после чего мальчики отправляются разбираться с чудовищами, рыщущими вокруг их дома, и, разумеется, убивают их всех. Однако под конец битвы с четырьмя огромными чудовищами они настолько устают, что оказываются буквально на грани смерти.

С небес спускаются боги, которые совершают над героями особые ритуалы и возвращают их к жизни. Что это за ритуалы? Они представляют собой воспроизведение той самой истории, которую я вот уже полчаса вам рассказываю, — истории их жизни.

Именно так поступает психолог, когда пытается выяснить, что с вами не так, почему у вас потерян контакт с бессознательным. Боги проводят для близнецов эту небольшую психодраму и тем самым возвращают им ощущение верности их жизненного пути и контакта с ним.

Об этом ритуале Мод Оукс рассказал старый знахарь-навахо по имени Джефф Кинг в индейской резервации в самом начале Второй мировой войны. Правительство Соединенных Штатов решило призывать юношей-навахо в действующую армию, потому что их язык можно было использовать как идеальный шифр: ни в Германии, ни в Японии никто им не владел. Когда мальчик получал повестку о призыве, Джефф Кинг совершал над ним подобный ритуал, чтобы превратить его в воина. Сам обряд длился три дня и три ночи; за это время вся история жизни мальчика воспроизводилась с помощью песен, танцев и картин — да, они рисовали восемнадцать чудесных картин из песка, по одной на каждый год жизни. Суть ритуала состояла в том, чтобы превратить молодых пастушат в воинов, ибо менталитет воина значительно отличается от склада ума мирного деревенского жителя.

Мы таких вещей не делаем — и в результате получаем внутренние надломы. А все потому, что психика не готова к происходящим с ней переменам. Вот в чем заключалась функция мифа, который я вам рассказал: в нем рассказывается о переходе в качественно новый статус.

Старый Джефф Кинг сейчас лежит на Арлингтонском кладбище. Во время войны конфедератов с апачами он служил разведчиком. В свое время он сам прошел ритуал, который затем извлек из небытия для мальчиков, призываемых на войну. И ритуал стал для них не пустой религиозной формальностью, но живым и действенным средством изменить свою жизнь.

В чем же состоит приключение для мальчиков-навахо? Они переходят от мирной жизни в общине к нелегкому пути воина. Им необходимо претерпеть транс-

формацию — и порогом иного мира для них становится призывная комиссия.

«Одиссея» представляет собой совершенно противоположный тип истории. В «Одиссее» рассказывается о возвращении воина домой. Его задача — оставить позади пути воинов и вернуться в хранимый женщинами мир дома и постели.

В наши дни миф слишком слаб, чтобы помочь нам совершать подобные переходы. Нам остается либо перебирать осколки старых мифов, либо обратиться к искусству.

Недавно я смотрел «Звездные войны». Джордж Лукас пригласил меня и мою жену Джин приехать к нему в округ Марин специально, чтобы посмотреть эти фильмы, — потому что, как он сказал, они были основаны на моих книгах, на идее путешествия героя. Честно вам сказать, я не ходил в кино лет тридцать, так что это было весьма познавательно.

Опыт оказался совершенно сюрреалистический. Утром первого дня мы посмотрели «Звездные войны». После обеда настал черед следующей серии — «Империя наносит ответный удар», а вечером картину довершило «Возвращение джедая». И везде, везде я видел собственные идеи, сомнений в том быть не могло. Из зала я вышел законченным фанатом этого молодого человека. Удивительное артистическое воображение сочеталось в нем с чувством огромной ответственности перед зрителями: все, что он пытается сказать своими фильмами, должно обладать подлинной ценностью. Перенеся действие своей эпопеи в космос, он получил неограниченные возможности, доступные до него только поэтам древности. Когда греческие аргонавты попали в Черное

море, где никто до них не бывал, воображение мифотворца смогло населить его берега самыми необычными племенами и причудливыми созданиями — от амазонок до стимфалийских птиц. Это воистину был чистый лист, на котором фантазия могла развернуться во всю ширь.

Глядя на экран, я понимал, что Лукас планомерно работает со всеми основными архетипами, о которых узнал из моих книг, — в чем он признавался и сам. Например, в фильме «Империя наносит ответный удар» Люк Скайуокер сражается с тем, кого считает Дартом Вейдером, то есть воплощением архетипа злого, темного отца. Он убивает его — и тут видит, что у фигуры его собственное лицо.

Далее, как я уже говорил, в конце «Возвращения джедая» появляется мотив примирения с отцом, исполненный со всей ясностью и недвусмысленностью. Именно к этому моменту и вел сюжет всей эпопеи, представлявшей собой на самом деле пьесу в трех актах: зов к приключениям, путь испытаний и финальное испытание с примирением с отцом и возвращением обратно через порог.

Очень приятно сознавать, что моя маленькая книга сделала именно то, что я хотел, а именно — вдохновила художника, чья работа действительно имеет в мире вес. «Тысячеликий герой» был отвергнут двумя издательствами; во втором меня высокомерно спросили: «Ну и кто, по-вашему, будет все это читать?» Теперь я знаю ответ на этот вопрос.

Художники — это магические помощники. Используя в своей работе мотивы и символы, соединяющие нас с нашей же глубинной природой, они помогают нам следовать путем героя.

Среди литературных критиков и аспирантов-филологов популярна такая игра: нужно определить, как сформировался стиль того или иного автора, откуда взялись их идеи и особенности языка. В процессе создания художественного произведения автора окружает все, что он когда-либо испытывал и переживал, — все детские травмы, все песни, которые он когда-либо слышал, все романы, стихи и статьи, которые прочитал. Его творческое воображение вытаскивает все это из тайников памяти, перемешивает и отливает в принципиально новые формы.

И вот все те мифы, которые вы слышали и на которые отозвалась ваша душа, становятся кирпичиками, из которых вы строите свою жизнь. Интересно пронаблюдать, как они соотносятся друг с другом и какие образуют сочетания в неповторимом контексте вашей личности, а вовсе не в том внешнем окружении, откуда вы их взяли; иными словами, не как эти образы и сюжеты жили в прериях Северной Америки или в джунглях Азии сотни и сотни лет назад, но как они живут *сейчас* внутри вас. Изучая их значение в прошлом, вы сможете постепенно осознать, какую роль они играют в вашей жизни.

Во время восхождения змея кундалини по позвоночному столбу (которое представляет собой фактически еще одно путешествие героя) последнее препятствие, которое ему остается преодолеть на пути между шестой и седьмой чакрами, — это граница между человеческим «я» и его возлюбленным — Господином Вселенной, богом, который *есть* мир и который неизмеримо превосходит его. Но что же это за таинственная граница, ниже которой все делится надвое, а выше больше нет

ни бытия, ни небытия? А это наша старая приятельница *майя*.

Слово «майя» происходит от корня *ма*, означающего «строить» или «отмерять». У майи есть три силы. Первая называется затмевающей, ибо она затмевает свет чистого постижения, делая его недоступным для наших глаз. Вторая сила — проецирующая. Она претворяет чистый свет в формы феноменального мира, подобно тому как призма расщепляет белый свет на семь цветов радуги. Эти силы превращают трансцендентное в мирское, в тот существующий во времени и пространстве мир, который мы с вами знаем, а также во все, что в нем есть.

Если вы возьмете разные краски, нанесете их на диск, а потом станете его быстро вращать, вы снова получите белый цвет. Точно так же можно поступить с красками, сиречь предметами и явлениями этого мира: при помощи творческого воображения организовать их таким образом, чтобы через них воспринимать чистый свет. Это именуется открывающей силой майи, и именно в этом и состоит предназначение искусства. Художник должен так организовать элементы реальности, чтобы через них показать свет предвечный, который есть сияние нашего сознания и который все объекты этого мира скрывают, а при правильном взгляде, наоборот, являют восхищенному оку.

Путешествие героя — один из таких вселенских образов, сквозь которые этот свет сияет особенно ярко. Мне думается, что хорошо прожитая жизнь — это когда одно путешествие героя следует за другим. Приключения зовут вас снова и снова; снова и снова вас влечет к новым горизонтам. И каждый раз возникает один и

тот же вопрос: осмелюсь ли я? И если вы осмелитесь, то вас ждут многочисленные опасности, и помощь, и осуществление мечты, а иногда и фиаско. Ибо возможность фиаско всегда остается.

Но и возможность блаженства — тоже.

Часть четвертая. Диалоги[111]

111 Вопросы и ответы, помещенные в этой части, взяты из тех же лекций, что и основные материалы данного издания. — *Примеч. издателя.*

Глава седьмая. Диалоги

Слушатель: Несколько раньше вы говорили о пирамидах и соборах прошлого. Каковы, по вашему мнению, приметы нашего времени, способные войти в историю?

Кэмпбелл: Одним из величайших достижений нашего века я бы назвал полет человека на Луну. Разумеется, эта заслуга принадлежит не тем, кого интересовала прежде всего экономическая ценность данного предприятия. Если пойти по этой дорожке, то экономика быстро окажется впереди, а все прочие человеческие устремления — сильно позади, и из жизни уйдет всякая радость. По крайней мере, из моей.
Мы с вами живем в безумном мире. Экономика все равно сработает, в этом на нее вполне можно положиться. На каждой кухне есть плоды космических программ — например, посуда из металлических сплавов, на которой легко готовить и которую потом легко мыть. Но что на самом деле важно, так это стремление человека к звездам.

Слушатель: Что вы думаете об Озаркском Христе? (*Смех в зале.*) У них там на холме стоит огромный крест с музыкой и подсветкой[112].

Кэмпбелл: Это очень хорошо, когда кому-то хочется выразить свои эмоции. (*Смех в зале.*) Это просто замечательно. Именно так поступают художники. И, разумеется, они привязаны к архетипическим образам. Но что на самом деле это означает? Когда святой Павел говорит: «Не я живу, но живет во мне Христос»[113], — это одно. Водружать статую Христа на гору — это совсем другое. Возможно, это одна из самых больших проблем в нашей жизни: что делать с Христом, когда он приходит к вам? Спрятать в самой глубине души и сделать движущей силой своей жизни или выставить на всеобщее обозрение и размахивать как знаменем? Это на самом деле непростой вопрос.

Слушательница: А вы что делаете, мистер Кэмпбелл? Каков ваш образ бога?

Кэмпбелл: Обожаю отвечать на такие вопросы.

— Мистер Кэмпбелл, а вы что делаете?

— Вы знаете, я пишу и читаю лекции о мифологии.

112 Христос Озаркский — огромных размеров статуя Христа с распростертыми руками, которая стоит на вершине Магнетик-Маунтин неподалеку от Эврика-Спрингс (штат Арканзас). Статуя в двадцать метров высотой и около 450 тонн весом была возведена по распоряжению Джералда Смита, священника-фундаменталиста, с 1940 г. и до самой своей смерти в 1977 г. известного как «самый выдающийся антисемит Америки». Смит похоронен у подножия статуи. См.: Michael Barkhun, *Religious and the Racist Right: The Origins of the Christian Identity Movement*, rev. ed. (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1966). — *Примеч. издателя.*

113 См. примеч. 23. — *Примеч. ред.*

— Ах, это так интересно! Я тут читал Булфинча[114], это так захватывающе.

— Ну, мне думается, я разбираюсь в ней несколько лучше. Вы верите в бога?

— А как же!

— Замечательно. Бог — это мальчик или девочка?

Алан Уоттс[115] любил рассказывать историю про астронавта с «Аполлона». Когда тот вернулся на Землю, какой-то ушлый журналист пристал к нему с вопросом, видел ли он там, на небесах, бога. «Разумеется, — ответил ему астронавт. — Это женщина. И она черная»[116].

И вот я спрашиваю своего собеседника: «А вы как его себе представляете? Это мужчина? Отлично. Он вверху или внизу? Там кто-нибудь еще есть или он совсем один? Что он собой представляет: это рациональная сила? Нравственная сила? Утверждение? Отрицание? Сила улучшения? Сознание? Бессознательное? Личный бог? Безличная энергия? Думаете вы о нем преимущественно как о мужчине или как о женщине?»

В индийском культе Шакти центральное место занимает богиня. В иудаистском культе Яхве — бог. Вы можете сами задать себе все эти вопросы? На что больше похож ваш бог?

Алан Уоттс как-то спросил меня, какие духовные практики я исполняю. «Я работаю с книгами», — ответил я ему. Все дело в подходе.

114 Томас Булфинч — американский писатель XIX века, известный своими упрощенными пересказами мифологии. — *Примеч. ред.*

115 Алан Уоттс (1915—1973) — американский писатель, священник, теолог, лектор, популяризатор дзен-буддизма и других философских учений Востока, автор около 20 книг. — *Примеч. ред.*

116 Alan Watts, «Images of God», *The Tao of Philosophy*, audio ed. (San Anselmo, Calif.: Electronic University Publishing, 1995). — *Примеч. издателя.*

Лео Фробениус описывает замечательный ритуал, обнаруженный им у пигмеев — охотничьего племени, обитающего в Конго. За свою жизнь Фробениус провел около двадцати экспедиций в Африку, и к одной из них присоединились трое пигмеев — двое мужчин и женщина. Когда у всей честной компании закончилось мясо, Фробениус спросил у пигмеев:

— А не могли бы вы добыть нам газель?

Те возмущенно посмотрели на него:

— Вот просто так пойти и убить газель? Нет, для этого необходимы серьезные приготовления.

Он пошел посмотреть, что они станут делать.

Пигмеи отправились на небольшой холм с голой вершиной, расположенный по соседству. Расчистив весь кустарник, они нарисовали на земле газель и стали ждать. Прошла ночь, и на рассвете следующего дня один из двух мужчин взял лук и стрелы и встал с той стороны, откуда должно было появиться солнце. Затем он пустил стрелу в изображение газели и поразил ее в шею. В то же самое мгновение женщина воздела руки; этот мотив можно встретить на многочисленных наскальных рисунках эпохи неолита — женщина с поднятыми руками и мужчина, пускающий стрелу из лука. А потом они пошли и добыли настоящую газель. Поразив ее стрелой в шею.

Иными словами, действие совершал не человек как таковой, но представитель самой жизненной силы, воплощенной в энергии солнца.

Для того чтобы обряд заработал, необходимо отождествиться с тем, что в нем происходит. Есть одна история — возможно, вы ее уже от меня слышали, — в которой рассказывается о самурае. Его господин был убит, а он, разумеется, в свое время принес ему обет

абсолютной верности, так что теперь его долгом считалось покарать убийцу. После кучи приключений он наконец загоняет этого парня в угол и готовится лишить его жизни своим мечом-катаной, который есть символ его чести. Несчастный в углу кипит от ярости и страха и от полноты чувств плюет в своего обидчика. Последний ничтоже сумняшеся убирает меч в ножны и уходит прочь. Возникает вопрос: почему? Да потому, что это страшно рассердило его, а убить человека в приступе гнева — это уже глубоко личное деяние, которое испортило бы ему все мероприятие.

Охота пигмеев в чем-то очень похожа на кодекс самураев. И то и другое определяется мифологическим отношением к миру. Вы действуете не как индивидуум, но как жрец, через которого вершит свои дела космическая сила, управляющая всеми нами, и проблема состоит как раз в том, чтобы войти с ней в состояние равновесия и быть ее представителем, сохраняя в то же время собственную личность.

Слушатель: Вы говорили о выходе за пределы дуального мира, мира противоположностей. Возможно ли сделать это в земной жизни?

Кэмпбелл: Восприятие жизни по природе своей дуалистично — иного нам не дано. И все же за этой двойственностью стоит ощущение единства, и это тоже данность. Я бы сказал, что главная задача мифологии — помочь нам ощутить то, что Юнг называл *coniunctio oppositorum* — единством противоположностей. Так или иначе, они всегда проникают друг в друга или находятся друг с другом в состоянии прекрасного и гармоничного баланса — словно танцуют. Красота и очарование

танцующей пары заключаются как раз в ощущении гармоничного взаимодействия двух противоположностей.

Всякий раз, когда речь заходит об этих материях, мне приходит на ум игра в теннис. Есть две стороны сетки, и невозможно играть в теннис, если не принять для себя, что в один момент времени ты можешь находиться только по одну сторону сетки. Причём необходимо оставаться верным этой стороне, иначе никакой игры не получится. Поэтому необходимо осознать свойства своего характера, свою роль в игре, на какой стороне сетки ты находишься, и оставаться *там*. Что, впрочем, вовсе не означает, что человек по другую сторону сетки обладает меньшей ценностью, чем вы сами. В этой оппозиции суть игры. Понимаете, о чем я толкую?

Казалось бы, мифы функционируют на совершенно ином уровне, но давайте возьмем все те же противоположности: Зигфрид и убитый им дракон Фафнир — вот типичный подвиг героя, перешедшего порог. Герой и дракон суть противоположности, но, лишь отведав драконьей крови и интегрировав драконье «я» в структуру собственной личности, он начинает понимать язык птиц. Невозможно войти в контакт с природной силой, которая объемлет и тебя, и другого, пока не примешь и не интегрируешь ранее отвергнутую часть себя, — которую, собственно, и воспринимал как другого. В том, что мы становимся именно такими, а не какими-то другими, виноваты травмы, случающиеся в нашей жизни — в семье, в обществе, — плюс всяческие потрясения естественного происхождения, свойственные хрупкой человеческой плоти, например сердечные приступы. Но внутренний потенциал никуда не девается. Юнговская психология подчеркивает, что для того, чтобы *ассими-*

лировать другого и осознать, что он — всего лишь еще один аспект вашей собственной личности, нет никакой необходимости с ним *отождествляться.*

Все мифологические системы, в которых присутствует абсолютный дуализм, происходят с Ближнего Востока и датируются периодом после Зороастра. Именно в зороастризме впервые появилась идея о вечно сражающихся между собой боге света и боге тьмы, чья борьба и породила мир, в котором мы все живем. Вам остается только принять сторону света.

В других традициях эти две силы — свет и тьма, добро и зло — суть правая и левая рука высшего существа, чья природа превосходит дуальный мир. Намеки на это есть даже в Библии, в книгах, составленных до вавилонского пленения, во время которого евреи познакомились с зороастризмом. В Книге Исайи Бог говорит: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это»[117]. Вот бог, который трансцендентен дуализму. Однако по его поведению можно недвусмысленно заключить, что, если человек попытается вести себя подобным же образом, это будет рассматриваться как однозначное зло. Например, в Книге Иова бог поступает совершенно ужасным образом — с человеческой точки зрения. Здесь в игру вступает *mysterium tremendum et fascinans* — ужасающий аспект божественного, который одновременно очаровывает и вызывает сильнейший страх. Как правило, Яхве выступает как бог морального порядка, в котором есть добро и есть зло. Но посмотрите на то, как он оправдывает свои действия по отношению к Иову, и вы поймете, что себя он ставит выше добра и зла.

117 Ис., 45:7. — *Примеч. издателя.*

Вспомните, что до того, как они отведали яблока, Адам и Ева понятия не имели о добре и зле. Фактически грехопадением именуется именно познание разницы между ними. Так что, если вам захочется узнать, как себя чувствовали прародители в раю, вернитесь обратно, за пределы добра и зла, и знайте, что и то и другое — всего лишь формы, в которых трансморальный принцип проявляется и действует во времени и пространстве или, если угодно, в теннисном матче.

Если вашей целью является утверждение эго и его ценностей и это подразумевает уничтожение других людей и восприятие себя как существа, стоящего за пределами добра и зла и имеющего право исполнять все свои желания, независимо от того, что при этом происходит с остальными, — вы крайне опасная личность. Вы социопат. Но если вас уже приручили и цивилизовали, так что вашей жизнью управляют уже не жестокость и вожделение, а любовь, то вам не останется ничего иного, кроме как осознать, что Господь посылает дождь равно правым и неправым и свет Господень сияет и тем, и другим; и если вы намерены быть как Отец ваш Небесный, — где бы эти небеса ни располагались на самом деле, — то неизбежно поймете: то, что вы зовете правым и неправым, еще не есть окончательная истина. Это вовсе не означает, что вы не должны бороться за свои ценности, — в войне есть своя мистика: люди сражаются, убивают и умирают за свои ценности, а потом вдруг понимают, что и другая сторона столь же права перед богом. Как оно часто и бывает.

Так обстоит дело в нашей западной традиции; так обстоит дело в учении Христа. Однако следует помнить, что все эти глубочайшие прозрения и окончательные

истины рано или поздно переводятся на язык практической морали — *делай то, не делай этого,* — которая используется обществом в отношении контролируемых им людей. Все мы познаем сначала законы общества и лишь потом — мудрость жизни, которая стоит, я бы сказал, несколько выше их.

В саду Эдема вообще ничего не происходило: Адаму было скучно, богу было скучно, кругом царила невыносимая скука, пока бог не вытащил на свет из Адамова бока ту, кого Джойс называл «супругой-размером-с-отбивную». Берем ребро — и вот где был один, стало двое. С этого и начинается жизнь или, точнее говоря, время.

Именно поэтому мне так не нравятся некоторые тенденции, распространенные у молодых людей, которых я учу, — весь этот унисекс; ну, вы знаете: одинаковая одежда, одинаковые прически, одинаковые занятия. Теряется напряжение. Мне кажется, по отношению к жизни куда правильнее поддерживать напряжение, чем сбрасывать его, ибо из напряжения рождается жизненная энергия. Электричество, которое несет по телефонным проводам наши голоса, обладает как позитивной, так и негативной полярностью; если бы этой двойственности не существовало, не было бы и связи.

Однако важно вовсе не то, чтобы доминировало мужское или, наоборот, женское начало; доминировать должно само *coniunctio oppositorum* — сочетание противоположностей.

Что самое замечательное в браке? Сам брак? Том? Джейн? Если Том думает, что самое важное — Том, а Джейн — что Джейн, то брака не получится. Но вот если эти двое, невзирая на все муки танца противоположностей, оба придерживаются мысли, что важнее всего сам

брак — то, что трансцендентно их дуализму, — то от этой печки уже можно плясать.

Мой друг Генрих Циммер говорил об отношениях мужчины и женщины как о креативной оппозиции. Равновесие — в напряжении, в точности как в теннисном матче. Теннис — вообще отличная идея. Мячик должен все время скакать туда-обратно, а игроки — не переставать бороться. Очень хорошая игра. В ней нельзя злиться и впадать в ярость; вы не сможете хорошо играть, если забудете, что это игра, что есть другая сторона и что вам нужно оставаться на вашей. Но это не значит, что за правилами игры вы не видите другого.

Дзенский учитель Доген, великий наставник секты Сото, сказал, что дуальность нужно признавать, но это не мешает познанию единства. Да, мы все играем по правилам двойственности, но должны при этом стремиться к осознанию того, что находится за ее пределами. От этого мы становимся более человечными.

В этом суть рыцарского турнира: два рыцаря нападают друг на друга, но при этом признают в противнике такого же благородного рыцаря. Человека, который утратил чувство равновесия и считает только себя правым — П-Р-А-В-Ы-М! — мы называем фанатиком. И это подлинное чудовище.

Слушательница: А можно в таком мифологическом ключе читать Библию? Можно ли рассматривать символы христианской и иудейской традиций как трансцендентные дуализму, то есть выходящие за пределы мира бинарных оппозиций?

Кэмпбелл: Знаете, в Библии тоже есть такие моменты. Их можно вытащить из основного текста, и они сде-

лают вашу жизнь ярче. Не стоит сразу сбрасывать Библию со счетов. Но перечитывать ее необходимо с принципиально иных позиций, потому что ортодоксальное толкование, как правило, всегда неполноценно — ибо слишком буквально. В любом случае у нас есть две во многом противоположные друг другу традиции, использующие один и тот же символический ряд и считающие его сугубо христианским или, соответственно, иудейским. Их объединяет каноническая точка зрения на мир как на арену борьбы добра и зла и на человека — как на создание, отдельное от своего Создателя. Однако любой — подчеркиваю, любой — символ можно толковать как трансцендентный миру противоположностей. Существуют гностические и каббалистические секты, рассматривающие ту же символику с куда более мистических позиций. Вспомним, что Господь сказал Исайе: «Я сотворил свет и тьму; я несу мир и творю зло». Это ставит его выше простых противоположностей и являет нам несколько иной образ Бога, нежели тот, к которому мы привыкли в ортодоксальной трактовке.

Это качество очень сильно проявляется в Иисусе, но отнюдь не в устоявшейся духовной практике христианства. Иисус говорит: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших»[118]. Допустим, враг олицетворяет все, что вам отвратительно. Допустим, враг — это Гитлер. Способны ли вы на такую любовь? А если нет, то имеете ли вы право называть себя христианином?

Враг остается врагом, потому что у вас есть персона. Его цели и методы их достижения могут не иметь ника-

118 Мф., 5:43—44. — *Примеч. издателя.*

кого отношения к тому, что вас научили считать добром и злом. Вы все равно остаетесь на своих позициях, а он — на своих. Можете ли вы при этом его любить? Кроме того, любовь ставит вас в не слишком приятную позицию, когда вы видите обе стороны теннисного корта, но играете все равно на какой-то одной. Понимаете, что я имею в виду? Вы одновременно как бы являетесь рефери и игроком одной из сторон. Перед нами действительно интересная проблема.

Христос говорит: «Любите врагов ваших... Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»[119]. В его устах это выглядит откровением, выражением почти буддийского ощущения единства с Творцом и его творением, однако ортодоксальная традиция умудрилась пригасить этот пламень. Иисус говорит: «Я и Отец — одно»[120]. За это его и распяло ортодоксальное сообщество, в системе которого бог и человек не могут быть одним. За это же поплатился и аль-Халладж, которого девять веков спустя ожидала та же судьба. Когда церковь попыталась прояснить для себя этот вопрос, дело кончилось доктриной о том, что Христос есть истинный Бог и истинный человек. Заметим, он этого не говорил. Он всегда называл себя Сыном Человеческим, но заявлял, что Он и Отец — одно. Все это есть в книге.

Слушательница: А что вы скажете об образе Франкенштейна? У меня есть десятилетний сын, и он просто без ума от Франкенштейна.

119 Мф., 5:44—45. — *Примеч. издателя.*
120 Иоан., 10:30. — *Примеч. издателя.*

Кэмпбелл: В этой истории присутствует множество мифологических мотивов. В качестве основного я бы назвал алхимический образ гомункулуса — живого существа, созданного человеком при помощи тайного искусства. Элегантнее всего этот образ был раскрыт в «Фаусте» Гете. В первой сцене второй части Фауст в своей лаборатории работает над созданием гомункулуса, маленького человечка, в стеклянной реторте. Гомункулус символизирует создание нового человека, Непорочное Зачатие, а реторта — девственное лоно. Это человек, созданный искусством, а не природой. Искусство представляет собой дисциплину, относящуюся к сфере скорее духа, нежели тела.

Люди всегда считали, что алхимики занимаются производством золота из грубых металлов, преступая и превосходя тем самым законы природы, однако золото материальное интересовало их далеко не так сильно, как золото духа. Целью всего процесса была духовная трансмутация, позволяющая оставить позади все ошибки, допущенные природой. Маленький горбун во «Франкенштейне» символизирует как раз одну из таких ошибок природы, которые, по идее, должны уже были стать достоянием далекого прошлого.

Интересно, кто из вас читал «Едгин» Сэмюэля Батлера[121]? В этой истории люди изобрели себе машину, которая стала делать за них всю работу, подобно тому как боги в древней семитской традиции создали человека, чтобы он присматривал за их садом. Теперь настала очередь человека создавать себе помощника. И точно так же, как человек восстал против богов, машины взбунтова-

121 Сэмюэль Батлер (1835—1902) — английский писатель. Название его романа «Едгин» представляет собой анаграмму слова «нигде» (по-английски соответственно «erehwon» и «nowhere»). — *Примеч. перев.*

лись против людей Едгина... и творение доктора Франкенштейна, которое он совершенно правильно назвал Адамом, пошло против своего творца.

Почему же эта история так завораживает нас? Мне думается, тому может быть две причины. Одна из них — в том, что в нашей душе всегда будет жить идея создать новый мир: оставить старый позади и придумать новый, в котором не было бы всех тех проблем, которые так мучают людей за тридцать. Вторая — что в этом мире, где так ценится все хорошее, милое и светлое, где Бог любит своих детей и так далее и тому подобное, мы, черт побери, прекрасно знаем, что у уравнения есть и другая половина, а то, что подавлено, отвергнуто или спрятано от дневного света, всегда завораживает, ибо наш дух инстинктивно стремится к равновесию.

Еще Юнг указывал, что в евангелиях мы видим только одно — любовь, любовь, любовь. В то же время апостол Павел не скупится на красочные описания мучений, которые ожидают грешников. То же самое можно сказать и о Ветхом Завете. Псалтырь возносит хвалы Создателю, а Иисус Навин смакует детали грядущих разрушений и радуется судьбе Ниневии и Иерихона, которые будут стерты с лица земли. Уверяю вас, это потрясает воображение.

Слушатель: В романе Мэри Шелли чудовище было вовсе не чудовищем, а, наоборот, созданием несказанной красоты. Когда в Голливуде ставили фильм, они решили, что у зрителя должны быть основания ненавидеть главного героя, и потому превратили его в монстра. Он был прекрасен, и это что-то внутри самого человека побудило его раскрыть свою темную сторону.

Слушательница: Но, кроме того, человек не должен создавать жизнь...

Кэмпбелл: Только бог мог создать дерево. А еще говорят: «Только богу могло прийти в голову создать таракана».

Слушательница: А не могли бы вы рассказать о путешествии героини? Оно такое же, как и у мужчины-героя?

Кэмпбелл: Все крупные мифологические системы мира и большая часть сюжетных мифов построены с мужской точки зрения. Когда я писал «Тысячеликого героя» и захотел ввести в книгу женщин-протагонисток, мне пришлось для этого обратиться к волшебным сказкам. Их, как вы знаете, женщины рассказывали детям, и потому они отражают совершенно иной взгляд на вещи. Большинство великих мифов создано мужчинами. Женщины были слишком заняты: они сидели у очага и придумывали сказки.

Слушательница: Мне совершенно нетрудно отождествиться с героем во всех его аспектах. Через это я вхожу в контакт со своим анимусом. Началось это на фестивале культуры эпохи Возрождения. Мне ужасно понравились старинные ножи и само ощущение себя рыцарем, а также масть мечей в Таро и весь связанный с ней комплекс энергий. Я купила себе такой нож и некоторое время носила его с собой, держала его в руке, когда засыпала, а днем носила на поясе. Это помогало мне войти в соприкосновение с мужской энергией.

Кэмпбелл: В Нью-Йорке вас бы за такое арестовали. *(Смех в зале.)*

Слушательница: Должна сказать, многие этого не поняли. *(Смех в зале.)* Для того чтобы лучше ощутить эти энергии, я даже отправилась в мужскую душевую. Я зашла в кабинку и прикрыла за собой дверь. Под ней я могла видеть мужские ноги, но они, по сути дела, ничем не отличались от женских, разве что были немного побольше.

Слушатель: И чем все кончилось?

Слушательница: Вы про ножи? *(Смех в зале.)* Некоторое время я играла в уме со всеми этими мифологическими архетипами и пришла к выводу, что мне так же легко идентифицироваться с принцем или королем, как и с принцессой. На самом деле сейчас процесс частично пошел вспять и привел меня снова к идентификации с женским началом и с богинями — Исидой, Артемидой и даже Ужасной Матерью в образе Кали Ма.

Кэмпбелл: В вашей истории путешествия получилось даже два. Сначала вы нашли себе нож, олицетворяющий мужскую энергию, и это естественным образом увело вас прочь от женского начала, а потом вы пустились в обратный путь, чтобы интегрировать открытую вами силу в структуру своего женского «я».

Слушательница: Поначалу это все ощущалось довольно странно, и большинство окружающих просто не понимали, что со мной происходит. Я хочу сказать: я действительно влюбилась в этот нож, все время держала его в руках, потом стала медитировать на карты Таро. Я начала с масти мечей, потом перешла к Рыцарю и вскоре уже могла с легкостью отождествиться с Королем, однако в конце концов пришла все равно к Королеве Мечей, которая, как вы знаете, представляет со-

бой отличный архетип силы, но в женском обличье[122]. Вскоре я собрала целую коллекцию разных колод Таро. Я выбирала из них штук двенадцать Королев Мечей и просто сидела и смотрела на них, смотрела и держала свой нож, смотрела и держала, смотрела и держала — пока в какой-то момент не поняла, что мне удалось полностью принять и адаптировать это ощущение силы.

Кэмпбелл: Спасибо. Это прекрасный пример того, как могут складываться отношения между женщиной и ее анимусом. Мне думается, мужчина для того, чтобы обрести свой нож — сиречь символ своей полной силы, — не стал бы создавать себе лишние проблемы и искать женскую составляющую своей души. Да, не стал бы искать женскую составляющую своей души, потому что женское начало присутствует в мужском теле и личности в гораздо меньшей степени, чем в вашем теле и личности. Понимаете, что я имею в виду? Мужчина находится со своим телом в меньшем контакте, чем вы. Так что все дело в пропорции.

Моя жена Джин всегда говорила, что и ей тоже, как и вам, не составляет никакого труда идентифицироваться с мужчиной-героем, потому что в качествах, которые он символизирует, могут с тем же успехом проявляться те или иные специфические аспекты женской натуры.

Мужскому организму недостает памяти природы, которая обладает женским началом и естественным образом присутствует в женском организме. Когда мне было

122 Более глубокое исследование символизма карт Таро можно найти в книге Joseph Campbell, *The Hero's Journey: Joseph Campbell on His Life and Work* (Novato, Calif.:New World Library, 2003), pp. 179—183. См. также: Richard Roberts, *Tarot Revelations* (Fairfax, Calif.: Vernal Equinox Press, 1987), юнгианское исследование символизма колоды Райдера-Уэйта с предисловием Джозефа Кэмпбелла. — *Примеч. издателя.*

лет двадцать, я жил в Вудстоке вместе со своей сестрой Элис. Как и почти все ее друзья, она занималась скульптурой, так что я жил, по сути дела, в художественной коммуне. Среди них было много молодых женщин, и вот, как только они приближались к тридцати, перед ними с пугающей неотвратимостью вставала проблема брака, и моя сестра тоже не оказалась исключением из этого правила. Они начинали как заведенные повторять священную мантру: пора выходить замуж, заводить семью, рожать детей и все такое... За браком, однако же, почти сразу следовал развод. Художественная карьера тоже шла под откос, потому что невозможно заниматься искусством, не посвящая ему при этом все свое время от рассвета до заката, не отвлекаясь ни на что другое.

С мужчинами такого почему-то не происходило. Это то же самое, что и с вами: вы нашли свой нож, для них это были молоток и чекан. А потом женская природа зовет вас. Когда она зовет мужчину, он просто идет и женится; женщина — там, снаружи, где она и есть на самом деле. У вас же она внутри. Понимаете, куда я клоню? Такова, я бы сказал, одна из главных трудностей женского путешествия: зов природы у вас сильнее.

Помню, я читал один джайнистский текст, посвященный йоге. Джайнистская йога весьма экстремальна сама по себе; суть ее в том, чтобы полностью отвергнуть природу как таковую. Они его называют *кайвальям* — этот абсолютный отказ слышать зов природы в какой бы то ни было форме. К этому должно, по идее, вести вегетарианство — к отказу от любого убийства, к жизни вне смерти. Да, никаких убийств, кроме, разумеется, убийства самого себя; джайны методично истребляют в себе желание жить. Цель в том, чтобы умереть в тот самый

момент, когда вас покинут самые остатки желания жить, без негодования и сопротивления. Этот конкретный вид йоги не рекомендуется для женщин — в их телах слишком много жизни. Это поразило меня до глубины души — столь могучее желание жить; тело, которое само кричит: «Ты предаешь меня!» У мужчин таких проблем не бывает — по крайней мере, не до такой степени.

Да, женщина может следовать путем героя, но у нее есть и другие призвания, и по-иному строятся ее взаимоотношения с силой живой природы, манифестацией которой она является.

Слушательница: У меня был и другой очень полезный опыт, когда я познакомилась с шаманизмом. В шаманской культуре, как вы уже говорили, нет разницы между мужским и женским — для них не имеет значения, кто перед ними — женщина-шаман или мужчина-шаман; главное, что он услышал зов. Мне это очень понравилось.
Но все же есть одна вещь, которую я хотела с вами обсудить, потому что я чувствую в вас этакую сугубо традиционную составляющую, да-да, составляющую вашей личности, которая рассматривает женщину как существо, принципиально отличное от мужчины, и я не уверена, что могу с вами согласиться.

Кэмпбелл: Просто есть два различных модуса восприятия, вот и все.
Хотел бы я хоть десять минут побыть женщиной, чтобы понять, в чем эта разница.

Мне понадобилось довольно много времени, чтобы определиться с браком. Главным образом потому, что это могло помешать мне читать. (*Смех в зале.*) Это

правда.Была, однако, и другая причина: каждый раз, когда у меня возникали близкие отношения с какой-нибудь молодой женщиной, у меня появлялось навязчивое ощущение, что на меня что-то давит; жизнь воспринималась как очень тяжелая штука. Эта тяжесть, это ощущение, что все происходящее ужасно важно и серьезно, доводили меня до того, что любые мелочи казались непреодолимыми проблемами. Меня это крайне доставало, я сбегал и вскоре оказывался в объятиях новой молодой леди, а там опять наваливалась эта тяжесть, и пожалуйста — замкнутый круг.

Слушатель: Ну, ведь в комплекте с женщиной идут дом, дети и все остальное. На самом деле это вовсе не обязательно, но почему-то ощущается именно так.

Слушательница: А мы точно так же видим вас! *(Смех в зале.)* Я чувствую то же самое относительно мужчин! *(Смех.)* Подразумевается, что я должна сидеть дома, — это я-то! *(Смех.)* А мне хочется чувствовать себя свободной и легкой!

Кэмпбелл: Мне казалось, что им нужны только развлечения, а мне это было совсем неинтересно. (*Смех в зале.*)

Слушательница: Ну, это правда. Под этим я подпишусь.

Слушательница: Они хотели развлекаться, а на деле были занудами.

Кэмпбелл: Вот поэтому у них и был пунктик на развлечениях. (*Смех.*) Итак, мы с вами пришли к согласию

относительно того, что мужчины и женщины отличаются друг от друга? Или как?

Слушательница: Думаю, женщины с вами не согласятся, мистер Кэмпбелл. Я имею в виду — с вашей концепцией, что брак лишает мужчину нормальной жизни. Бог ты мой, у меня две красивые, умные дочери, и что — все кончится тем, что они прилепятся к какому-нибудь мужчине и будут мыть дома посуду, вместо того чтобы развивать свои способности и использовать данный природой потенциал? Вместо самореализации — стирка, уборка и мытье посуды?

Кэмпбелл: Вы знаете, моя сестра и ее подруги никакой посуды не мыли, а вместо этого ваяли статуи. А потом их организм просто поднял руку и с места заявил: «Моя дорогая, есть кое-что, что ты в жизни упустила». Если ваши дочери не желают мыть посуду, пусть себе ваяют что-нибудь красивое, и давайте посмотрим, насколько их хватит.

Слушательница: Да, зов тела очень силен. У меня есть подруга, очень сильная и успешная женщина, немногим старше меня, так вот, она мне сказала: «А ведь биологические часы-то тикают! Может быть, мне все-таки стоит завести ребенка, пока я еще могу это сделать?»

Кэмпбелл: Это неизбежно.

Слушатель: Может быть, вопрос в том, что вы выберете — следовать своей судьбе как биологической единицы или своей судьбе как человека, как личности?

Кэмпбелл: Ну, это слишком сильно сказано. (*Смех в зале.*)

Слушатель: А если взять более узкую формулировку?

Кэмпбелл: Профессиональной, я бы сказал.

Слушательница: А разве нельзя реализовать обе линии? Разве нельзя для женщины быть матерью и художницей, например? А для мужчины — быть отцом и благородным рыцарем, искателем приключений?

Кэмпбелл: Разумеется, можно. Я вовсе не хочу сказать, что это еще никому не удавалось. Моя мысль заключается в следующем: подлинное различие между мужчиной и женщиной, между тем, какие жизненные цели они себе ставят и как их достигают, состоит в могущественной природной потребности женского организма иметь ребенка и во всем остальном, что с этим связано. Мужчина может без этого обойтись.

Разумеется, есть и совершенно экстремальные примеры отказа мужчин от той жизненной силы, которую несет в мир женщина, — мужские монастыри на горе Афон в Греции, куда не допускаются никакие существа женского пола, даже самки животных. А в монастырях средневековой Европы стоило женщине хотя бы ступить на порог, брата-привратника подвергали жестокому наказанию за то, что он ее впустил, даже если она находилась в беде или ей угрожала серьезная опасность.

Зов тела, зов природы чрезвычайно силен в женщине, в ее личной жизни — но также и в том, как мужчина ее воспринимает. В «Поминках по Финнегану» Джойс придерживается индуистского взгляда, что женщина есть воплощение жизненной энергии. Мужчине, как правило, нужно только, чтобы его оставили в покое. Когда мимо проходит женщина, он воспламеняется; женщина по сути своей — запал, катализатор.

Вот что интересно: в Европе сейчас очень популярна пришедшая из Китая концепция инь и ян, подтверждающая традиционный западный взгляд на дихотомию двух начал. Мужчина представляет активное, агрессивное начало, а женщина — рецептивное и довольно пассивное. Индийская точка зрения совершенно противоположна данной. Психологически мужчину интересуют совершенно другие вещи, а власть рано или поздно исчерпывает себя; как сказал Джойс: «With lipth she lithpeth to him all to time of thuth on thuch and thow on thow». Она говорит: «Что за жизнь была в прошлом эоне. Давай сотворим новый эон... Разве не чудесно было бы начать мир заново?» И мужчина думает: «Да, это было бы прекрасно»[123].

Так мужчину соблазном втягивают в сферу действия. В Индии женский принцип называется *шакти* — это змеиная сила, поднимающаяся вверх по позвоночнику, это весь этот чертов поток энергии во всех его аспектах. Там есть большой праздник, посвященный богине и именуемый Дурга Пуджа. Дурга — одна из ее ипостасей; у нее восемнадцать рук, в каждой из которых она держит какое-нибудь оружие. Когда вы играли со своим ножом, вы были в контакте с Дургой. Слово «пуджа» означает церемонию. Сам праздник длится недели три.

Он строится в основном на мифе, который называется «Дэви-махатмия»[124]. В нем рассказывается о том,

123 Это диалог Анны Ливии Плюрабел и Генри Чимпдена Эруикера из «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса, стр. 23. — *Примеч. издателя.*

124 «Дэви-махатмия» — поэма на санскрите, часть Маркандея-пураны, датируется обычно VI—IX вв. н.э. В ней повествуется о победе Дэви (богини) над демонами Мадху и Кайтабхой, демоном-буйволом Махишей и о войне между Дэви и повелителем демонов Шумбхой. — *Примеч. перев.*

как буйвологоловый демон посредством жестокой йогической аскезы превзошел всех богов. Никто из них не мог победить это праведное чудовище. Тогда боги встали в круг и послали свою энергию обратно, туда, откуда она появилась. В середине круга возникла черная туча, и из нее появилась Дурга — воинственная богиня с восемнадцатью руками. В каждой руке она держала атрибут одного из богов. Иными словами, мужское начало есть лишь конкретное проявление или дефиниция великой универсальной энергии, обладающей женским началом. Женщина есть источник всякой энергии, а мужчина — ее применение в той или иной сфере. Поэтому, как мне представляется, женщине куда проще идентифицироваться с мужским образом и функциями, чем мужчине, глубоко преданному своей иллюзии, своей форме абстрактного, своей сфере действия, если угодно, — вернуться к общему прототипу. Такое сделал Будда, и то было героическое деяние первого порядка. Это похоже на полное растворение себя.

Для женщины это больше вопрос переориентации, движения в другом направлении. Понимаете, о чем я толкую? Она просто задает себе новые условия.

Слушатель: Vis-a-vis путешествия героя мне кажется, что мужчина очень часто пускается в путь, чтобы найти свой модус отношений с жизнью, с жизнью во всей ее полноте, чтобы обрести свой апофеоз, ощущение «Вот это — я»; и с этой точки зрения представить женщину следующей по пути героя — при условии, что у нее нет детей, — не составит труда. Когда был задан вопрос: «Возможен ли путь героя для женщины?» — я подумал об известных женщинах и о женщинах — ис-

торических фигурах: ведь можно рассматривать их жизненный путь, их биографию как своего рода путь героя, и с определенной точки зрения...

Слушательница: Это вовсе не одно и то же. Это не путь героя.

Слушатель: Что вы имеете в виду?

Слушательница: Можно быть очень успешной женщиной. Это значит только, что женщина правильным образом функционирует в верхнем мире, мире повседневной реальности; никакого путешествия она при этом не предпринимает. По крайней мере, это не то, о чем мы здесь с вами говорим. Путь героя ведет вниз, в самую глубину души, и будь вы мужчина или женщина, без этого путешествия ваша жизнь всегда будет однобокой. Я имею в виду, что без этого вам не откроется мифологическое измерение бытия. И нет ничего общего между ним и вашими достижениями в дневном мире.

Слушатель: Ну, навскидку мне ничего не приходит в голову, но, если, к примеру, взять женщину, которая, с одной стороны, успешна во внешнем мире, а с другой — знает пути мира мифологического, мне думается, шестеро из десяти проголосуют за то, что да, это путешествие героя. Я полагаю, что разница здесь действительно в детях, — я лично никогда не собираюсь их заводить, так что моя точка зрения в данном случае носит исключительно гипотетический характер, — но сам феномен рождения ребенка можно воспринимать как связь с вечной жизнью. Женское тело обладает естественной природной связью с вечностью и в некотором смысле пребывает в ней всегда, а муж-

чинам не дано испытать ничего подобного в своей жизни. И это определяет самую суть путешествия героя. Мужчинам приходится идти и искать эту связь, это ощущение. Они должны проходить испытания и преодолевать препятствия, нырять в колодцы и доставать оттуда мячики, тогда как женщине достаточно просто быть собой. В этом-то, наверное, женское путешествие и отличается от мужского.

Кэмпбелл: Знаете, я тридцать восемь лет учил женщин. Это было преподавание весьма частного порядка, почти репетиторство, так что своих студенток я знал очень хорошо. Одна за другой они повыходили замуж за мужчин, которые занимались каким-нибудь интересным делом. И вот мои ученицы одна за другой стали советницами своих мужей в тех областях, которыми эти самые мужья занимались. Причем без малейшего труда. По-моему, это похоже на ту богиню с восемнадцатью руками. Если ситуация к тому располагает, женщине не составит труда принять и исполнить мужскую роль. Я хочу сказать, все, что ей нужно сделать, — это уточнить функциональные характеристики и направление своей универсальной силы, востребованные в данной ситуации.

Но для мужчины это что-то совершенно другое: у него нет этой свойственной женщинам базы, от которой уже можно двигаться дальше, к другим факторам. Это совершенно особая психологическая проблема. Возьмем, к примеру, ваше упражнение по идентификации с ножом; мне было бы очень трудно идентифицироваться с какимнибудь женским символом, имеющим отношение, скажем, к рождению детей. Я имею в виду, как вы совер-

шенно справедливо заметили, что мужчина не может рожать детей. У нас нет такой же прямой связи с энергетической структурой жизни. Наше дело — направленные и специфицированные действия.

Это отражено уже в самых ранних образцах изобразительного искусства — в наскальных рисунках кроманьонской эпохи и в фигурках палеолитических Венер. Женщина — это просто нагая фигура, стоящая перед зрителем во всем своем великолепии. Она ничего не делает, она целостна в самой себе, в то время как мужские фигурки обязательно играют какие-то роли, исполняют какие-то функции — охотника, шамана, кого угодно. Прекрасным примером здесь является индийская великая богиня с восемнадцатью руками. В каждой из них — символ одного из богов, но руки-то принадлежат ей, и она объединяет все их полномочия.

Слушательница: Джозеф, меня больше всего беспокоит то, что врожденная женская терпеливость и выносливость могут навсегда законсервировать ее в ипостаси перегруженного верблюда.

Кэмпбелл: В «Так говорил Заратустра» Ницше приводит три стадии жизни: верблюд берет груз и идет в пустыню, становится львом и убивает дракона (нашего старого приятеля по имени «Ты должен»), а потом превращается в ребенка, который идет куда захочет[125].

Слушательница: Вот что мне интересно: может быть, для женщины неизбежно застревать именно на этой ста-

125 Friedrich Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None*, Walter Kaufmenn, trans. (New York: Modern Library, 1995), pp. 25—28. — *Примеч. издателя.*

дии вследствие ее природной способности все вынести, в то время как мужчина, который не умеет ждать и все время стремится к действию, отправляется убивать дракона и застревает там? Я думаю, что те женщины, которые остались верблюдами и не смогли перейти на стадию льва и дальше, оказались во власти страшной энантиодромии, о которой вы нам рассказывали.

Кэмпбелл: Последние день или два я слушал вас, уважаемые леди, и пришел к выводу, что для женщин вообще характерно постоянное сознание необходимости что-то вынести, — и поэтому терпение, толерантность, способность выдержать испытание действительно являются первостепенными требованиями.

Мужчинам приходится иметь дело только с краткими моментами сильной боли, борьбы или преодоления препятствий. Именно на этом строятся обряды мужской инициации, проходящие обычно в строгой тайне от женщин. Меня они всегда особенно интересовали. Джордж Кэтлин, живший среди индейцев мандан в 1830-е годы, сделал сотни зарисовок их повседневной жизни [126]. Одна серия — из особенно запомнившихся мне, хотя таких было великое множество, — была посвящена инициации молодых мужчин. В ходе обряда их подвешивали к потолку, пронзив грудную клетку гвоздями. Один из проходивших инициацию сказал Джорджу: «Наши женщины страдают, и нам тоже нужно научиться страдать». Страдание словно бы само ов-

126 Джордж Кэтлин (George Catlin) (1796—1872) — американский художник, который в 1830-е гг. жил в племени индейцев мандан (самоназвание — нумакаки), изучал их быт и культуру и оставил множество бесценных картин и зарисовок. — *Примеч. издателя.*

ладевает женщинами — и это часть женской природы, — в то время как мужчины должны добровольно идти на него. И в этом между ними большая разница.

Слушательница: Женщинам нужно научиться возвращаться оттуда с новыми силами, ограничивать страдание, а мужчинам — терпеть подольше.

Кэмпбелл: Мужчины всегда сами ищут себе проблемы. Я уже говорил об инициации мальчиков и девочек в первобытных сообществах. Женщина — часть могущественной энергии жизни. Когда у девочки происходит первая менструация, она становится женщиной, автоматически входит в силу[127]. В жизни мужчины подобного опыта нет.

Слушательница: Только в обрядах.

Кэмпбелл: Именно поэтому обряды вынуждены быть такими жестокими. Чтобы проходящий инициацию понял, что он больше не маленький мальчик. Кроме того, ему необходимо отделиться от матери. Подчеркиваю, *необходимо*.

Слушательница: Но в нашем обществе этого никогда по-настоящему не происходит. Мой брат жил в доме родителей до двадцати четырех лет, а от матери так никогда, по сути дела, и не отделился.

Кэмпбелл: Да, такие случаи не редкость. Но есть и такие, кому удалось отделиться вовремя. И есть матери, которые понимают это и помогают своим сыновь-

127 См. Joseph Campbell, *Masks of God*, vol. 1: *Primitive Mythology* (New York: Penguin USA, 1991), p. 372. — *Примеч. издателя.*

ям расстаться с детством. И все же в нашей культуре мать, которая не хочет отпустить от себя своего сына, — это ужасная тяжесть на его душе.

В первобытных и других традиционных культурах это отделение обязательно и бесповоротно. Как раз на днях я читал об одном индуистском обряде, распространенном в Бенгалии. Это крайний пример того, как женщина вынуждена оставаться верблюдом: сначала она должна делать, что говорит ей отец, — пока не выйдет замуж; далее эта прерогатива переходит к мужу, которому жена должна беспрекословно подчиняться, пока ему не заблагорассудится уйти в лес или умереть; далее, если она не бросилась в его погребальный костер, ее непосредственным начальником становится старший сын. Сама она никогда собой не распоряжается. Единственная дозволенная обычаем сильная эмоция связывает ее с детьми. И поэтому, чтобы дать женщине силы отпустить своего сына, существует особый ритуал. В полном виде он растягивается на несколько лет. Семейный жрец или гуру приходит к женщине и просит отдать ему какие-нибудь ценные вещи — например, драгоценности или еду, или что-нибудь еще. Так она постепенно учится отказываться от того, что для нее важно. А потом наступает момент, когда ее малыш уже больше не малыш, а взрослый мужчина. И к этому времени она уже в силах сказать: «Теперь я могу отпустить то, что для меня дороже всего в жизни». Это своеобразный обряд инициации для женщин, который учит отпускать.

Мальчика необходимо систематически отлучать от материнского мира и помещать в мужскую среду, чтобы он мог найти себе сферу применения. С девочками все по-другому. В качестве инициации девочка сидит в

маленькой хижине все время первой менструации и осознает: я женщина, я женщина. Вот, собственно, и все. Мальчику нужно активно отыграть свое превращение в мужчину. Девочке — всего лишь осознать свое новое качество. Следующей ступенью в большинстве сообществ для нее будет беременность, а там она уже становится матерью.

Слушательница: И верблюдом.

Кэмпбелл: Совершенно необязательно верблюдом. Сама по себе она не верблюд. Дело просто в ее сфере действия — внутри нее можно пройти всю последовательность, как это делают мужчины в своих сферах.

Слушательница: Идеалом в этих условиях была бы возможность трансформации, в результате которой женщина продолжала бы реализовывать свой потенциал параллельно с материнством, браком или чем угодно еще.

Кэмпбелл: Но семья автоматически означает определенные ограничения. В этом мире нет такого занятия, которое не накладывало бы тех или иных ограничений.

Слушательница: С этим я абсолютно согласна.

Кэмпбелл: Выглядите вы при этом довольно уныло. Что вас беспокоит?

Слушательница: В своих лекциях вы снова и снова подчеркиваете, что очень трудно выполнять какие-то творческие или духовные задачи, когда вас постоянно что-то отвлекает.

Кэмпбелл: Ну, вот раньше рождение и воспитание детей были вполне себе творческой задачей.

Слушательница: Вы знаете, для меня путешествие героя как-то не ассоциируется с мытьем посуды, или заседаниями совета директоров, или с полем битвы, или с библиотекой. Ведь на самом деле это психологическое путешествие, и можно привнести творчество в то, что вы делаете, независимо от того, к какой области это относится. Если вы разрешили для себя все психологические вопросы и интегрировались в мир мифа, то все вокруг станет живым. Тогда в любом деле будет присутствовать творчество. Однако я не думаю, что это имеет какое-то отношение к посуде.
Нет, путешествие носит психологический характер, и в этом оно одинаково для мужчин и женщин. Я знаю, что во многом проецирую на свою жизнь то, что вы писали о путешествии героя. Оно придало смысл всей моей жизни. Если бы я не вступила на этот путь, мне было бы все равно, кем и чем я стану; у меня внутри не было бы радости. Для меня путешествие означало обрести опору в вечности, научиться видеть мир как большую метафору, воспринимать жизнь по-другому.

Кэмпбелл: Когда я преподавал этим молодым леди, у меня и в мыслях не было непременно сделать их филологами или историками. Зачем же тогда я забивал им головы всеми этими сказками? Есть множество способов использовать этот материал. Лично я думал о следующем: большинство из них намерены выйти замуж, родить детей и посвятить себя радостям повседневной жизни, в которой на самом деле, как и в моей

преподавательской деятельности, никаких особых радостей нет, по крайней мере после того, как уляжется первый приступ волнения. (*Смех в зале.*) Но я думал вот о чем: сейчас у них есть семья, дети и все такое, а потом им исполнится пятьдесят и все это постепенно исчезнет, как у тех несчастных бенгалок, и они останутся наедине с собой.

Мне хотелось научить их читать мир духовными очами с прицелом именно на вторую часть путешествия. Вот, собственно, и все. Это было очень давно. С тех пор прошло двадцать, тридцать, сорок лет, и вот я вижу — мой метод работает. То, основы чего некогда удалось заложить мне, теперь питает и поддерживает вторую половину жизни каждой из этих дам.

У вас тоже есть похожая проблема: домашняя работа отнимает слишком много душевных сил. Мытье посуды может поистине довести до изнеможения. А вы как раз пребываете в том возрасте, когда кажется, что в жизни явно должно быть что-то еще. Именно в этом состоит проблема, вы со мной согласны?

С другой стороны, любой вступающий в брак рано или поздно с ней столкнется. Груз домашних дел всегда давит на плечи, независимо от того, мужчина вы или женщина. Если вы хотите наслаждаться полетом духа, не отягощенного ответственностью за другого, как это долгое время делал я, то вам стоило об этом задуматься еще много лет назад — и определенно до брака. В случае же с женщиной, даже если она действительно всегда это за собой знала и решила не связывать себя узами брака, в один прекрасный день ей исполнится тридцать и, готов утверждать с высокой долей вероятности, она все-таки выйдет замуж.

Слушательница: Между прочим, даже если вы не замужем, посуду все равно приходится мыть.

Кэмпбелл: В жизни всегда есть черная работа.

Слушательница: Да, многие воспринимают это именно как грязную работу, но мне приятнее думать о ней как о дзенской практике. Есть вещи, которые так или иначе надо делать. Чтобы съесть морковку, ее сначала надо помыть.

Кэмпбелл: О да. В традиции дзен даже во время мытья посуды вы медитируете. Мытье посуды — это тоже акт причастности к жизни. В этом смысле это не неприятная обязанность и не то, о чем мы с вами тут говорим.

Иногда сама по себе работа по дому может стать частью пути героя. Суть в том, чтобы не застревать в ней, но использовать ее как средство освобождения.

Приключения всегда безрассудны. В них неизменно присутствует элемент дерзновения. Это относится даже к самым простым из них — например, когда я переписываю свою собственную книгу. Есть одно очень любопытное письмо, написанное немецким поэтом Шиллером к молодому коллеге, столкнувшемуся с тем, что называют «писательским блоком»[128]. Для автора это означает отказ слышать зов. Шиллер писал: «Ваши затруднения коренятся в том, что вы пускаете в дело критический фактор ума прежде, чем успевает выразить себя лирический». Мы проводим юность за изучением

128 Фридрих Шиллер (1759—1805) — известный немецкий поэт, критик и драматург. Больше всего известен как автор драм «Дон Карлос» и «Мария Стюарт», а также «Оды к радости», которую Людвиг ван Бетховен гениально положил на музыку в своей Девятой симфонии. — *Примеч. издателя.*

Шекспира и Мильтона, разбирая гениев по косточкам и даже местами критикуя, а потом кропаем собственные достойные жалости опусы и думаем: «О боже, нет!»

Когда я пишу, то думаю об академическом мире; я знаю, что они думают, и это вовсе не то, что думаю я. Остается только сказать: горе врагам республики! Пусть падет нож гильотины. Я ваш, ребята, но заставить меня замолчать вы не сможете. Я все время чувствую себя так, словно пытаюсь проскользнуть между Симплегадами, которые вот-вот сомкнутся, но, как правило, успеваю прорваться еще до того, как эта мысль придет мне в голову. Я словно бы держу — да, именно держу в интеллектуальном смысле — дверь закрытой, чтобы не дать этой мысли проникнуть в мое сознание. Да, именно *так* это и можно сделать. Не думайте о плохом. Неприятности все равно будут, они так или иначе случатся, это неизбежно, как мытье посуды, понимаете? Нужно быть открытым тому, чего вы еще не делали раньше. Делайте свое дело и держите внутреннего критика в узде. Уверен, что каждый сталкивался в жизни с чем-то подобным. В писательском труде мы все время имеем с этим дело — хотя и в более сглаженном варианте.

Слушательница: Потому что все остальное приходит извне.

Кэмпбелл: Да, именно так. Это как с убиением дракона. Иногда дракон приходит к вам в кабинет, вооруженный красным карандашом, а иногда гремит горами немытой посуды на кухне. (*Смех в зале.*)
Отличный, кстати, образ получился. Дракон на кухне с битком набитой посудомоечной машиной. (*Смех.*)

Слушательница: Вы сказали, что иногда герой может и не ответить на зов, ибо долг призывает его остаться дома. Именно это и происходит с женщинами: может быть, их долг — мыть дома посуду, а долг мужчин — делать что-то еще, приносить в дом продукты, в конце концов.

Кэмпбелл: Прежде чем достичь нирваны, Будда столкнулся с тремя соблазнами. Владыка вожделения Кама явил ему трех прекрасных дев, чьи имена были Желание, Удовлетворение и Сожаление. Но Будда больше не отождествлялся со своим эго. Он отождествлялся с Мировым Я, со вселенским сознанием, частью которого были и девы. Именно поэтому он не поддался искушению и остался в точке покоя. Затем Кама превратился в Мару, владыку ужаса, и обратил против Будды всю мощь бесчисленных армий. Но Будда больше не был личностью и потому не знал страха. Он стал един со всем происходящим в мире, и потому незначительные мелочи вроде мечей и копий больше не могли причинить ему никакого вреда. Тогда в ход было пущено третье искушение. Как раз то, о котором мы тут с вами говорим, — дхарма, или долг. «О юноша, восседающий под деревом! Ты — царевич, почему же ты не правишь народом своим? Почему ты не на троне, где тебе место?» Но и это не возымело никакого действия. Будда протянул руку и коснулся пальцем земли. Он призвал саму природу в свидетели того, что сейчас находится воистину на своем месте, в самом сердце мира. И свой долг почитает закрытым.

Слушательница: Но для этого нужно уже помыть посуду или заработать деньги.

Кэмпбелл: Да, он уже выполнил эти задачи и теперь был свободен. Помните, как я рассказывал вам о кундалини? Нижние чакры — первая, вторая и третья — отвечают за инстинкт выживания, за репродуктивную функцию и за стремление к победе. Они общие для человека и животных.

В сердечной чакре происходит пробуждение, открытие духовного измерения реальности; все сущее отныне служит покровом великой тайны. Достигнув этого уровня, вы одухотворяете даже энергии нижних чакр. Само осуществление программ нижних чакр становится отныне реализацией потенциала трех верхних — пятой, шестой и седьмой.

Сердечная чакра привносит в систему фактор любви. Если мытье посуды не проникнуто ею, оно превращается в ловушку обыденности. Если же вы полюбите эту посуду и будете думать о том, какую роль она играет в вашей жизни, — о том, что она символизирует пищу и жизнеобеспечение вашей семьи, — тогда все превратится в живую метафору и вы станете свободны. Сама идея Бодхисаттвы подразумевает, что по самому действию никогда нельзя судить, связан человек путами мира или же свободен. Двое могут совершать одно и то же действие: при этом один из них свободен, а другой нет. Крайний пример этого — заключенные в тюрьме. Но ведь истории известны святые, которые даже в таких условиях умудрялись находить выход в трансцендентное.

Так и с простыми домашними делами: если они для вас — часть жизни, которую вы любите и которую для себя выбрали, — обыденность не ложится на плечи тяжким грузом.

Слушательница: Я себя чувствую Психеей, которая разбирается с кучей бобов и гороха, то есть внимательно просеивает услышанное и соображает, какое отношение это имеет к пути героини.

Кэмпбелл: Да.

Слушательница: И вот что еще пришло мне в голову: отличие путешествия героини от путешествия героя, возможно, в том, что его ключевым элементом является время, а не пространство, как у мужчин. И дело как раз в том, чтобы все вынести: остаться на месте и пересидеть, пережить, вытерпеть. Даже не пересидеть, а проработать. Погружаясь все глубже и глубже внутрь, добиваясь все большего понимания. В то время как для мужчин путешествие — это прежде всего уход из дома на поиски приключений, в Заколдованный Лес, как вы его называете. И герой, как правило, — все-таки молодой человек, а не пожилой мужчина, не так ли?

Кэмпбелл: Да, это обычно молодой человек.

Слушательница: Вот-вот.

Кэмпбелл: В «Одиссее» можно найти сразу три приключения. Первое — Телемаха, сына Одиссея, который отправляется на поиски своего отца. Второе — собственно Одиссея, который ищет примирения и восстановления связи с женским принципом в плане отношений между мужчиной и женщиной, в то время как предметом «Илиады» было скорее главенство и власть мужчины над женщиной. А третье — его супруги Пенелопы, представляющее собой именно то, о чем вы сейчас говорили, — испытание терпением. В Нантакете на крышах

домов повсюду «вдовьи дорожки»[129]: ведь когда-нибудь он обязательно вернется с моря домой! Два путешествия через пространство и одно — сквозь время.

Слушательница: Правильно ли я вас поняла, что путешествие героя обычно совершает молодой человек, в то время как героиней может оказаться и более зрелая женщина, которая уже оставила позади и посуду, и детей?

Слушательница: Да, как насчет женщин, у которых нет детей?

Кэмпбелл: Ну, моя жена, например, как раз из таких. Она танцовщица и хореограф. В свое время Джин довелось работать с Мартой Грэхэм, которая только танцовщица[130]. Ей сейчас девяносто, но она все еще работает, все еще артистка. Для нее оказалось ужасной трагедией, когда она потеряла возможность творить свое искусство, ибо инструментом этого искусства было ее тело. Когда она поняла, что больше не может им заниматься, с ней случился серьезнейший психологический кризис. Джин всегда считала танец частью свой жизни, так что теперь, когда танец сам по себе для нее невозможен, потому что ее тело больше не может танцевать, она вполне способна с этим справиться. На первом месте для нее всегда стояла ее жизнь, а не искусство.

129 «Вдовья дорожка» — огражденная платформа на крыше прибрежных домов, откуда женщины могли наблюдать за морем, ожидая возвращения своих мужей. — *Примеч. перев.*

130 Марта Грэхэм (1894—1991) — великая американская танцовщица, хореограф (здесь Кэмпбелл ошибается), педагог и режиссер. Наряду с Айседорой Дункан — одна из основоположниц танца-модерн. — *Примеч. перев.*

Слушательница: Так что она прошла собственный путь героя?

Кэмпбелл: Она сделала замечательную карьеру.

Слушательница: Как она ко всему этому относится? Она воспринимает свою карьеру как путешествие героя? Или путешествие героини, если уж на то пошло?

Кэмпбелл: Скажем так: без мифологии тут тоже не обошлось. Кроме того, у нее был муж, готовый помочь ей увидеть во всем происходящем миф.

Библиография *Джозефа Кэмпбелла*

Здесь представлены основные произведения, написанные Джозефом Кэмпбеллом, а также увидевшие свет под его редакцией. Каждое наименование содержит библиографические данные по первому изданию. За информацией относительно всех прочих изданий, пожалуйста, обращайтесь на веб-сайт Фонда Джозефа Кэмпбелла: www.jcf.org.

Авторские книги

Where the Two Came to Their Father: A Navaho War Ceremonial Given by Jeff King. Bollingen Series i. With Maud Oakes and Jeff King. Richmond, Va: Old Dominion Foundation, 1943.

A Skeleton Key to Finnegans Wake. With Henry Morton Robinson. New York: Harcourt, Brace & Co., 1944.

The Hero with a Thousand Faces. Bollingen Series xvii. New York: Pantheon Books, 1949.

The Masks of God, 4 vols. New York: Viking Press, 1959—1968. Vol. 1. *Primitive Mythology,* 1959. Vol. 2. *Oriental Mythology,* 1962. Vol. 3. *Occidental Mythology,* 1964. Vol. 4. *Creative Mythology,* 1968.

* *The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension.* New York: Viking Press, 1969.

* Книги, отмеченные знаком *, были изданы New World Library в составе «Собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла».

Myths to Live By. New York: Viking Press, 1972.
The Mythic Image. Bollingen Series c. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.
**The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1986.
The Historical Atlas of World Mythology:
Vol. 1. *The Way of the Animal Powers.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1983. Reprint in 2 pts. Part 1. *Mythologies of the Primitive Hunters and Gatherers.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Part 2. *Mythologies of the Great Hunt.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1988.
Vol. 2. *The Way of the Seeded Earth,* 3 pts. Part 1. *The Sacrifice.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Part 2. *Mythologies of the Primitive Planters: The Northern Americas.* New York: Harper & Row Perennial Library, 1989. Part 3. *Mythologies of the Primitive Planters: The Middle and Southern Americas.* New York: Harper & Row Perennial Library, 1989.
The Power of Myth with Bill Moyers. With Bill Moyers. Ed. Betty Sue Flowers. New York: Doubleday, 1988.
Transformations of Myth through Time. New York: Harper & Row, 1990.
**The Hero's Journey: Joseph Campbell on His Life and Work.* Ed. Phil Cousineau. New York: Harper & Row, 1990.
Reflections on the Art of Living: A Joseph Campbell Companion. Ed. Diane K. Osbon. New York: HarperCollins, 1991.
**Mythic Worlds, Modern Words: On the Art of James Joyce.* Ed. Edmund L. Epstein. New York: HarperCollins, 1993.
**Baksheesh & Brahman: Asian Journals—India.* Eds. Robin and Stephen Larsen and Antony Van Couvering. New York: HarperCollins, 1995.
The Mythic Dimension: Selected Essays 1959—1987. Ed. Antony Van Couvering. New York: HarperCollins, 1997.
**Thou Art That: Transforming Religious Metaphor.* Ed. Eugene Kennedy. Novato, Calif.: New World Library, 2001.
**Sake & Satori: Asian Journals—Japan.* Ed. David Kudler. Novato, Calif.: New World Library, 2002.
**Myths of Light: Eastern Metaphors of the Eternal.* Ed. David Kudler. Novato, Calif.: New World Library, 2003.

Книги под редакцией *Джозефа Кэмпбелла*

Books Edited and Completed from the Posthuma of Heinrich Zimmer: Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. Bollingen Series vi. New York: Pantheon, 1946.
The King and the Corpse. Bollingen Series xi. New York: Pantheon, 1948.
Philosophies of India. Bollingen Series xxvi. New York: Pantheon, 1951.
The Art of Indian Asia. Bollingen Series xxxix, 2 vols. New York: Pantheon, 1955.
The Portable Arabian Nights. New York: Viking Press, 1951.
Papers from the Eranos Yearbooks. Bollingen Series xxx, 6 vols. Edited with R. F. C. Hull and Olga Froebe-Kapteyn, translated by Ralph Manheim. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1954—1969.
Myth, Dreams and Religion: Eleven Visions of Connection. New York: E. P. Dutton, 1970.
The Portable Jung. By C. G. Jung. Translated by R. F. C. Hull. New York: Viking Press, 1971.
My Life and Lives. By Rato Khyongla Nawang Losang. New York: E. P. Dutton, 1977.

Об авторе

26 марта 1904 года, почти сто лет назад, в Уайт Плейнс, Нью-Йорк, родился Джозеф Джон Кэмпбелл. Джо, как его все называли, был первым ребенком католической пары из среднего класса — Чарльза и Джозефины Кэмпбелл.

Ранние годы Джо ничем примечательны не были. Когда ему исполнилось семь, отец взял их с младшим братом Чарли на «Шоу Дикого Запада Буффало Билла». Этот вечер стал для маленького Джо судьбоносным, ибо, как впоследствии писал Кэмпбелл, несмотря на то что подлинными звездами шоу были ковбои, он был совершенно захвачен, зачарован, околдован образом почти обнаженного индейца, припавшего ухом к земле, вооруженного луком и стрелами; его глаза блистали какой-то особенной мудростью. Артур Шопенгауэр, философ, чьи труды оказали на Кэмпбелла огромное влияние, писал об этом так:

Переживания и прозрения детства и раннего отрочества в дальнейшем превращаются в типы, стандарты и модели, формирующие весь последующий жизненный опыт и знание; они же создают категории, согласно которым этот опыт классифицируется — причем далеко не всегда осознанно.

Таким образом, именно в детские годы закладывается основа нашего мировосприятия наряду с его будущей глубиной или поверхностностью: в дальнейшем оно может раскрываться и принимать законченную форму, но, по большому счету, не изменится.

Именно так и получилось с юным Джозефом Кэмпбеллом. Даже исповедуя со всей страстью душевной веру своих предков (лет примерно до двадцати), он увлекся культурой североамериканских индейцев; можно сказать, что его мировосприятие было во многом сформировано в переплетении этих двух мифологических традиций. С одной стороны, он с головой уходил в богатейшие традиции, ритуалы и символизм ирландского католицизма; с другой — был одержим способностью носителей первобытных (или, как он впоследствии предпочитал их называть, «первичных») культур непосредственно воспринимать «непрерывно творимую динамическую картину совершенно трансцендентной и в то же время имманентной нашему миру *mysterium tremendum et fascinans*, являющейся основой как всего разыгрывающегося перед нами спектакля, так и созерцающего его человека»[131].

К десяти годам Джо проглотил все имевшиеся в детском отделении местной библиотеки книги по индейцам и даже был допущен к фондам для взрослых, где, к своему восторгу, обнаружил многотомное издание «Докладов Комитета по американской этнологии». Он делал бисерные украшения, организовал среди сверстников собственное племя (в традиции ленни-ленапе[132]) и чуть ли не каждый день бегал в Американский музей естественной истории смотреть на тотемные столбы и маски. Изучение богатейших коллекций этого музея стало для него хобби длиною в жизнь.

Выздоровев от респираторной инфекции, мучившей его почти весь тринадцатый год жизни, Джо некоторое время посещал Айону — частную школу в Вестчестере, но затем мать перевела его в Кентербери — католический пансион в Нью-Милфорде, штат Коннектикут. Старшие классы стали для него временем, богатым на открытия, хотя и ознаменовавшимся серьезной трагедией: в 1919 году в доме Кэмпбеллов случился пожар, унесший жизнь бабушки. Кроме того, в огне погибло все их имущество.

В 1921 году Джо закончил Кентербери и в сентябре того же года поступил в Дартмутский колледж. Вскоре его, однако, разочаровали как социальное поприще, так и недостаток научного рвения

131 Campbell, *The Historical Atlas of world Mythology, vol. 1, pt. 1, p. 8. — Примеч. издателя.*

132 Ленни-ленапе (самоназвание), иначе делавары, — индейское племя в Северной Америке, восточная ветвь алгонкинов. — *Примеч. перев.*

в этом учебном заведении, и он перевелся в Колумбийский университет, где быстро стал одним из первых: он специализировался на средневековой литературе и играл в джаз-банде. В 1924 году, во время путешествия в Европу на пароходе вместе со своей семьей, Кэмпбелл встретил Джидду Кришнамурти, юного мессию Теософского общества. Их дружба периодически возобновлялась на протяжении пяти лет.

Получив в 1925 году в Колумбийском университете степень бакалавра гуманитарных наук, а в 1927 году — степень магистра за работу, посвященную артуриане, Джо получил грант для продолжения своих исследований в Парижском университете (1927—1928). Отказавшись от предложения преподавать в своей альма-матер, он возобновил грант и уехал в Германию, чтобы закончить свои штудии в Мюнхенском университете (1928—1929).

Именно во время пребывания в Европе Джо получил возможность познакомиться с великими мастерами первой половины XX века — скульптором Антуаном Бурделем, Пабло Пикассо, Паулем Клее, Джеймсом Джойсом, Томасом Манном, Зигмундом Фрейдом и Карлом Густавом Юнгом, — чье искусство и идеи в значительной степени повлияли на его собственные работы. Возможно, именно эти встречи привели к формированию его любимой теории, гласящей, что все мифы являются творческим продуктом человеческой психики, а художники — мифотворцами своей культуры; мифологические же системы суть творческое проявление извечной потребности человечества дать какое-то объяснение психологическим, социологическим, космологическим и духовным реалиям.

Вернувшись из Европы в конце августа 1929 года, Джо оказался на распутье, не в силах понять, что ему делать дальше. Как раз в то время разразилась Великая Депрессия, и Кэмпбелл потерял всякую надежду найти хоть какую-то преподавательскую работу. В результате следующие два года он провел, общаясь с семьей, читая, возобновляя старые знакомства и делая записи в дневнике. В конце 1931 года, рассмотрев и отвергнув возможность докторантуры и преподавания в Колумбийском университете, Джо, как и бесчисленное множество молодых людей до и после него, решил «выйти в путь» — предпринять путешествие через всю страну, надеясь узнать «душу Америки» и параллельно, возможно, понять смысл собственной жизни. В январе 1932 года, покидая Лос-Анд-

желес, где он изучал русский язык, дабы прочесть «Войну и мир» Льва Толстого в оригинале, он так описал свое будущее на страницах дневника:

> *Я прихожу к выводу, что у меня подлинный дар работать как лошадь над совершенно неподходящими вещами... Меня переполняет мучительное ощущение, что я никогда ничего не добьюсь, — но когда я сижу и пытаюсь понять, чего же я хочу добиться, то терплю полное поражение... От мысли о преподавании у меня кровь стынет в жилах. Потратить жизнь на то, чтобы убедить себя и студентов: то, чего все мы ищем, заключено в книгах! Где оно на самом деле, я не знаю, но сейчас уверен совершенно твердо — не в книгах. Не в путешествиях. Не в Калифорнии. Не в Нью-Йорке... Так где же оно? И в конце концов — что это такое?*
>
> *Единственный реальный результат моего пребывания в Лос-Анджелесе — исключение антропологии из списка возможных вариантов. Я вдруг понял, что все мое увлечение первобытностью и индейцами с легкостью можно включить в карьеру ученого-филолога. Теперь я убежден, что никакое иное поприще, кроме английской литературы, не позволит мне свободно перемещаться от одного предмета к другому, что мне так нравится. Наука быстро подрежет мне крылья — и, скорее всего, не сможет принести столько важных и интересных плодов, сколько обещает филология! Если я хочу как-то оправдать свое существование и по-прежнему одержим мыслью, что должен дать что-то породившему меня человечеству (уверен, преподавание быстро подавило бы одержимость!), и если я когда-нибудь найду время выработать по-настоящему разумную точку зрения на происходящее в мире, разумная критика существующих в нем ценностей ему отнюдь не помешает. Это возвращает нас вновь к изречению Кришны: лучший способ помочь человечеству — заняться самосовершенствованием.*

Далее путь привел его на север Сан-Франциско, потом обратно на юг, в Пасифик Гроув, где Кэмпбелл провел лучшую часть года в обществе Кэрол и Джона Стейнбек, а также морского биолога Эдда Рикеттса. В это время он писал собственные опусы, открыл для себя поэзию Робинзона Джефферса, впервые прочитал «Закат

Европы» Освальда Шпенглера и обратился в что-то около семидесяти университетов и колледжей в тщетных попытках найти работу. В конце концов ему предложили место преподавателя в Кентербери. Он вернулся на восточное побережье, где провел довольно унылый год, работая заведующим пансионом при школе. Единственным светлым моментом стала публикация его первого короткого рассказа под названием «Чисто платонически» в журнале «Либерти». В 1933 году он переехал в Вудсток (Нью-Йорк) и поселился в коттедже на Маверик-роуд, где не было даже водопровода. Еще год был потрачен на чтение и совершенствование стиля. В 1934 году ему предложили место на кафедре литературы колледжа Сары Лоуренс, которое он с радостью принял и занимал следующие тридцать восемь лет.

В 1938 году Кэмпбелл женился на своей студентке Джин Эрдман, которой суждено было стать звездой еще только завоевывавшего свои позиции на мировой сцене балета-модерн. Она танцевала в труппе для начинающих знаменитой Марты Грэхэм, а затем основала свой собственный творческий коллектив.

Несмотря на скромный пост преподавателя, жизнь Кэмпбелла становилась все интереснее и интереснее. В 1940 году он познакомился со свами Никхилanандой, который заручился его помощью для нового перевода на английский язык «Евангелия Шри Рамакришны». Помимо этого Никхилананда познакомил его с выдающимся индологом Генрихом Циммером, который, в свою очередь, представил его членам редакции Фонда Боллингена. Фонд, основанный Полом и Мэри Меллон с целью «развития образования и проведения исследований в области свободных искусств и наук, а также в прочих отраслях культуры», как раз готовил крупный издательский проект, так называемый Боллингеновский цикл. Кэмпбелла пригласили составить «Предисловие и комментарии» к первой публикации цикла — «Когда двое пришли к отцу: военные ритуалы индейцев навахо».

Когда Циммер неожиданно умер в 1943 году в возрасте всего пятидесяти двух лет, его вдова Кристиана и Мэри Меллон попросили Кэмпбелла руководить публикацией его неоконченных работ. В результате он составил и отредактировал четырехтомное посмертное собрание работ Циммера: «Мифы и символы индийского искусства и цивилизации», «Король и мертвец», «Философские системы Индии», а также двухтомное «Искусство Индийской Азии».

Тем временем по условиям первоначального контракта с Боллингеном Кэмпбелл составлял «Фольклорные комментарии» к «Сказкам братьев Гримм». Кроме того, он (вместе с Генри Мортоном Робинсоном) выступил соавтором книги «Отмычка к “Поминкам по Финнегану”» — первого большого исследования невероятно сложного романа Джеймса Джойса.

Первая полномасштабная авторская работа Кэмпбелла под названием «Тысячеликий герой» имела огромный успех и принесла ему первую из многочисленных наград и знаков почета — Премию за творческие достижения в области литературы Национального института искусств и литературы. В этом исследовании мифа о герое Кэмпбелл постулировал существование такого явления, как craft мономиф (термин был заимствован им у Джеймса Джойса), — универсальная модель, лежащая в основе героических сказок любой культурной традиции. Выделив главные смысловые этапы этого мифического цикла, он также исследовал наиболее распространенные вариации путешествия героя, представляющего собой работающую метафору духовного пути развития не только индивидуума, но и культуры в целом. «Тысячеликий герой» оказал самое непосредственное влияние не на одно поколение художников XX века — от абстрактных экспрессионистов в 50-е годы до современных кинорежиссеров — и со временем был признан классикой на все времена.

Кэмпбелл написал десятки статей и множество других книг, в том числе: «Маски Бога: первобытная мифология», «Мифология Востока», «Мифология Запада» и «Творческая мифология» (*Masks of God: Primitive Mythology, Oriental Mythology,Occidental Mythology,* и *Creative Mythology;* «Полет дикого гуся: исследования мифологических систем» (*The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension);* «Мифы, в которых нам жить» *(Myths to Live By);* «Мифический образ» (*The Mythic Image);* «Внутренние пределы внешнего пространства: метафора как миф и как религия» (*The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion);* а также пять книг для четырехтомного труда «Исторический атлас мифов народов мира» (*Historical Atlas of World Mythology)*, оставшегося, к сожалению, незаконченным.

Кроме того, он был весьма плодовитым редактором. На протяжении многих лет под его редакцией увидели свет карманное издание «Сказок тысяча и одной ночи» (*The Portable Arabian nights*), а

также многотомное издание «Человек и миф» (*Man and Myth*), в которое вошли следующие крупные работы: Майя Дерен, «Божественный всадник: живые боги Гаити» (Maya Deren, *Divine Horsemen: The Living Gods of Haiti*), Карл Кереньий, «Боги греков» (Carl Kerenyi, *The Gods of the Greeks*), Алан Уоттс, «Миф и ритуал в христианстве» (Alan Watts, *Myth and Ritual in Christianity*). Также Кэмпбелл выступил редактором книги «Карманный Юнг» (*The Portable Jung*) и шеститомника «Материалы ежегодников Эраноса: дух и природа» (*Documents from the Eranos Yearbooks: Spirit and Nature*), «Тайны» (*The Mysteries*), «Человек и время» (*Man and Time*), «Духовные дисциплины» (*Spiritual Disciplines*), «Человек и трансформация» (*Man and Transformation*) и «Мистическое видение» (*The Mystic Vision*).

Однако, несмотря на такое изобилие публикаций, наибольшую известность и популярность Кэмпбелл получил не как писатель, а как оратор и лектор. С самого первого своего публичного выступления в 1940 году (это была лекция в Центре Рамакришны-Вивекананды под названием «Послание Шри Рамакришны к людям Запада») он стал известен как эрудированный, но чрезвычайно доступный лектор, талантливейший рассказчик и чрезвычайно остроумный собеседник. В последующие годы приглашения дать лекцию на ту или иную тему поступали ему все чаще и чаще. В 1956 году Кэмпбелла попросили выступить в Институте иностранных дел Государственного департамента США; работая «без бумажки», он читал лекции два дня напролет. Слушатели пришли в такой восторг, что с тех пор приглашали его ежегодно в течение семнадцати лет. В середине 1950-х годов он провел серию публичных лекций в Куперовском союзе в Нью-Йорке. Каждая последующая собирала еще большую аудиторию, чем предыдущая, и вскоре они также стали регулярными.

В Эсаленском институте Кэмпбелл впервые читал в 1965 году. С тех пор каждый год он вновь и вновь приезжал в Биг Сюр, чтобы поделиться новыми мыслями, идеями, историями. С каждым годом он все больше ждал этих визитов в «Тихоокеанский рай». В 1972 году он вышел в отставку с поста преподавателя колледжа Сары Лоуренс и посвятил себя работе над книгами, но тем не менее каждый год продолжал читать два лекционных курса по месяцу каждый.

В 1985 году Кэмпбелл был награжден почетной золотой медалью Национального клуба искусств в области литературы. На

церемонии награждения Джеймс Хиллман заметил: «Ни один автор двадцатого века — ни Фрейд, ни Томас Манн, ни Леви-Стросс — не сделал столько для того, чтобы вернуть в наше повседневное сознание мифологическое ощущение мира и его вечных архетипов».

Джозеф Кэмпбелл умер неожиданно в 1987 году после непродолжительной борьбы с раком. В 1988 году миллионы людей по всему миру узнали о его идеях из цикла телепередач на канале PBS, озаглавленного «Джозеф Кэмпбелл и сила мифа», который вел Билл Мойерс. Это были шесть часов захватывающе интересных бесед, снятых на видеопленку за несколько последних лет. Когда Кэмпбелл умер, «Ньюсуик» написал: «Это был один из редчайших американских интеллектуалов: подлинный мыслитель, принятый и понятый популярной культурой».

В свои последние годы Кэмпбелл любил вспоминать забавную мысль Артура Шопенгауэра, высказанную в эссе «Об очевидной цели в судьбе индивидуума». Быть может, где-то есть романист, пишущий повесть нашей жизни так, что из ее событий, кажущихся нам случайными, сплетается удивительный и захватывающий сюжет, которого мы, герои его писаний, не в силах осознать.
И сейчас, оглядываясь на жизнь Кэмпбелла, я не могу отделаться от ощущения, что она подтвердила истинность наблюдения великого философа.

О Фонде
Джозефа Кэмпбелла

Фонд Джозефа Кэмпбелла представляет собой некоммерческое объединение, продолжающее дело этого выдающегося ученого, проводя исследования в области мифологии и компаративного религиоведения. В своей деятельности Фонд руководствуется тремя главными целями.

Во-первых, Фонд занимается хранением, обработкой и использованием творческого наследия Кэмпбелла. Это подразумевает каталогизацию и архивирование работ ученого, разработку новых публикаций, основанных на его трудах, обеспечение продажи и распространения опубликованных материалов, защиту авторских прав и ознакомление с ними широкой публики посредством перевода в цифровой формат и публикации на веб-сайте Фонда.

Во-вторых, Фонд поощряет и поддерживает научные исследования в области мифологии и компаративного религиоведения. Это включает проведение и поддержку различных образовательных программ в области изучения мифологических систем и их взаимодействия, проведение и финансовую поддержку разнообразных тематических публичных мероприятий, финансовую поддержку архивного хранения работ Кэмпбелла (главным образом в Архиве и Библиотеке Джозефа Кэмпбелла и Марии Гимбутас) и использование веб-сайта Фонда для организации релевантного кросс-культурного диалога.

В-третьих, Фонд ведет широкую общественную деятельность, организуя серию программ, в том числе и с использованием ин-

тернет-технологий, включающую периодические круглые столы, посвященные вопросам мифологии и др.

Больше информации лично о Джозефе Кэмпбелле и Фонде Джозефа Кэмпбелла вы сможете получить по адресу:

JOSEPH CAMPBELL FOUNDATION
www.jcf.org
Post Office Box 36
San Anselmo, CA 94979-0036
Toll free: (800) 330-myth
E-mail: info@jcf.org.

О собрании сочинений *Джозефа Кэмпбелла*

Джозеф Кэмпбелл скончался в 1987 году, оставив впечатляющий корпус опубликованных трудов, посвященных страсти всей своей жизни — комплексу универсальных мифов и символов, который он называл «великой историей человечества». Однако далеко не все его работы были опубликованы: в архивах обнаружилось множество разрозненных статей, записок, писем и дневников, не говоря уже об аудио- и видеозаписях лекций.

Фонд Джозефа Кэмпбелла был основан в 1991 году для того, чтобы должным образом сохранить его труды и обеспечить им жизнь в веках. Фонд предпринял масштабную архивацию работ мастера и перенос их на цифровые носители, а также публикацию ранее недоступных широкому кругу читателей материалов в рамках настоящего собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла.

Собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла
Роберт Уолтер, ответственный редактор
Дэвид Кадлер, ведущий редактор

Другие книги из собрания сочинений *Джозефа Кэмпбелла*

«Ты еси то: трансформация религиозной метафоры» («Thou Art That: Transforming Religious Metaphor»)

«Внутренние границы внешнего пространства: метафора как миф и как религия» («The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion»)

«Полет дикого гуся: исследуя мифологические измерения (избранные статьи 1944-1968)» («The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension (Selected Essays 1944-1968)»)

«Саке и сатори: азиатские дневники — Япония» («Sake and Satori: Asian Journals — Japan»)

«Бакшиш и брахман: азиатские дневники — Индия» («Bak-sheesh and Brahman: Asian Journals — India»)

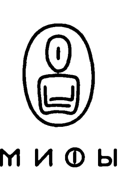
«Путь героя: Джозеф Кэмпбелл, его жизнь и труды» («The Hero's Journey: Joseph Campbell on His Life and Work»)

«Мифы света: восточные метафоры вечности» («Myths of Light: Eastern Metaphors of the eternal»)

«Миры мифа и современности: об искусстве Джеймса Джойса» («Mythic Worlds, Modern Worlds: On the Art of James Joyce»)

Книги *Джозефа Кэмпбелла*, вышедшие на русском языке

«Мифический образ» (*The Mythic Image*)
«Тысячеликий герой» (*The Hero with a Thousand Faces*)
«Маски Бога» (*The Masks of God*)
«Мифы, в которых нам жить» (*Myths to Live By*)

Издательство «Открытый мир»
представляет книжную серию «Мифы»

Известные мифологические сюжеты
в трактовке лучших современных писателей

Карен Армстронг
Краткая история мифа

Виктор Пелевин
Шлем ужаса
Креатифф о Тесее и Минотавре

Джанет Уинтерсон
Бремя
Миф об Атласе и Геракле

Маргарет Этвуд
Пенелопиада

Давид Гроссман
Львиный мед
Повесть о Самсоне

Готовятся к изданию мифы
от *Чинуа Ачебе*, *Нацуо Кирино*,
Су Тун и др.

Джозеф Кэмпбелл

Пути к блаженству:

мифология и трансформация личности

Редактор А. Блейз

Художник А. Бондаренко

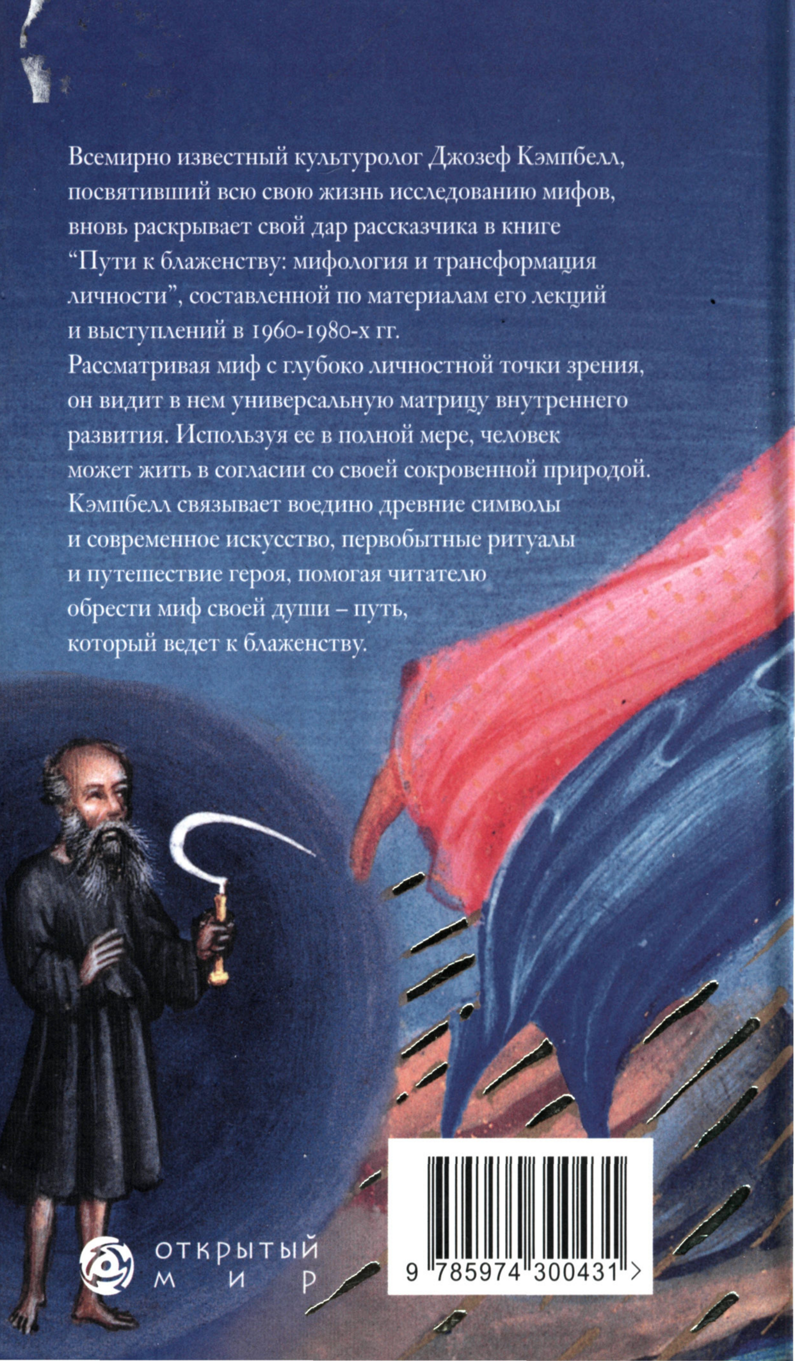
Корректоры И. Москаленко, Е. Степанович

Верстка Д. Толпыга

ООО «Открытый Мир»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 18, стр. 1
Тел.: +7 495 789 82 31
Наши электронные адреса:
www.openw.ru
www.ombooks.ru
info@openw.ru
Интернет-магазин: www.omstore.ru

Подписано в печать 08.06.2006. Формат 84×108 1/32.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80.
Тираж 3000 экз. Заказ № 465.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

Всемирно известный культуролог Джозеф Кэмпбелл, посвятивший всю свою жизнь исследованию мифов, вновь раскрывает свой дар рассказчика в книге "Пути к блаженству: мифология и трансформация личности", составленной по материалам его лекций и выступлений в 1960-1980-х гг.
Рассматривая миф с глубоко личностной точки зрения, он видит в нем универсальную матрицу внутреннего развития. Используя ее в полной мере, человек может жить в согласии со своей сокровенной природой.
Кэмпбелл связывает воедино древние символы и современное искусство, первобытные ритуалы и путешествие героя, помогая читателю обрести миф своей души – путь, который ведет к блаженству.

ОТКРЫТЫЙ МИР

9 785974 300431